

Индекс П8643

5
2018

РОССИЯ XXI 2018 5

РОССИЯ XXI

5. 2018 сентябрь-октябрь

Геоглобалистика

Жорес Медведев, Рой Медведев

Россия как новый центр геополитической
и экономической интеграции _____ **6**

Игорь Максимычев

Устоит ли Европа?
Нестабильность упорно стучится в двери Евросоюза__ **20**

Страницы истории

Валерий Солдатенко

«От вашего поведения теперь, по-моему, очень многое
зависит... Ваш Плеханов».
Эпизоды совпадения политических позиций
Георгия Пятакова и Георгия Плеханова _____ **44**

Пути духовных исканий

Валерий Журавлев

История рациональная и история эмоциональная:
пути интеграции _____ **76**

Ярлыки и мифы

Ольга Заиченко

Убежище от страхов и проекция надежд.
Русский миф как элемент
консервативного «стиля мышления»
в Германии во второй четверти
XIX века _____ **100**

Россия в мире

Владимир Дегоев

«Разведать о всяком тамошнем состоянии».
Англия глазами Петра I _____ **126**

Кирилл Киржа

О некоторых исторических основах
российско-сербской дружбы _____ **152**

Актуальный архив

Татьяна Филиппова

Олегов щит в революционном
«интерьере».
Образы Востока в русской журнальной
сатире 1917–1918 годов _____ **168**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С. доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

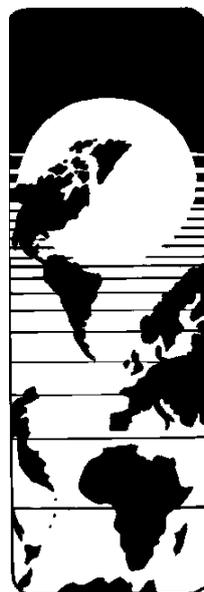
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Мир уже слишком интегрирован,
слишком связан друг с другом,
чтобы какая-либо страна могла
сама решать свою судьбу.

Людвиг Эрхард

Говорят про Россию, что она
не принадлежит ни к Европе,
ни к Азии, что это особый мир.
Пусть будет так. Но надо еще
доказать, что человечество,
помимо двух своих сторон,
определяемых словами –
Запад и Восток, обладает
еще третьей стороной.

П.Я. Чаадаев

Жорес Медведев, Рой Медведев

РОССИЯ КАК НОВЫЙ ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

УДК
327.2
94(47)"1991–2014"

Распад Советского Союза в 1991 году продемонстрировал неустойчивость государственной системы, основанной на идеологии. Глобализация экономического развития привела к перемещению многих отраслей промышленности США и ЕС в восточные регионы с дешевой рабочей силой и с высокой прибыльностью. Реформирование в СНГ социалистической системы в капиталистическую сопровождалось упадком жизненного уровня. Поворот к историческим российским патриотическим ценностям, осуществленный Примаковым, и высокий рост мировых цен на энергоресурсы с начала 2001 года вернули Россию на путь экономического роста. Попытка лидеров Украины присоединить страну к ЕС и отменить региональный статус русского языка окончилась провалом и потерей Крыма и Донбасса. Белоруссия и Казахстан проводили политику экономической интеграции с Россией. Это привело к образованию Евразийского экономического союза и к объединению вокруг него многих соседних стран.

The desintegration of the Soviet Union in 1991 demonstrated the instability of an ideological state system. Globalization of economic development outsourced some western industries to China, India and other countries with cheap labor. The transformation of Russian economy from socialist to capitalist system by "shock therapy" resulted in sharp decline of living standards. In 1998 Eugeny Primakov did return Russian policy to patriotic values. The sharp rise of oil and gas prices since 2001 did help to restore the growth of Russian economy. The attempt of Ukraine to join EU and to restrict the use of Russian language failed and resulted in loss of Crimea and Donbass. Belarus and Kazakhstan integrated their economies with Russia by creating the Eurasian Economic Union.

Ключевые слова: распад СССР; глобализация; Евгений Примаков; война с Грузией; Крым; Белоруссия; Казахстан; ЕАЭС; ЕС.

Key words: desintegration of USSR; globalization; Eugeny Primakov; war in Georgia; Crimea; Belarus; Kazakhstan; EAEU; EU.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk.

Цивилизации в развитии человечества стали возникать с появлением оседлого образа жизни, вслед за расселением людей по всем континентам. Возникновение цивилизаций – это результат развития языков и письменности, разделения земледелия и ремесел, появления городов и возникновения религий и национальных государств. Формирование цивилизаций оседлых, территориальных наций проявлялось в появлении литературы, музыки, архитектуры, скульптуры, живописи, наук и медицины. Формирование цивилизаций кочевых народов сопровождалось развитием военных ремесел и искусств, украшений, керамики, кожаных изделий, строительством дорог, а после распространения ислама в XIV веке на кочевые народы как их государственной религии, – дворцов, мечетей и минаретов. Римская империя, расширявшаяся в Европе, и Великая Монголия, возникшая в Азии, были первыми сверхдержавами. Многовековой конфликт между оседлыми и кочевыми народами, начавшийся в IV веке вторжением племен гуннов в Европу, завершился в 1591 году победой русской армии над осадившим Москву войском крымского ханства, осколка Золотой Орды. В ознаменование этой победы в Москве был построен Донской монастырь.

XX-й век.

Социализм и капитализм

У нас нет намерения рассматривать историю цивилизаций. Мы хотим лишь констатировать, что переход главных факторов в развитии цивилизаций от религий, культур и языков к торговле, колонизациям, политическим догмам, техническому развитию и экономике, происходивший до XX века, закончился двумя мировыми войнами. Последняя из них, в которую были вовлечены и люди нашего поколения, привела к созданию атомного и термоядерного оружия и межконтинентальных ракет, применение которых для решения продолжающихся конфликтов стало бы угрозой существованию всего человечества.

Конфликты и войны не прекращались и после создания атомного оружия. Однако между странами, овладевшими атомным и ракетным оружием, установился вынужденный мир, известный как «холодная война». Она сопровождалась конкуренцией капиталистической и социалистической систем за мировые природные ресурсы. Распад Советского Союза в 1991 году продемонстрировал большую устойчивость западной капиталистической системы.

В социалистической системе, новой для мира, государственная власть централизованно управляла производственными процессами в

промышленности и в сельском хозяйстве, а также контролировала работу финансовых институтов и торговли. В капиталистических странах промышленные, сельскохозяйственные, финансовые и торговые предприятия не управлялись государственной администрацией, полномочия которой ограничивались бюджетными отраслями, образованием, здравоохранением, соблюдением законов, охраной среды и военными расходами.

Глобализация

Распад Советского Союза и всего блока социалистических восточноевропейских государств привел к трансформации их противников, объединенных в НАТО и ЕС. Военные расходы, при отсутствии стратегического и идейного противника, значительно сократились, тогда как экономическое развитие, ускорившись с появлением цифровых технологий, приобрело новые возможности роста и расширения – *глобализации*.

Разнообразные производственные мощности и отрасли промышленности, в результате присущей капитализму конкуренции и необходимости роста прибылей, стали перемещаться в страны с низкой оплатой труда, с большими резервами квалифицированной рабочей силы и с отсутствием социальных обязательств (пенсионные отчисления, медицинские страховки и т.д.). Это обеспечивало снижение себестоимости товаров, более высокие прибыли и уменьшение налогов. Этот процесс определялся термином «outsourcing». Предприятия текстильной, обувной, бытовой, химической, приборной, автомобильной и многих других отраслей промышленности перемещались из Европы и США в Китай, Бангладеш, Индию, Вьетнам и Таиланд – преимущественно в те страны, которые не имели религиозных ограничений образа жизни, противоречивших привычным свободам западной цивилизации. Некоторые промышленные предприятия Японии, Южной Кореи и Германии переместились в Россию. США и ЕС, освобождаясь от многих производственных процессов, за исключением военной и химической промышленности, приобрели возможность расширения потребительской и сервисной экономики и жилищного строительства. Теоретики называли этот процесс созданием «постиндустриального общества». Жизненный уровень населения в этих странах вырос за 20 лет почти в два раза. В Великобритании ВВП на душу населения вырос с \$17,770 в 1992 году до \$38,540 в 2010 году. Уровень жизни стремительными темпами возрастал и в тех азиатских странах, кото-

рые были включены в процессы глобализации. В Китае показатели ВВП на душу населения, \$370 в 1991 году, взлетели до \$4,260 в 2010 [1].

Россия и СНГ

В России и в странах СНГ, начавших, каждая по-своему, перестраивать социалистическую экономику в капиталистическую, шли противоположные процессы. Гиганты социалистической индустрии, с трудом подвергавшиеся приватизациям, закрывались или продавались на залоговых аукционах за небольшую часть их реальной стоимости. Приватизировалась через залоговые аукционы и добыча природных ресурсов, нефти, угля, металлов. В России ВВП на душу населения упал за десять лет вдвое, с \$3,220 в 1991 году до \$1,660 в 2000 году. В других бывших советских республиках падение всех экономических показателей было еще более значительным. В Украине ВВП на душу населения упал до \$700, в Узбекистане до \$860¹. Исключение составляла лишь Белоруссия, в которой не проводилась приватизация государственных промышленных предприятий.

Экономический спад в странах СНГ сопровождался серией военных и политических конфликтов. Война между Арменией и Азербайджаном из-за принадлежности Нагорного Карабаха нанесла большой ущерб обеим республикам. Гражданская война в Таджикистане между исламистами и сохранившейся «советской» администрацией, вспыхнувшая летом 1992 года, существенно подорвала экономику страны. Грузино-абхазская война 1992 года нанесла большой ущерб экономике Грузии. Самопровозглашенная Приднестровская республика также возникла в результате военного конфликта между русско-украинским и молдавско-румынским населением Молдовы. Восстание в Чечне в 1994 году и провозглашение независимой чеченской республики Ичкерии показывало, что распад СССР мог продолжиться расчленением России по границам ее этнических и религиозных автономий. Республика Татарстан, богатая нефтью, прекратила перечисления из своих доходов в общий бюджет России. Дефолт России в августе 1998 года, вызвавший обвал рубля, сокращение импорта и отставку правительства, стал кульминацией кризиса.

---

¹ Цифры ВВП на душу населения приводятся по номиналу, а не по покупательной способности, как это делается в общей прессе.

Разворот над Атлантикой

Российская Федерация оставалась без правительства почти месяц, с середины августа до середины сентября 1998 года. Две попытки Бориса Ельцина сформировать лояльное ему правительство отвергались Государственной Думой. Третьим кандидатом на пост премьер-министра, которого Государственная Дума при поддержке фракции КПрФ утвердила без колебаний, стал Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро КПСС, министр иностранных дел в ушедшем в отставку правительстве и бывший директор службы внешней разведки СССР, а затем и РФ.

Примаков, ученый-востоковед, профессор, академик, директор Института востоковедения АН СССР, журналист, дипломат и гражданский разведчик, был выдающейся личностью. Сформированное им дееспособное правительство быстро взяло под контроль кризисную ситуацию, перекрыло утечку капиталов из страны и возбудило сотни уголовных дел по хищениям бюджетных средств, коррупции и неуплаты налогов, в основном представителями олигархического капитализма.

Историческим актом лично Евгения Примакова был знаменитый «Разворот над Атлантикой» 24 марта 1999 года, когда летевший с официальным визитом в США Примаков, узнав в полете о решении НАТО бомбить Сербию, распорядился отменить визит и вернуть правительственный самолет в Москву. Этот акт был демонстрацией решительного отказа России от прозападной политики, начатой Михаилом Горбачевым в 1988 году и более активно продолженной Ельциным.

Во время визита Примакова в США предполагалось подписание соглашений о крупных кредитах. Примаков продемонстрировал, что Россия будет отстаивать собственные традиционные национальные интересы, независимо от экономических выгод. Братство и союз славянских народов, среди которых Сербия исторически всегда занимала особое место, было приоритетом внешней политики Примакова.

Давление со стороны администрации США, российских олигархов, членов собственной семьи и личные мотивы побудили Ельцина сместить Примакова без объяснения причин.

Новым премьером 12 мая 1999 года был назначен генерал-полковник Сергей Степашин, министр внутренних дел РФ. 9 августа 1999 года Степашин, также без объяснения причин, был уволен.

Владимир Путин, назначенный в тот же день исполняющим обязанности премьер-министра, первоначально не воспринимался населением страны и ее элитой как реальный лидер. С 1998 года он был пятым

председателем правительства Российской Федерации. Отношение к Путину изменилось после возобновления войны в Чечне, где чеченские боевики вторглись в Дагестан, стремясь использовать политическую нестабильность в России и обеспечить выход Ичкерии к Каспийскому морю. Именно инициативное руководство Путиным военными действиями в Чечне, которое он осуществлял, не имея формальных полномочий Главнокомандующего, обеспечили быстрый рост его популярности. Силевое возвращение Чечни-Ичкерии под полный контроль России стало поворотом и в ее собственной истории в XXI столетии.

Южная Осетия и Абхазия

Южная Осетия и Абхазия, подобно Приднестровью, существовали как непризнанные независимые республики с 1992 года. Аналогами таких минигосударств можно считать ту-

рецкий Северный Кипр и Косово, безопасность которых гарантируется их создателями – Турцией и НАТО. Безопасность Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии гарантировалась с 1992 года российскими миротворческими подразделениями.

Поздно вечером 7 августа 2008 года Грузия, армия которой в предыдущие годы была модернизирована и обучена иностранными инструкторами, предприняла попытку внезапного вооруженного захвата Южной Осетии, полагая, что Россия, отрезанная от Южной Осетии Кавказским хребтом, не вступит в войну. Президентом РФ и Верховным Главнокомандующим был в это время Дмитрий Медведев. Премьер-министр Путин находился в Пекине, где на 8 августа было назначено открытие Олимпийских игр. Те, кто планировал эту военную операцию-блицкриг, не предполагал, что она сразу превратится в полномасштабную войну между Грузией и Россией. Однако Россия, миротворческий батальон которой первым подвергся обстрелу танками грузинской армии и понес потери, приняла иное решение. 9 августа российские авиация и флот нанесли удары по всем военным объектам на территории Грузии, а танковые и пехотные подразделения 58-й армии, дислоцированные в Северной Осетии, пройдя через четырехкилометровый горный Рокский тоннель, развернули наступление, быстро разгромив основные силы грузинской армии.

Описание хода военных действий этой пятидневной войны не входит в нашу задачу. Ее основным результатом стало официальное признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии и установление с этими республиками дипломатических отношений. В течение

последующих лет происходила неизбежная экономическая и политическая интеграция этих республик с Россией. Русский язык был признан как один из официальных на их территории, а рубль стал их национальной валютой. Абхазия с ее субтропическим климатом и протяженным морским побережьем является в настоящее время важной курортной зоной для России, тогда как Южная Осетия обеспечивает выход России в Закавказье. Пятидневная война с Грузией привела к серьезным реформам и к модернизации российской армии. Дипломатические отношения Грузии с Россией были разорваны и не восстановились до настоящего времени.

Крым

Крымское ханство, о набегах отрядов которого рассказывалось в начале очерка, было, после двух российско-турецких войн, включено в состав Российской империи в 1783 году.

Территория ханства стала Таврической губернией, в состав которой в конце XIX века входили также Мелитополь и Бердянск. В 1918–1920 годах, в период гражданской войны, Крым продержался почти три года как самостоятельное государство. Третий раз изменение статуса Крыма было осуществлено по решению Государственного Комитета Обороны в мае 1944 года после депортации крымских татар в Казахстан и Среднюю Азию. Крымская автономия была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Крымская область Указом Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 была, по инициативе Хрущева, передана в состав Украинской ССР. 12 февраля 1991 года Крымская область снова была преобразована в Крымскую автономную республику в составе УССР. После распада СССР и создания независимой Украины Крым получил статус автономной республики. Жителям Крыма предоставлялось конституционное право на собственный парламент – Верховный Совет Крыма. Свержение в феврале 2014 года президента Украины Виктора Януковича и попытка украинских националистов отменить региональное равноправие русского языка в восточных и южных областях привели к волнениям среди русского населения Крыма, составлявшего здесь большинство. 16 марта 2014 года в Республике Крым состоялся референдум, результатом которого стало возвращение Крыма в состав Российской Федерации. По данным переписи населения в 2001 году в Крыму проживало полтора миллиона человек, 60,6% из них русские, 24,1% – украинцы и 10,3% – крымские татары, возвращение

которых из Казахстана и Средней Азии началось в 1967 году. В 2014 году население Крыма превысило 2 миллиона человек.

Вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ радикально изменило геополитическое положение России в Черноморском и Средиземноморском регионах и способствовало политическому и экономическому сближению России и Турции.

Донбасс

Донецкий регион, в состав которого входят современные Донецкая и Луганская области, имел в прошлые века очень редкое население. Степные районы России подвергались частым набегам крымских и ногайских племен, занимавшихся работоторговлей. Присоединение Крымского ханства к Российской империи изменило положение. Однако реальное развитие этих степных территорий между Доном и Днепром, богатых углем и железной рудой, началось лишь с середины XIX века, когда строительство в России железных дорог привело к возросшим потребностям в угле и железной руде.

Весь регион в последующие десятилетия в Российской империи и в СССР развивался как самый крупный центр угольной, металлургической и машиностроительной промышленности. Он был включен в состав Украинской ССР, образованной при создании СССР на Всесоюзном съезде Советов в декабре 1922 года. Включение Донбасса и Харькова с их русским населением в состав УССР для ее «пролетаризации» было личной инициативой Ленина. Столицей Украинской ССР до 1934 года был Харьков.

Свержение 22 февраля 2014 года президента Януковича, неконституционная передача 23 февраля полномочий президента избранному днем ранее Председателем Верховной Рады Александру Турчинову и решения националистов об ограничениях в использовании русского языка вызвали в Луганской и Донецкой областях, в которых русскоязычное население составляло абсолютное большинство, такие же волнения и недовольство, как и в Крыму. В апреле 2014 года они привели к образованию самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных республик (ДНР и ЛНР) и к началу военного конфликта, фактически к Гражданской войне, которая продолжается и до настоящего времени. Продовольственное снабжение Донецка и Луганска осуществляется преимущественно из России гуманитарными конвоями через границу в

Ростовской области. Платежным средством на территориях ДНР и ЛНР, наряду с гривной, стал рубль.

Предсказать развитие событий в этом регионе невозможно. Конфликт имеет высокую экономическую цену и ведет к упадку экономики Украины. Это, в свою очередь, приводит к сокращению численности ее населения в результате значительной трудовой и общей эмиграции.

**Политические
и экономические
партнеры России**

Советский Союз имел глобальные сферы влияния, определявшиеся идеологическими и политическими факторами. Достаточно вспомнить Кубу, Вьетнам, Анголу, Румынию и

Польшу, экономика которых зависела от кредитов из СССР, которые впоследствии не возвращались и списывались. Российская Федерация в 1989–1998 годах сама стала «сферой» влияния ЕС и США, поддерживая свою экономику западными кредитами. Основные экспортные ресурсы России, нефть и природный газ, экспортировались в этот период по ценам, которые нередко были ниже их себестоимости. Положение России начало меняться с 2001 года, когда мировые цены на энергоресурсы пошли быстро вверх. Россия, как исторический наследник прошлой империи и СССР, снова стала центром притяжения для своих соседей. Главным фактором этой тенденции были не идеология и не религия, а общая история, экономика, культура, русский язык и взаимное уважение народов.

Белоруссия

Белоруссия до 1991 года не существовала как независимое государство. Ее современная территория входила в прошлые века в состав Литовского княжества и Речи Посполитой. В

Российской империи не было ни украинских, ни белорусских автономий. Белорусская ССР, как и украинская, была сформирована в декабре 1922 года. В 1924 году БССР была расширена передачей в ее состав нескольких российских уездов. В августе 1939 года в результате Пакта Молотова–Риббентропа территория Белоруссии была снова расширена за счет населенных белорусами земель в восточных районах Польши.

В конце 1991 года, приобретя статус независимого государства, Республика Беларусь, большинство населения которой было русскоговорящим, не пошла по пути радикальных экономических реформ и «шо-

ковой терапии». Избранный в 1994 году президентом Беларуси Александр Лукашенко провел путем референдумов серию реформ, в результате которых Беларусь стала президентской республикой, а русский язык получил статус государственного наравне с белорусским. Русский язык доминирует в школах, в высших учебных заведениях, в книгоиздательстве и в средствах массовой информации. В 2004 году из Конституции Беларуси было удалено ограничение на число президентских сроков для одного человека. Декреты президента приобретали силу закона. Эти изменения были восприняты в западных странах как введение диктатуры. В октябре 2015 года Лукашенко был избран, с большинством в 83,49%, президентом страны на пятый срок. Можно ожидать, что и в 2020 году Лукашенко, которому к тому времени исполнится 65 лет, останется президентом республики.

Белоруссия – небольшая страна. Ее население, составлявшее в 1994 году 10,4 миллиона человек, снизилось к 2015 году до 9,5 миллиона в результате низкой рождаемости и эмиграции в Россию. Экономика Беларуси в значительной степени интегрирована с российской. Не имея энергетических ресурсов, Беларусь зависит от поставок нефти, газа и электроэнергии из России. Импорт Беларуси в 2014 году на 54% поступал из России.

В 1992–2000 годах средний уровень жизни (ВВП на душу населения) в Беларуси несколько превосходил российский. Однако с 2004 года Беларусь стала отставать от России. К настоящему времени это отставание увеличилось до 20–25%. Возросли внешние долги и темпы инфляции. Валютная система Беларуси пережила несколько кризисов, сопровождавшихся обвалами банкнот и деноминациями. Кредиты Беларуси предоставляет в основном Россия. Возвращение кредитов и проценты по ним осуществляются поставками белорусских товаров. Некоторые долги Россия просто списывает. Россия с 2011 года строит в кредит в Беларуси атомную электростанцию, первый из двух блоков которой будет запущен в 2019 году.

Экономические проблемы заметно возросли в 2016–2017 годах. Именно это, по-видимому, послужило одной из причин заявления Лукашенко в его выступлении в Шкловском районе 22 июня 2018 года, которое широко комментировалось в прессе:

«Мы – на фронте. Не выдержим эти годы, провалимся – значит, надо будет в состав какого-то государства идти...»²

² Этот намек был воспринят как возможность воссоединения Беларуси с Россией.

Казахстан

Казахстан, как Украина и Белоруссия, не имел до 1991 года суверенной государственности. Казахская ССР вошла в состав СССР в декабре 1936 года при принятии «сталинской»

Конституции. По Переписи населения в 1939 году, результаты которой были засекречены и опубликованы лишь в 1992 году, русское население Казахской ССР составляло 2,458,687 человек (40,0%), казахское – 2,327,625 человек (37,8%). Остальное население республики было представлено украинцами (10,7%), узбеками, татарами, корейцами, немцами, евреями, уйгурами «и прочими» [2]. Кампания по «освоению целинных земель» в Казахстане в 1956–1963 годах увеличила численность русского и украинского населения. Однако росло и казахское население. К 1989 году в Казахстане проживали 6,4 миллиона казахов, 6,2 миллиона русских и 896 тысяч украинцев.

После распада СССР в 1991 году и приобретения Казахстаном независимости русские и украинцы активно покидали республику, хотя русский язык оставался вторым государственным. Нурсултан Назарбаев, который стал лидером Казахстана уже в 1989 году, как Первый секретарь ЦК КП Казахстана, предпринимал большие усилия по трансформации казахского языка в основной государственный, хотя около половины населения республики им не владело. Казахи до начала коллективизации в 1929 году были кочевым народом. Литературный казахский язык, как и казахская письменность, формировался с использованием арабского алфавита. С 1929 года казахский язык стал постепенно переходить на кириллицу (русский алфавит). Сравнительно недавно, в апреле 2017 года, указом Назарбаева принято решение о переводе казахского языка на латинский алфавит. Этот процесс следует завершить к 2025 году. Эта реформа письменности, навязанная сверху, создает в настоящее время главные проблемы в республике и осложняет отношения с казахской диаспорой.

В Казахстане, как и в Белоруссии, нет ограничений на число сроков президентских полномочий. Однако в Конституции республики эта привилегия распространяется лишь на «Первого» президента, то есть на Назарбаева. Ему недавно исполнилось 78 лет. Он безусловно останется на этом посту до конца своей жизни. На последних выборах президента в апреле 2015 года Назарбаев был избран с большинством 97,75%. Как и у Лукашенко, у Назарбаева нет ни преемников, ни организованной оппозиции.

Экономическое благополучие Казахстана безусловно основывается на экспорте нефти, которая в разные годы составляла от 60 до 70% всего казахстанского экспорта. Ежегодная добыча нефти в Казахстане составляет около 80 миллионов тонн и продолжает расти. Разведанные запасы нефти могут обеспечить этот уровень добычи на много десятилетий.

Казахстан, Белоруссия и Россия подписали в 2007 году договор о создании Таможенного союза (ТС), который, вступив в силу с начала 2010 года, явился первым шагом к экономической интеграции трех стран. С января 2015 года Таможенный Союз был преобразован в Евроазиатский экономический союз (ЕАЭС). В настоящее время в пределах Единой таможенной территории отменены пошлины и ограничения экономического характера. Нет проверок на границах. В ЕАЭС в 2015 году вступили Армения и Киргизия – государства, бедные ресурсами, с очень слабыми экономиками и низким жизненным уровнем. Граждане государств-членов ЕАЭС имеют равные права устройства на работу в любой из стран союза. Расчеты между членами ЕАЭС осуществляются в рублях. В пределах не только ЕАЭС, но и всего СНГ трудовая и общая миграция происходит в основном в Россию.

В перспективе в состав ЕАЭС могут войти и другие страны Средней Азии: Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. В каждой из них русским языком владеет почти все население. Он признан как «язык международного общения» и входит в школьные программы.

Узбекистан, самая густонаселенная из Среднеазиатских республик (33 миллиона человек, почти половина из них – сельские жители), испытывает острый дефицит воды. Наступает пустыня со стороны высохшего Аральского моря. Реки Амударья и Сырдарья, ранее питавшие Арал, сейчас до него не доходят. В этом районе продолжает развиваться крупнейшая в мире экологическая катастрофа. Решение этой проблемы возможно лишь переброской воды из сибирского Иртыша, по модели канала Иртыш–Караганда, протяженностью 458 км, с множеством насосных станций, построенного еще в СССР. Решить эти проблемы нельзя без прямого участия России.

В 2017 году Россия простила Узбекистану все старые долги по кредитам. Россия списала также долги Киргизии и Монголии и нескольких других стран.

Ближайшее будущее

В современном человеческом обществе, вышедшем на новый технологический уровень, небольшие страны не в состоянии создавать полноцен-

ную экономику и неизбежно группируются вокруг более крупных государств. Центрами такой интеграции могут стать, однако, лишь страны, имеющие не только очень большие промышленные и сельскохозяйственные ресурсы, но и военный потенциал для их защиты. При этом интегрирующим центром становятся лишь исторически сохранившиеся культурные цивилизации. Россия, русский язык, русская культура и российская история создают необходимые условия для интеграционных процессов. Территориально этот интеграционный регион является самым большим в мире и характеризуется минимальной конфликтностью входящих в него стран. Они между собой в прошлом не воевали. Россия в настоящее время производит большие избытки сельскохозяйственных продуктов и является крупнейшим в мире экспортером зерна. В кооперацию с ЕАЭС могут войти Сербия, Турция и Сирия.

Европейский союз (ЕС) обладает значительно меньшим числом интеграционных факторов, среди которых преобладают географические, экономические и политические. В состав ЕС в настоящее время входят лишь страны с христианской религией. Турция, Босния, Косово и Албания остаются в статусе «кандидатов» много лет. Из 28 стран ЕС в еврозону с общей валютой входят 19 членов. У стран, членов ЕС, нет общей истории. До 1945 года и в течение многих веков они между собой постоянно воевали. Нет общего языка и общей культуры. Нет и страны-лидера. Намерение Великобритании покинуть ЕС ослабляет эту организацию.

Соединенные Штаты, экономически самая мощная в настоящее время держава, не являются для своих географических соседей интеграционным центром. На границе с Мексикой строится стена, чтобы отгородиться от всех бедных латиноамериканцев. Этнический и расовый состав населения США неоднороден и объединяется не историей или культурой, а финансами и экономикой.

Самостоятельными центрами политической и экономической интеграции для своих соседей являются Индия, Китай и Япония. Основные проблемы для них создают высокая плотность населения и зависимость от импорта продовольствия и энергоресурсов. Для России они дружеские и торговые партнеры, а не конкуренты. Россия строит в Индии и в Китае атомные электростанции. Проблемными зонами остаются Иран, управляемый религиозными лидерами, и Пакистан, конфликтующий с Индией. В Афганистане, в Ираке и в Сирии продолжаются внутренние военные конфликты. Сирия в перспективе войдет в российскую экономическую сферу влияния. Обширная по территории, но небольшая по числу жителей Монголия в равной степени зависит от России и от Ки-

тая. Многие страны Африки балансируют на грани нищеты. На всем африканском континенте нет интеграционного центра.

В последние десятилетия после распада СССР происходил достаточно очевидный процесс продвижения западноевропейской экономической и политической систем на восток, а затем и на юг в Северную Африку и на Ближний Восток. Частью этого, отнюдь не спонтанного, процесса было вторжение США и Великобритании в Ирак в 2003 году и свержение Каддафи в Ливии в 2011 году.

Эта стратегия является исторической альтернативой прошлым колонизациям. Западные страны без конфликтов, на основе взаимного согласия включили в сферу своего влияния Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Турцию. За ними последовали Грузия и Азербайджан. Вооруженные силы пришлось применить в этом процессе только в Сербии. Однако ни одна из этих стран не имела необходимых для ЕС минеральных, энергетических и продовольственных ресурсов.

Попытки евроинтеграции территорий исторической России начались в 2004 году «оранжевой революцией» в Украине, приведшей к власти прозападного лидера Виктора Ющенко. В 2009 году Ющенко присоединил Украину к проекту ЕС «Восточное партнерство». Только Украина могла бы обеспечивать расширявшийся ЕС значительными ресурсами. В 2013 году ЕС предложил Украине, члену СНГ, статус «ассоциации» как альтернативу членству. Президент Украины Виктор Янукович сначала принял предложение, но 21 ноября 2013 года заявил о приостановке процесса подготовки страны к договору об «ассоциации». Стало очевидным, что вступление в «ассоциацию» приведет к большим потерям в торговле Украины с Россией и другими членами СНГ. Возник политический кризис, который привел к «майдану» и к свержению Януковича. Этот кризис продолжается и до настоящего времени. По каким территориям пройдет граница между новым Евразийским союзом и ЕС, предсказать пока невозможно.

Библиографический список

1. Encyclopaedia Britannica. Book of the Year, 1994 and 2012. The Nations of the World.
2. Всесоюзная Перепись населения 1939 года. Основные итоги. Изд. «Наука», 1992. С.73–74.

Игорь Максимычев

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

**НЕСТАБИЛЬНОСТЬ УПОРНО
СТУЧИТСЯ В ДВЕРИ ЕВРОСОЮЗА**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.8.

Последние четыре года на интегрированную часть Европы не перестают обрушиваться самые разнообразные потрясения, к которым с недавних пор добавились еще и осложнения в ее отношениях с США. Сочетание брексита, миграционного вторжения, смены стиля общения Америки со своими союзниками, а также перспективы внутреннего обрушения украинской государственности все больше подрывают устойчивость Евросоюза. Потрясение основ стабильности перенапряженного объединения части стран Европы грозит непредсказуемыми последствиями для безопасности всего континента. Прогрессирующий общий кризис Евросоюза усугубляется предпринятым им под совместным американо-германским давлением выхолащиванием связей с Россией. Возможность обеспечить позитивный исход нынешней серии кризисов Евросоюза зависит от того, как скоро европейская политика осознает жизненную необходимость восстановить разумные основы взаимоотношений с Россией.

The last four years very different shocks fall on the integrated part of Europe persistently. Accidents in Europe's relations with the USA have been added to these troubles recently. Combination of Brexit, migrant invasion, change of style America demonstrates in its communication with its allies as well as the prospects of the Ukrainian statehood implosion increasingly disturb the EU stability. Bewilderment of framework of a part of European countries' overstressed association presents an unpredictable menace to security of the whole continent. The hollowing-out of relations and ties with Russia undertaken by the EU under joint American-German pressure enhances the progressing general crisis of the EU. Possibility to ensure a positive outcome of the present crises series in Europe depends on how soon the European politics will realize the vital necessity to restore reasonable basics of Europe-Russia interrelationship.

Ключевые слова: Евросоюз; ФРГ; иммиграционный кризис; брекзит; отношения с Россией; Меркель; большая коалиция; перспективы взаимоотношений Восток–Запад.

Key words: the European Union; the Federal Republic of Germany; migration crisis; Brexit; relations with Russia; Merkel; the grand coalition; prospects of the East–West interrelations.

E-mail: igorfedmax@yandex.com.

Трудно представить себе, чтобы кто-либо когда-либо добровольно пробовал сидеть на стуле без ножки. Накопленный за многовековую историю человечества опыт однозначно свидетельствует о нежелательности предпринимать подобные попытки – неудобно и даже опасно для здоровья. Однако, к сожалению, не всегда наличествует готовность (или возможность) использовать удобную и сохраняющую телесное благополучие мебель. Такие неблагоприятные ситуации особенно часто встречаются в непредсказуемой политической сфере, где непреодолимая тяга к вершинам власти и влияния превозмогает, как правило, осмотрительность и рассудок. Это относится не только к отдельным странам, но и к их объединениям. Например, к Евросоюзу, который пытается, сохраняя напряженность в отношениях с необходимой для стабильности на континенте Россией, справиться с обрушившимися на интегрированную часть континента кризисами. Как ни странно, подобная самоубийственная позиция ЕС формируется не только из-за океана, но и изнутри, в частности со стороны немцев, которые должны были бы усвоить уроки истории, однозначно гласящие, что с русскими лучше жить в мире и согласии. Даже разворачивающийся в Европе тяжелейший иммиграционный кризис не приводит пока к необходимому просветлению разума.

Русофобия германского типа

Вот уже четыре года, как сидение на стуле о трех ногах стало правилом для ведущих государственных деятелей ФРГ. Они сами сознательно исключили доверительные отношения с Россией из сферы основ германской политики. А ведь именно точно дозированное сочетание ориентации на США с проверенными временем партнерскими связями с Россией гарантировало до недавнего времени такую расстановку сил в Европе, которая обеспечивала внушавшую уважение роль ФРГ не только на европейском континенте, но и за его пределами. Вследствие срыва конструктивного диалога с Россией Германия, долгое время служившая стальным хребтом Евросоюза, на наших глазах уверенно вступила в полосу внешне- и внутриполитического разброда.

В прошлом тевтонская верность ФРГ заокеанскому союзеру не была идентичной рабскому следованию любым капризам Вашингтона. Первое десятилетие канцлерства Ангелы Меркель Германия ухитрялась хотя бы внешне сочетать функцию американопослушного погонщика европейского стада, своего рода милостью США надзирателя по отно-

шению к прочим членам ЕС, с некоторой внешнеполитической самостоятельностью. Но последние четыре года у Берлина как будто отказали тормоза. Похоже, что после брекзита он возлелеял надежду победить в соревновании с Лондоном за амплуа предводителя русофобов Польши и Прибалтики, неустанно требующих сохранения и усиления санкций против России.

Как это часто бывает, судьба (в лице американского избирателя) отплатила немцам самой черной неблагодарностью. Президентом США стала не Хилари Клинтон, обожаемая Ангелой Меркель продолжательница дела Барака Обамы, а неотесанный мужлан Дональд Трамп, методично выполняющий все свои самые экзотические предвыборные обещания. Не сбылась мелькнувшая было у Меркель мечта стать политическим поводырем для неопытного в государственных делах Трампа. К неприятностям для ФРГ на американском направлении добавился острый внутривнутриполитический кризис из-за наплыва иммигрантов-мусульман, которых канцлер во весь голос приглашала приезжать и устраиваться поудобнее в Германии. Немецкий избиратель оказался не готовым послушно следовать за «иммигрантским канцлером» и ее единомышленниками. Люди не смогли и не захотели закрывать глаза на множество острейших проблем, вызванных присутствием «гостей», не желающих уважать традиции принявшей их страны, отказывающихся устанавливать контакт с коренным населением, предпочитающих, получая приличное пособие за счет хозяев, устанавливать свои правила игры.

Результаты состоявшихся 24 сентября прошлого года выборов в бундестаг оказались без преувеличения катастрофическими для всех трех массовых («народных», по местной классификации) партий ФРГ – ХДС, ХСС и СДПГ, правивших предыдущие четыре года Германией в составе «большой коалиции». Все они собрали наименьшее число голосов избирателей за весь период с 1949 года, то есть с того момента, когда послевоенным западным немцам разрешили иметь свой парламент и свое правительство. Некоторым, хотя и слабым, утешением для ХДС/ХСС служило лишь то обстоятельство, что наибольший урон понесли социал-демократы, получившие всего 20% голосов участвовавших в выборах сограждан [1]. А ведь в 1949 году, в самом начале истории ФРГ, социал-демократическая партия соперничала с христианскими демократами на равных и Конрад Аденауэр (ХДС) был избран канцлером большинством всего в один голос – свой собственный.

Ватерлоо Ангелы Меркель

После прошлогодних парламентских выборов стало ясно, что эра Ангелы Меркель в истории ФРГ подошла к своему логическому завершению. Тема «Что будет после Меркель?» превратилась в господствующую в ходе уже не только подкованных дискуссий по поводу перспектив развития германской внутриполитической ситуации. Большинство аналитиков, включая руководящие слои ХДС/ХСС, склоняются к мнению, что решение Меркель сохранить свою заявку на пост канцлера было скорее всего вообще ошибочным. Они признают, что она несомненно и сегодня располагает такой популярностью среди немецких избирателей, какой нет ни у одного другого политика ФРГ. Больше того, нет никого, кто мог бы с достаточным основанием претендовать на роль либо соперника, либо «продолжателя» дела Меркель. Но политическая реальность такова, что эти обстоятельства уже не в состоянии гарантировать успех возглавляемой ею партии в таких масштабах, к каким эта партия привыкла в прошлом. Эрозия культа Ангелы Меркель перешла из виртуальной стадии в фактическую. Наследие долгого и успешного правления «канцлера германского единства» Гельмута Коля, на которое первоначально могла опираться Меркель, ушло в историю, и нынешним правителям ФРГ приходится иметь дело с новыми угрозами и кризисами, требующими всякий раз непривычных ответов и нестандартных решений.

Пока ход событий в экономической сфере и на международной арене сохранял более или менее упорядоченный характер, авторитет фрау канцлерин рос и укреплялся. Политический курс ХДС/ХСС традиционно ориентируется на консервативные ценности, и Меркель отлично вписалась в общую картину борьбы за сохранение тех благ и преимуществ, которых немцы сумели достичь и приобрести за годы, прошедшие после тотального поражения рейха в 1945 году. Однако со временем выяснилось, что «генеральная линия» Меркель существенно сдвинулась в сторону отнюдь не свойственных консерваторам представлений о нормах общественного устройства. Стал просматриваться все более заметный крен в пользу предпочтительного отношения к запросам специфических групп населения, причем степень предпочтения зависела от удельного веса этих меньшинств – чем меньше численность группы, тем больше проявлялось о ней заботы (характерным примером могут служить сексуальные меньшинства). Консервативные («черные») ценности все чаще задвигались в тень ради новоявленных перлов прогресса с «зеленым» или даже «розовым» оттенком.

До недавних пор особо предупредительное обращение предназначалось и иностранцам в статусе беженцев, ищущим политического или иного убежища в ФРГ. Германские границы были практически объявлены открытыми для тех, кто прибывал в страну с целью остаться по тем или иным причинам на постоянное жительство. В то же время наиболее проницательных политиков Федеративной Республики уже давно тревожили беспокойство и опасения, вызываемые у коренного населения наличием в стране многомиллионной армии турок, которых немцы пригласили в свое время для восполнения дефицита рабочих рук, а потом не смогли уговорить вернуться обратно. Как раз практика взаимоотношений с «немецкими турками» выявила принципиальное отличие поведения приезжих в последние десятилетия из стран Африки и «большого» Ближнего Востока от образа действий людей, переселявшихся в Германию в рамках более ранних волн иммиграции. Если в прошлом решившие закрепиться здесь иностранцы старались как можно скорее ассимилироваться (уже второе или третье поколение ничем, кроме имени, не отличалось от окружающих немцев), то теперь у въезжающих в ФРГ беженцев, как и у многих «немецких турок», почти полностью отсутствуют желание и готовность принять немецкие правила общежития. В результате окреп проявившийся сравнительно недавно феномен параллельного общества, в котором приехавшие живут по своим религиозным законам и исторически сложившимся представлениям, почти не пересекаясь с официальными органами государства, которые немцы привыкли считать единственно возможными для своей страны. Такая ситуация не могла не вызвать глубоко зашедшего внутреннего конфликта, поскольку у коренного населения крепло чувство, что у него выбивают почву из-под ног.

Но настоящая катастрофа разразилась в тот момент, когда в Европу хлынул поток беженцев из ближневосточных стран, где ведущие страны НАТО инициировали «арабскую весну» и последующую иностранную интервенцию, что привело к насильственному уничтожению существовавших в этих странах государственных структур и экономическому разорению. Охвативший в 2015 году весь Евросоюз миграционный кризис (по официальным данным тогда в Европу прибыло вдвое больше беженцев, чем в предыдущем году, – 1,25 миллиона, в том числе около 30% из Сирии) особенно чувствительно сказался на ФРГ, принявшей 35% зарегистрированных иммигрантов. Бодряческий тон официальных заявлений Меркель, фактически приглашавшей беженцев в ФРГ и заверявшей всех в том, что немцы «с этим справятся», вызвал резкую реакцию отторжения в широких слоях населения ФРГ [2].

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

С этого момента кривая популярности фрау канцлерин пошла неуклонно вниз. Столкновения между иммигрантами и коренным населением (как, например, приставания к немкам в новогоднюю ночь 2015 года в Кельне) довершили дело. Доверия избирателей восстановить не удалось. Даже «сестринская связь» между ХСС и ХДС оказалась под угрозой: баварская ветвь христианских консерваторов продолжает требовать гораздо более жесткой иммиграционной политики, чем на то готова пойти Меркель, ссылающаяся на необходимость заботиться о сохранении «общеευропейского подхода» к проблеме. Вряд ли достигнутый между ХДС и ХСС в июле 2018 года компромисс, предусматривающий создание «транзитных центров» по приему беженцев на южных границах ФРГ, поможет надолго решить проблему. Между странами шенгенского соглашения не существует границ как таковых и, следовательно, пограничных застав. Надо восстанавливать погранохрану, но это было бы равнозначно отказу от одного из основных достижений «единой Европы». К тому же для реализации планов быстрого возвращения иммигрантов в страну их первичной регистрации нужно согласие соответствующих стран, а его пока нет.

В ведущей стране Евросоюза миграционный кризис наиболее заметен, но он бушует не только в ФРГ. Во всей интегрированной части Европы головокружительными темпами растет влияние «евроскептических» сил, требующих отказаться от идеологически мотивированной линии на приоритет «европейских ценностей» и вернуться к традиционной политике защиты национальных интересов. Немецкая «Альтернатива для Германии» отнюдь не одинока. Во Франции аналогичную программу представляет «Национальный союз» (бывший «Национальный фронт») Марин Ле Пен. В Италии евроскептики уже сформировали центральное правительство и приступили к реализации своих требований. В Восточной Европе «Вышеградская группа» (Венгрия, Чехия, Словакия и Польша) не только отвергает установленные Брюсселем нормы перераспределения иммигрантов по странам Евросоюза, но и вообще отказывается принимать чужаков. С вышеградцами солидаризируются остальные восточноевропейские члены Евросоюза, озабоченные отставанием жизненного уровня своего населения от среднего по ЕС. В ответ на моральные поучения Меркель в адрес Венгрии, которая нарушает принципы гуманизма, лежащие в основе «европейских ценностей», венгерский премьер-министр Виктор Орбан справедливо отметил, что венгерские пограничники перекрыли направляющимся в ФРГ иммигрантам пути дальнейшего следования и тем самым оказали неоценимую солидарную услугу немцам.

Миграционный кризис в ФРГ является самым острым проявлением общеевросоюзного дезинтеграционного процесса, угрожающего в перспективе самому существованию ЕС.

Беды германских социал-демократов

Говорить о социал-демократическом влиянии на массы в ФРГ после сентября прошлого года стало затруднительным – тем более что отлив потенциальных избирателей СДПГ продолжался и в дальнейшем. Согласно опросам общественного мнения, в июне 2018 года социал-демократам отдали бы свой голос только 17,7% избирателей, в то время как новая, радикально оппозиционная партия «Альтернатива для Германии» с ее 16,1% готовилась вырваться вперед [3]. Как раз для того, чтобы прервать спад избирательских симпатий, руководство СДПГ пошло в марте прошлого года на то, чтобы поставить во главе партии «новое лицо». Это стало возможным в рамках своеобразной должностной рокировки после избрания президентом ФРГ социал-демократа Франк-Вальтера Штайнмайера, ранее занимавшего пост министра иностранных дел. Бывший до того председателем СДПГ, но стремившийся сменить свое политическое амплу Зигмар Габриэль выразил пожелание унаследовать руководство осиротевшим МИД. Возражений ни со стороны его коллег по партии, ни со стороны канцлера Ангелы Меркель данный вариант не вызвал. За восемь предшествовавших лет, которые Габриэль возглавлял СДПГ, он не добился впечатляющих успехов, пост же министра иностранных дел по коалиционному соглашению с самого начала был закреплен за социал-демократами.

Новым лицом СДПГ стал бывший председатель Европарламента Мартин Шульц, евросоюзный политический деятель из ФРГ, на момент выдвижения в лидеры партии почти неизвестный в стране происхождения, хотя членом Социал-демократической партии Германии он числился с 1974 года. Функционирование Европарламента и соответственно деятельность его председателя не относятся к тематике, преимущественно интересующей немцев – впрочем, как и граждан прочих государств Евросоюза. Брюссельская бюрократия не привлекает внимания и уж тем более не вызывает интенсивных симпатий среди обитателей интегрированной части Европы. Но на первых порах выдвижение Шульца действительно способствовало повышению рейтингов СДПГ. Рейтинги партий и политиков более или менее точно устанавливаются по регулярно проводимым в ФРГ и имеющим репутацию представи-

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

тельных опросам на тему: «За какую партию Вы проголосовали бы, если выборы в бундестаг состоялись в ближайшее воскресенье?»). Однако очень скоро прелесть новизны потускнела, а ничего привлекательно необычного, кроме модной бородки, Шульц избирателям предложить не смог. Планы на будущее, которые он оглашал, не убеждали, а полемика Шульца с основным соперником на выборах – ХДС/ХСС – осталась невыразительной и невнятной. Обе телевизионные «дуэли» с Ангелой Меркель были им безнадежно проиграны.

Да и как заставить людей поверить в то, что социал-демократы в состоянии наметить, а затем осуществить коренной поворот в государственной политике, которого требует большинство населения, если налицо их бесконфликтное участие в правительстве, проводящем старую, ставшую непопулярной политическую линию? Ожидать в таких условиях какого-либо иного исхода парламентских выборов, кроме неудачного, граничило с самогипнозом. Не случайно еще до выборов Шульц огласил решение не возобновлять правительственную коалицию с ХДС/ХСС вне зависимости от итогов голосования. Основная масса членов СДПГ отнеслась к этому решению с одобрением: у всех было сильно предчувствие, что еще один срок союза с христианскими демократами усугубит масштабы потери симпатий избирателей до катастрофического и даже может поставить под вопрос само существование партии в качестве «народной».

Сага о «новой» коалиции

Набранных христианскими демократами на выборах голосов не хватало для правительственного большинства в бундестаге. Им нужны были союзники. Однако начавшиеся после выборов партийные консультации

ХДС/ХСС, СвДП и «зеленых» относительно возможности создания так называемой «ямайской» коалиции (на государственном флаге Ямайки представлены черный, желтый и зеленый цвета, характерные для символики указанных партий) провалились. Окончательно крест на них поставил глава свободных демократов Кристиан Линднер, исходивший примерно из тех же соображений, что и большинство социал-демократов, опасавшихся продолжения участия СДПГ в правительстве Ангелы Меркель из-за того, что сотрудничество с ХДС/ХСС чревато неизбежным ущербом для популярности младшего партнера.

Позиция Линднера была внятной и понятной для очень многих в ФРГ: на финальном этапе канцлерства Меркель, чья звезда явственно клонится

к закату, имеет смысл постоять в сторонке с учетом растущей напряженности как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сфере, а также отсутствия ясной перспективы урегулирования опаснейших конфликтов, в которые так или иначе ввязалась ФРГ. На взгляд лидера СвДП, неучастие в правительстве позволило свободным демократам сохранить выигрышную возможность время от времени открыто критиковать канцлера за неизбежные промахи и ошибки. К тому же в ходе коалиционных переговоров выяснилось, что традиционно входящий в круг их интересов пост министра иностранных дел, весьма выгодный с точки зрения завоевания народных симпатий, намечается отдать «зеленым». Линднер так сформулировал свою позицию по отношению к несостоявшейся коалиции: «Лучше вообще не править, чем править неверно». Трудно что-либо возразить против этого умозаключения [4].

Совсем не исключено, что данная тактика принесет СвДП более впечатляющий успех на следующих парламентских выборах по сравнению с прошлогодними. Обладая свободой рук, СвДП получила возможность сконцентрироваться на подготовке к периоду «после Меркель», который начнется самое позднее через три года. Следует также принять во внимание не чуждую для ФРГ традицию менять главу правительства посередине («на экваторе») текущего законодательного периода, чтобы предоставить заранее подобранному преемнику возможность заблаговременно подготовить успешную предвыборную кампанию. В действующем коалиционном соглашении ХДС, ХСС и СДПГ совсем не случайно содержится оговорка о том, что через два года оно может быть пересмотрено.

Крах «ямайского проекта» заставил вернуться к идее возобновления «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ (такую коалицию в ФРГ все чаще насмешливо называют, объединяя первые слога *große Koalition*, «гроко»). Блокирование ХДС/ХСС с фракцией «Альтернативы для Германии» пока представляется невыполнимым: политика АДГ демонстративно строится на отрицании всего, что делала и делает Меркель со товарищи. Если вариант с «гроко» не состоялся бы, то пришлось бы пойти на внеочередные выборы в условиях предсказуемого дальнейшего падения популярности «народных партий». Досрочная избирательная кампания привела бы лишь к усугублению сложившегося после сентября прошлого года промежуточного положения, когда правительство исполняет свои обязанности временно, а бундестаг на долгие месяцы лишен возможности избрать большинством голосов полноценного канцлера и утвердить новых федеральных министров.

Между тем затянувшаяся до апреля 2018 года задержка с формированием федерального правительства в достаточной мере подорвала

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

авторитет ФРГ как одного из ведущих политических центров интегрированной Европы. В Евросоюзе уже начали хихикать над государством, претендующим на руководство всем объединением, но неспособным организовать как следует свою собственную политическую жизнь. Не исключено, что ослабление позиций ФРГ вследствие внутренних пертурбаций способствовало возникновению в воспаленном воображении руководителей западных спецслужб авантюрных планов типа «покушения» на Скрипалей для сохранения за Лондоном шанса определять политику ЕС и после брекзита.

Но самое главное – внеочередные выборы были бы равнозначны немедленному завершению политической карьеры Ангелы Меркель в обстановке, когда еще царит полная неясность в отношении ее возможного преемника на посту канцлера. Германский внутривнутриполитический кризис, начавшийся с глубокого разлада между коалиционным правительством и общественным мнением по вопросу о приеме иммигрантов-мусульман из стран Ближнего Востока и Северной Африки, приобрел бы в этом случае прямо-таки характер Судного дня.

Последний раз

В роли спасителя Ангелы Меркель вновь самоотверженно выступила СДПГ, руководство которой в очередной раз круто изменило свою уже публично заявленную позицию.

Мартин Шульц выразил готовность возобновить большую коалицию социал-демократов с ХДС/ХСС и даже лично войти в состав правительства. Последний момент оказался роковым для него, поскольку он нацелился на пост министра иностранных дел, который прочно занимал Зигмар Габриэль, его предшественник на посту председателя СДПГ.

За тот неполный год, который Габриэль провел в кабинете главы МИД ФРГ, он сумел добиться высокой степени популярности – согласно опросам общественного мнения, он даже смог соперничать с Меркель, все еще сохраняющей симпатии значительной части населения. Самостоятельность мышления, быстрота реакции, умение находить выразительные формулировки, независимость и смелость в поисках новых путей – все эти качества, довольно редкие для германских министров иностранных дел, обеспечили ему не только большое число сторонников, но и массу влиятельных завистников и врагов, занимающих весьма влиятельные посты, причем руководство СДПГ не было исключением. Над его головой стали сгущаться тучи. Последней соломинкой стала резкая

публичная отповедь Габриэля по поводу планов Шульца занять его место. Он припомнил Шульцу все многочисленные случаи нарушения принятых им на себя торжественных обязательств: и обещание оставить партию в оппозиции, и намерение не входить самому в правительство, и данное Габриэлю слово закрепить за ним пост руководителя МИД. Дезавуированному Шульцу не осталось другого выхода, кроме как подать в отставку и тем самым завершить свою политическую карьеру.

После этого получившего широкую огласку скандала руководство социал-демократов обвинило Габриэля в том, что его поведение углубило мучительный внутривнутрипартийный кризис в СДПГ. Заодно на него взвалили вину за потерю голосов избирателей на сентябрьских выборах, что было-де обусловлено ошибками, допущенными за те семь лет, когда он руководил партией. Габриэля исключили из числа кандидатов на закрепленные за социал-демократами должности министров нового коалиционного правительства. Правда, осталось неясным, кто больше пострадал в результате этой экзекуции – Габриэль, мгновенно превратившийся в рядового депутата бундестага, или сама социал-демократическая партия, из руководства которой выпала одна из самых ярких политических фигур, сумевших завоевать симпатии широких кругов населения. Министром иностранных дел ФРГ стал бесцветный Хайко Маас, занимавший до тех пор пост министра юстиции, социал-демократ из Саара, трижды потерпевший поражение на земельных выборах и известный преимущественно как человек, действующий по отношению к старшим товарищам по принципу «Чего изволите?»

Если Габриэль позволял себе время от времени свое суждение иметь по острым внешнеполитическим проблемам Германии, к умножению которых Меркель приложила руку (в их число входят, в частности, и без нужды испорченные отношения с Россией), то отныне можно исходить из того, что канцлеру не составляет труда безраздельно определять нюансы поведения ФРГ на международной арене. Безоговорочная поддержка Маасом безумно опасной русофобской истерики Терезы Мэй в связи с «отравлением в Солсбери» достаточно показательна. Дисциплинированное участие ФРГ в коллективной высылке российских дипломатов евро-атлантическим блоком под чудовищным предлогом применения Россией химического оружия в корне подорвала возможность возвращения Берлина в обозримом будущем к традиционной роли посредника между Востоком и Западом.

Возобновление для СДПГ положения ведомого, младшего партнера в руководимом ХДС/ХСС правительстве критически воспринималось многими социал-демократами как идущее вразрез с усилиями спасти

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

независимое лицо партии, без чего невозможно восстановить ее массовый, «народный» характер. Об этом свидетельствовал и тот факт, что молодежная организация СДПГ («молодые социалисты», «юзос») яростно выступала против такого решения. Позиция «юзос» и раньше часто служила индикатором подающих надежду тенденций в развитии общественных симпатий и потому серьезно влияла на внутреннюю обстановку в партии вне зависимости от удельного веса молодежной организации в общей численности социал-демократов. Однако в конечном счете победила дисциплина и привычка следовать указаниям сверху.

Социал-демократическое руководство не слишком долго колебалось. Решающим фактором оказалось то обстоятельство, что конструкция большой коалиции гарантирует СДПГ участие в реальной власти, по крайней мере, на ближайшие годы. Тем более что в ходе предварительных контактов удалось несколько укрепить влияние СДПГ в будущем коалиционном правительстве. Три четверти членов СДПГ, принявших участие в голосовании, подчинились решению руководства, взяли под козырек и благословили возобновление союза с ХДС/ХСС.

Германские перспективы

Не обошлось и без сильнейшего давления, оказанного извне на партийную верхушку и рядовую массу членов СДПГ. Германский политический класс вкупе со СМИ сплоченно выступили с настоятельным

призывом к социал-демократам думать при внутрипартийном голосовании по вопросу об участии в «гроко» в первую очередь о судьбах отечества, которое-де не перенесет дальнейшей дестабилизации внутренней ситуации. Патриотизм, мол, требует, чтобы забота о будущем партии, для которой очередное братание с ХДС/ХСС рискует стать лебединой песней в прямом значении этого термина, отошла на задний план.

Имена будущих социал-демократических министров были оглашены только после завершения процедуры внутреннего голосования в СДПГ. Видимо, партийное руководство всерьез опасалось, что преждевременное разглашение списка избранных может повредить положительному вотуму рядовых членов партии. Действительно, среди указанного круга лиц нет по-настоящему ярких политиков, чье имя могло бы как-то привлечь внимание публики, не говоря уже о том, чтобы составить хотя бы малейшую конкуренцию «матушке» Меркель. Когда кто-то называет Хайко Мааса возможным социал-демократическим кандидатом на пост канцлера на следующих выборах в бундестаг, то это свидетельствует

лишь о катастрофической персональной скудости «скамейки запасных» у СДПГ. Все острее сказывается отсутствие у партии таких умевших заглядывать в будущее политических творцов, как скончавшийся в августе 2015 года Эгон Бар, автор знаменитой концепции «изменения через сближение». К тому же похоже, что процесс измельчания немецких социал-демократов далек от завершения.

Между тем сама жизнь доказывает, что совершенно недостаточно и даже опасно постоянно копаться в каждодневных мелочах и бытовых деталях. Необходим глубокий анализ реально существующих возможностей трансформации нынешней накаленной глобальной обстановки в интересах выживания человечества. Затянувшаяся практика «заниженного профиля» СДПГ никак не вяжется с традиционно принадлежащим социал-демократам весом во внутренних делах ФРГ и, более того, тем влиятельным местом в современном мире, которое – заслуженно или нет – занимают немцы.

От христианских демократов трудно ожидать какого-либо свежего слова ни во внутренней, ни во внешней политике, пока канцлером остается Ангела Меркель, принципиально отказывающаяся признавать совершенные ею в прошлом ошибки. ХСС, баварская «сестра» ХДС, проявляет нотки политического реализма и готовности внести соответствующие коррективы в проводимый правительством курс. Однако взаимоотношения «сестер» не свободны от напряженности и личностных конфликтов, что препятствует коренному оздоровлению обстановки в рамках тесной привязки друг к другу консервативных партий христианской расцветки. Под углом зрения более широкого сплочения традиционных политических сил ФРГ даже наличие столь серьезного общего противника, как «Альтернатива для Германии», на запредельных скоростях ворвавшегося в застойную внутривнутриполитическую атмосферу ФРГ, не привело до сих пор к созданию сплоченного фронта отпора, хотя все традиционалы принципиально враждебны новичку.

Проблески внешнеполитического реализма, время от времени проявлявшиеся в прошлом у Штайнмайера, Габриэля или еще недавно возглавлявшего баварское правительство Хорста Зеехофера (ныне министра внутренних дел ФРГ), оказались оттесненными на задний план стандартными заверениями в солидарности с США и явно потерявшими способность трезво соображать правителями туманного Альбиона. Других тяжеловесов, имеющих возможность активно влиять на германское поведение на международной арене, пока не проявилось. Похоже, что отныне антироссийские позы Ангелы Меркель уже ничем и никем не

сдерживаются. Однако отсутствие тормозов еще никогда не способствовало безопасной езде.

Русофобия в Евросоюзе

Вместо неотложных усилий по устранению хаоса, вызванного брекзитом, предводители интегрированной Европы занялись поиском путей к дальнейшему ухудшению отношений с Россией – к вящему восторгу

американских ультраправых, ностальгирующих по монополярному миру. Влияние Берлина в этой сфере оказалось в высшей степени разрушительным. Пусть высылка четырех российских дипломатов из ФРГ в рамках провокационного «дела Скрипалей» являлась лишь формальным жестом «солидарности» с оголтелыми вашингтонскими и лондонскими ястребами, ущерб от этой демонстративной акции не только для престижа ФРГ, но и для поддержания глобальной безопасности носит вряд ли устранимый характер. А ведь судя по растущему накалу международной обстановки, способность вернуть мир на рельсы спокойного и делового обсуждения возникающих проблем становится все более востребованной. Встреча В.В.Путина и Трампа в Хельсинки не оставляют места для сомнений в этом.

Между тем уже первые шаги возобновленной в ФРГ большой коалиции в сфере внешней политики показали, что ждать от нее каких-либо непривычно ярких шагов не стоит. Хорошо хоть то, что она не стала спешить с новыми санкциями против Москвы, но ослабления уже введенных не последовало. Антироссийская риторика продолжается. Некоторые надежды на улучшение германо-российского климата пробудила внутривластная дискуссия в СДПГ по поводу излишне враждебной Москве позиции Мааса, но к конкретным результатам она не привела. Конечно, возобновление контактов между ФРГ и Российской Федерацией на высшем, а также на министерском уровнях сдвинуло с места восстановление нормального состояния двусторонних отношений, но речь все еще идет лишь о самом начале движения. Достоинно одобрения подтверждение немцами своего интереса к завершению строительства газопровода «Северный поток–2», однако рогатки для двустороннего экономического сотрудничества по другим направлениям сохраняются в полном объеме. Перефразируя название известного романа Ремарка, можно констатировать: на восточном фронте (почти) без перемен.

Не очень удачно складывается и процесс восстановления привычных форм регулирующего воздействия ФРГ на ситуацию в Европейском

Союзе. Триумфальное избрание Эмманюэля Макрона французским президентом сопровождалось четкой заявкой Парижа на главенство в европейских структурах. Помимо всего прочего, выход Великобритании из ЕС усилил позиции Франции, являющейся отныне единственной страной в Евросоюзе, обладающей статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и ядерной державы. Вполне естественно, что первая зарубежная поездка, предпринятая Меркель в качестве нового/старого канцлера, привела ее в сопровождении вице-канцлера и министра экономики социал-демократа Олафа Шольца в Париж.

Французы постарались преподнести этот визит как коленопреклонение Меркель перед Макроном. ФРГ попыталась придать визиту иной смысл: это была-де демонстрация нерушимости франко-германской опоры Евросоюза вопреки осложнениям, вызванным брекзитом, и подтверждение наличия, наконец, в ФРГ полноценного и дееспособного правительства после почти полугодовой (точнее, 171-дневной) переходной паузы. Большого успеха немецкие усилия не принесли. На этом фоне Берлин удвоил закулисные усилия в ООН с целью добиться избрания ФРГ непостоянным членом Совбеза ООН на следующие два года и таким образом приблизиться к статусу Франции.

Наполеоновские замыслы Макрона в отношении реформ Евросоюза вызвали в ФРГ весьма сдержанную реакцию. Естественно, что планы единоличного лидерства Франции в ЕС не могут встретить восторженного приема в Берлине – тем более что платить за все должна, как и прежде, ФРГ. Немецкая поддержка инициатив Парижа была обещана, но по очень своеобразной схеме. Ее иллюстрирует выдвинутое Маасом неперемное условие для реализации французского предложения о целесообразности перехода в будущем от единогласия при определении курса Евросоюза к принципу принятия решений большинством голосов («Европа двух скоростей»). Сформулированная Маасом предпосылка сводится к тому, что отмена консенсуса в ЕС нуждается в предварительном единогласном одобрении. При существующем разном в позициях стран-участников Евросоюза условие Мааса остается заведомо невыполнимым. Другими словами, ФРГ продолжает молчаливо исходить из того, что коренные реформы ЕС придется отложить до лучших времен, а то и вообще до морковкина заговенья. Все остается по-старому – в том числе и антироссийские санкции.

Бросаются в глаза также противоречия в реакции Парижа и Берлина на развязанные Трампом торговые войны теперь уже внутри самого Запада. Если Макрон требует действенных ответных мер на американские санкции против Евросоюза, то ФРГ, в гораздо большей степени

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

уязвимая для штрафных инициатив США, настаивает на сдержанности – хотя бы во имя атлантической солидарности. Президент Франции, сознательно стремящийся копировать политический стиль генерала де Голля, декларирует решимость добиться большей самостоятельности для еврозоны, придать ей способность быть реальным центром глобальной политики, стать равноправным игроком в мировом масштабе, принимаемым всерьез Советом Безопасности ООН. Канцлер ФРГ предпочитает сглаживать выпирающие углы, по возможности, оставить все по-старому и не раздражать дополнительно Вашингтон («Авось, одумается»).

Немцев можно понять. Влияние ФРГ в Европе и в мире основывается на ее экономической мощи. Конфликт с США грозит подорвать или, по крайней мере, ослабить этот пьедестал германского величия. Уж лучше не рисковать. Подобный ход рассуждений не чужд и остальным членам ЕС. В итоге верх одерживает привычное для Евросоюза послушание, и европейцы в очередной раз не решаются выйти из тени Великого и Ужасного «дяди Сэма».

Европа между США и Россией

Тем временем постепенно становится все более очевидным, что реализация Трампом лозунга «Америка превыше всего!» в действительности нацелена на воплощение в жизнь содержащего огромное количество

рисков плана американской колонизации всего земного шара («монополярный мир» в точном смысле этого термина). Причем тщательно различать соперников и союзников творцы плана считают пустой тратой времени: у глобальных диктаторов друзей в принципе не бывает, есть только слуги и те, кто не готов идти в услужение.

Предписывая зависящему от них Западу, а заодно и всем остальным правила «хорошего поведения», США готовы идти по головам как «чужих», так и «своих». Вашингтон шантажирует любого, кто осмеливается свое суждение иметь, не задумываясь над тем, что в результате вконец разрушается и без того хрупкое здание международной безопасности. И хотя безусловной истиной остается тот факт, что и в XXI веке мировое господство абсолютно недостижимо, не исключено, что, добиваясь монополии на управление миром, США в один прекрасный день подведут земной шар к немыслимому – к «горячему» конфликту держав, обладающих термоядерным оружием и усовершенствованными средствами его доставки.

В данном контексте не такой уж невероятной представляется перспектива, что ареной армагеддона стала бы, прежде всего, Европа. Не ясно, сколько еще понадобится времени просвещенным европейцам, чтобы понять, что расширение НАТО на восток, создание непрерывной цепи натовских военных баз вдоль границ России, строительство опорных пунктов американской ПРО в Восточной Европе, всяческое поощрение безумного русофобства киевской хунты – все это вместе взятое при определенных обстоятельствах в состоянии на деле сузить рамки глобального конфликта до масштабов европейского континента. Американские стратеги по-прежнему исходят из того, что США удастся остаться вне ареала реальных военных действий, пока будет рушиться остальной мир. Как и в прошлые века, готовится война до последнего туземца (в данном случае – до последнего европейца). Похоже, что Евросоюз запретил себе видеть очевидное и в этом случае.

Трагикомедию канадского саммита «семерки» нельзя принимать за антиграмповское восстание. Фига в кармане никогда еще не была показателем всеобщего неповиновения. Видимо, структурированный Запад слишком сильно ощущает свою зависимость от США, чтобы пускаться в излишние вольности, выходящие за рамки благородно звучащих деклараций. И, действительно, Европа могла бы позволить себе роскошь спорить по существу с Вашингтоном только в том случае, если бы располагала возможностью опереться в случае чего на поддержку России. Но о возвращении России в «восьмерку» заговорил как раз Трамп, а остальные дружно принялись протестовать и клясться в незыблемости антироссийских санкций.

При таком раскладе не может быть и речи ни о каком серьезном европейском противлении бредовым идеям американских русофобов. Вопреки явным признакам нарастающей утраты Меркель ее исключительных позиций внутри ФРГ и Евросоюза в целом, она остается политиком, в основном определяющим стратегическую линию интегрированной части Европы. Ведь всем понятно, что никакие «бунтарские» речи Макрона не в состоянии придать еврозоне статус полноценной точки опоры возникающего на наших глазах полицентричного мира. В стоящем у руля Евросоюза германо-французском тандеме тон задавать продолжает Меркель, которая, оставаясь знаковой фигурой политической системы ФРГ, на дух не переносит любой намек на полицентричность.

Новое издание правительства «большой коалиции» в ФРГ, пожалуй, еще меньше, чем все предыдущие, приспособлено для восстановления того уровня российско-германских отношений, который существовал до пришествия Ангелы Меркель. Если попытаться оценить тогдашний масштаб российско-германского взаимодействия, сравнив его с сегодняшними реалиями, то он представляется почти что заоблачным. Стоит

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

лишь вспомнить, сколько надежд на окончательное устранение пережитков «холодной войны» в Европе и расширение общеевропейского сотрудничества породил возникший в начале текущего века треугольник Париж–Берлин–Москва. Надежд, которые, к сожалению, не оправдались.

Суровая правда жизни состоит в том, что с 2014 года отношения Германии, как и ведомого ею Евросоюза, с Российской Федерацией находятся в прединфарктном состоянии из-за антироссийских санкций, введенных Евросоюзом по указке Вашингтона и под давлением Берлина. Если поточнее разобраться, то санкции, вводимые помимо Совета Безопасности ООН, – это не что иное, как подспудная форма запрещенной Уставом ООН угрозы применения силы. Это осуществление политического и экономического давления на суверенное государство, следующей стадией которого – в случае, если эффект санкций покажется кому-то неудовлетворительным – с высокой долей вероятности должен стать переход к силовому воздействию. Все провокационные демонстрации военной силы со стороны НАТО в последние годы наглядно иллюстрируют данное обстоятельство.

Санкционных теоретиков и силовых идолопоклонников на Западе не останавливает даже то, что они замахиваются на постоянного члена СБ ООН и вторую (а по ряду аспектов и первую) ядерную державу мира и тем самым рискуют вызвать глобальную катастрофу. Разве случайно многим европейцам кажется, что это слишком высокая цена за попытку сохранить устройство мира, где хозяйничают захолустные американские адвокаты и мелкие торговцы из глухой глубинки США? У европейцев, прежде всего немцев, уже имеется достаточно тяжелый исторический опыт, когда судьбами Германии и Европы взяли заправлять взбесившиеся приказчики мясных лавок и завсегда таи провинциальных пивных рейха. Неужели и этот опыт никого и ничему не научил?

Украинский кризис

Международная напряженность – не выбор России, которая была и остается готовой к урегулированию всех спорных вопросов путем переговоров и достижения компромиссов.

Лучшим доказательством служит отношение Российской Федерации к кризису на Украине и вокруг нее. Стоит только вспомнить, какое сверхчеловеческое терпение проявляла Москва по отношению к самым удивительным фантазиям украинских политиков на протяжении почти четверти века после дезинтеграции Советского Союза! На какие односторонние уступки она только не шла!

Как соглашалась уплачивать любую цену, чтобы только сохранить политические, экономические, культурные и человеческие связи со страной, где практически все население говорит по-русски! Результат всех российских усилий оказался прямо противоположным поставленной цели.

Не Россия несет вину за то, что сегодня Украиной управляет кучка русофобов, совершивших государственный переворот в феврале 2014 года. Вина за это лежит в первую очередь на политиках США и Евросоюза, решивших в русофобском угаре навсегда оторвать Украину от России, превратив ее в какую-то «анти-Россию». В феврале 2014 года министры иностранных дел ФРГ, Франции и Польши своими подписями гарантировали выполнение состоявшегося при их посредничестве соглашения о «перемирии» между украинским президентом Виктором Януковичем и вооруженной оппозицией. Практически это соглашение сводилось к несколько растянутой по времени капитуляции высших органов государственной власти Украины перед лицом антиконституционного путча. В соответствии с соглашением Янукович – в обмен на «демократическое поведение» охранников майдана – согласился вывести из столицы отряды милиции и снять охрану правительственных учреждений в Киеве. Президент без промедления выполнил свою часть соглашения, но вооруженные отряды оппозиции спустя несколько часов после подписания нарушили его. Банды нациствующих головорезов приступили к поискам покинувшего Киев Януковича, которого они собирались убить, как был убит, например, Муаммар Каддафи (видимо, все ставленники Запада действуют по принципу: «Нет человека – нет проблемы»). Заодно началась подготовка к расправам со всеми теми, кто не был согласен с путчистами, а таких на Украине большинство.

Международная общественность была вправе ожидать от гарантов соглашения, по меньшей мере, осуждения произошедшего переворота и отказа признать легитимность силового захвата власти заговорщиками, вступившими на путь развязывания гражданской войны. Но нет, светочи европейской демократии благословили путч и начали реализацию обширной программы финансовых вливаний в Украину, чтобы авантюристы, ставшие их милостью новыми хозяевами страны, не испытывали никаких материальных затруднений. Спасать братское население соседней страны – там, где оно поднялось на защиту своих демократических прав и где это допускают нормы международного права, выпало на долю России. В Крыму, на Донбассе, а также в Сирии впервые после 1991 года Россия на деле выполнила свой долг гаранта глобального мира и безопасности, который возложен на нее международным сообществом, как на постоянного члена Совета Безопасности ООН.

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

Но какая же волна западной ненависти, провокаций, фейков и злобной клеветы обрушилась на Россию, посмевшую отказаться капитулировать перед лицом возрождающегося у нее под боком нацизма и террористической угрозы! Каких только санкций не наизобретали для того, чтобы разорвать ее экономику в клочья, как обещал Барак Обама! А задумывался ли кто-нибудь из политических вождей Евросоюза о последствиях для него самого в том случае, если бы Обама действительно удалось «сокрушить» Россию? Бушующий сегодня в Евросоюзе иммиграционный кризис, разразившийся вследствие подрыва Западом ливийской, иракской, сирийской, афганской государственности, показался бы тогда легким дуновением весеннего ветерка.

Заглядывая в завтра

Не удивил, но очень огорчил тот факт, что – в соответствии с мановением дирижерской палочки ФРГ, возглавившей очередной поход европейского Запада против России, – четыре года назад официальный

Евросоюз занял откровенно русофобскую позицию, вышедшую далеко за рамки внутреннего конфликта на Украине. Возникшая напряженность окончательно развеяла иллюзии в отношении вероятности наладить нормальное российско-германское взаимодействие во время канцлерства Ангелы Меркель. Не вызывает особого оптимизма и роль социал-демократического участника правительственной коалиции, далекого пока от готовности в обозримом будущем оказывать конструктивное влияние на внешнюю политику ФРГ. Европейцам остается только ждать, когда жесткие реалии мировой ситуации заставят немцев вновь по достоинству оценить значение добрососедских отношений с Россией, без которой по-прежнему невозможен ни мир в Европе, ни экономическое процветание континента, ни сохранение его великого культурного наследия.

Конечно, ускорившийся под воздействием санкций «уход» России на Восток уже не остановить, но его еще можно как-то сопрячь с процессами, происходящими в Евросоюзе. Здесь самое главное – не опоздать. Для немцев на кону стоит сохранение их главного политического капитала на востоке континента – потенциала симпатий, которым они пока располагают в России вопреки всем катастрофам минувших времен и осложнениям последних лет. Конечно, взаимовыгодные торговля и экономические сделки будут возможны и дальше, но этого явно недостаточно для взаимоотношений держав, определяющих судьбы континента.

нента. Пока шанс мирного европейского будущего сохраняется благодаря обоюдной жизненной заинтересованности ФРГ и России в поддержании равновесия и стабильности в Европе. Однако универсальная антирусская враждебность официального Запада нагнетается столь быстрыми темпами, что следует опасаться скорого наступления дня, когда взаимное доверие между европейцами окончательно рухнет и хрупкая грань между пропагандистским суесловием с санкциями и конкретными враждебными действиями превратится в обыкновенную линию фронта новой «холодной войны».

Некоторую надежду внушает тот факт, что в отношении Европы к России начинают проявляться по нарастающей позитивные моменты. Конечно, туманный Альбион не собирается сдавать позиций главного европейского организатора антирусских провокаций, но ему становится труднее настаивать на «солидарности» со стороны остальной Европы, у которой остается все меньше сомнений в том, что одичалое русофобство Лондона связано с британскими внутривнутриполитическими причинами. Расставание с Евросоюзом оказалось для Великобритании очень трудным и затратным делом, от убыточных последствий которого приходится отвлекать внимание населения. К тому же брекзит по логике вещей вообще ставит под вопрос прилагательное «европейский» в применении к Британии.

В том, что касается собственно Европы, трансформация настроений людей там характеризуется гораздо более позитивными моментами. Стойкое сопротивление русофобству оказывает Австрия. Потрясающие сдвиги в сторону политического реализма демонстрирует Италия. В состоянии позитивного брожения находится Восточная Европа – за исключением Польши и Прибалтики, безнадежно застрявших где-то в эпохе костров средневековой инквизиции. Даже правящим кругам Германии и Франции приходится под давлением беззастенчивого нажима со стороны США задумываться над тем, каким образом приступить к постепенному переводу стрелок континентальных политических часов на общеевропейское времяисчисление.

Разумеется, значительную роль в этом процессе играет миграционный кризис, причины которого лежат в предпринятых совсем недавно безумных попытках некоторых европейских держав воскресить колониальные ухватки своего прошлого с целью «навести порядок» в соседствующих с Европой регионах Африки и Ближнего Востока. Но все же главный момент оздоровления европейской атмосферы состоит в том, что постепенно возрождается осознание общности судеб всех составных частей Европы, включая Россию. Попытки заменить добрые отношения с Россией лобзаниями с Польшей или Прибалтикой предпринимались и

УСТОИТ ЛИ ЕВРОПА?

в прошлом: и во времена Наполеона, и в период между обеими мировыми войнами. И всегда с нулевым, а то и отрицательным для заинтересованных сторон эффектом. Ныне же ширится понимание того, что столь популярные среди политиков прилегающих к Балтийскому морю стран причитания о мифической «российской угрозе» не следует воспринимать слишком серьезно. Европейские гранды вынуждены все более открыто признавать, что Россия с самого начала была и остается готовой к самой тесной дружбе и равноправному сотрудничеству со всеми своими соседями. Осложнения в этой области могут возникать лишь в том случае, когда русскоязычное население соответствующих стран подвергается дискриминации со стороны их властных структур.

Не раз в своей истории Европа стояла как богатырь из русских былин на развилке дорог, выбирая свой дальнейший путь. Не всегда выбор был правильным, и тогда на континент обрушивалась очередная катастрофа. Русские очень хотели бы, чтобы сегодня этот выбор оказался верным. Вопреки всем нападкам и потокам грязной клеветы, льющейся на них из столиц соседних или более удаленных стран, они продолжают ощущать свою исконную принадлежность к европейской цивилизации. Они твердо знают: не стоит жалеть сил для того, чтобы уберечь наш континент от грозящих ему бед – у старушки Европы есть еще чем порадовать и удивить человечество. Канцлеры, президенты, премьер-министры приходят и уходят, а европейские народы с их неисчерпаемым творческим потенциалом остаются. Им вместе участвовать в формировании общего будущего планеты Земля.

Библиографический список

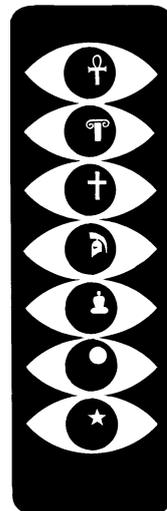
1. В. Бычков. Сомнительная победа. Ангеле Меркель готовят альтернативу? URL: <https://ria.ru/accents/20170925/1505477349.html> (дата обращения 25.09.2017).
2. Согласно данным Статистического ведомства ФРГ, в 2016 году в Германию переселились более 1,8 миллионов человек, из них немцев более 1,7 миллионов. – URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/deutschland-jeder-zehnte-schueler-hat-keinen-deutschen-pass-a-1197798.html> (дата обращения: 13.03.2018).
3. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/cdu-und-csu-fallen-unter-30-prozent-in-spon-umfrage-a-1215135.html> (дата обращения 27.06.2018).
4. «Es ist besser, nicht zu regieren, als falsch zu regieren» – цит. по: Jakob Augstein, Groko. Regiert doch euch selbst. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/grosse-koalition-die-spd-haette-nein-sagen-muessen-kolumne-a-1196507.html> (дата обращения 05.03.2018).

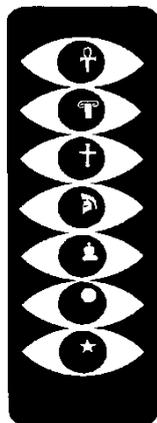
Не мы хватаем идею, идея хватает
и гонит нас на арену, чтобы мы,
как невольники гладиаторы,
сражались за нее. Так бывает
со всяким истинным трибуном
или апостолом.

Генрих Гейне

Ценность идеи не имеет ничего
общего с искренностью ее глашатая.

Оскар Уайльд

Валерий Солдатенко

**«ОТ ВАШЕГО
ПОВЕДЕНИЯ ТЕПЕРЬ,
ПО-МОЕМУ, ОЧЕНЬ
МНОГОЕ ЗАВИСИТ...
ВАШ ПЛЕХАНОВ»**

**(ЭПИЗОДЫ СОВПАДЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
ГЕОРГИЯ ПЯТАКОВА
И ГЕОРГИЯ ПЛЕХАНОВА)**

УДК

94(47)''1912–1917''

В статье прослеживаются взгляды и позиции двух деятелей российской социал-демократии Г.В.Плеханова и Г.Л.Пятакова, оказавшихся достаточно близкими в двух очень ответственных ситуациях – в 1912 году, когда кризис в пролетарской партии достигал предельного значения, и в момент выбора стратегии революционного движения весной 1917 г. Воссоздаваемые эпизоды показывают всю сложность общественных процессов, неоднозначность выбора векторов исторического прогресса.

The article traces the views and positions of two figures of Russian social democracy G.V.Plekhanov and G.L.Pyatakov, who proved to be close enough in two very important situations – in 1912, when the crisis in the proletarian party reached its utmost importance and at the time of the choice of the strategy of the revolutionary movement in the spring of 1917. The reconstructed episodes show the complexity of social processes, the ambiguous choice of vectors for historical progress.

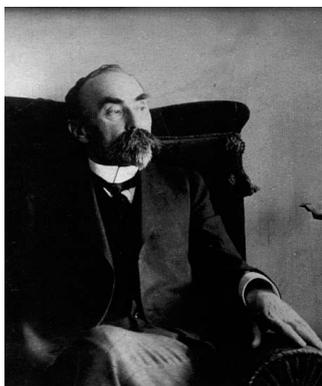
Ключевые слова: VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП; Киевская организация; меньшевики-партийцы; Апрельские тезисы; Киевская платформа; оппозиция; VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б).

Key words: VI (Prague) All-Russian Conference of the RSDLP; Kiev organization; Menshevik Party members; April theses; Kiev platform; opposition; VII (April) All-Russian Conference of the RSDLP(b).

E-mail: soldatenko.v.f@gmail.com.

30 мая 2018 г. исполнилось 100 лет со дня смерти пионера марксизма в России, одного из влиятельнейших деятелей международной социал-демократии конца XIX – начала XX века Георгия Валентиновича Плеханова. Его слова, вынесенные в название статьи, предназначались секретарю Киевского комитета РСДРП Георгию Леонидовичу Пятакову. И если имя одного из талантливейших, ярчайших последователей Карла Маркса, авторитетнейшего теоретика пролетарского движения широко известно не только в России, но и за ее пределами, то имя адресата – 22-летнего в то время лидера периферийного партийного комитета – мало кому говорит что-то определенное.

Переписка относится к далекому 1912 г. И касалась она одного из самых опасных кризисов в истории марксистской партии в России, когда, казалось, все «трещало по швам», все рушилось. Ликвидаторы, отзовисты, ультиматисты, примиренцы, богоискатели, богостроители... – каких только фракций и течений с замысловатыми названиями не появилось, а все вместе они обнажали безрадостную перспективу надвигавшегося краха. Необходимо было срочно спасти партию, искать пути выживания, выбирать надежную опору...

Г.В.Плеханов

Современный историографический процесс продолжает раскрывать те страницы отечественного прошлого, которые были раньше неизвестны. До них не то, чтобы не доходил пытливый ум исследователей. Больше мешала идейно-политическая атмосфера, пронизывавшая все сферы жизни, в том числе и науку. Последняя, в частности, была лишена возможности изучать исторический опыт с исчерпывающей или хотя бы желаемой полнотой, с обоснованным вниманием ко всем участникам политических процессов.

Любимец Ленина

Наглядное тому подтверждение – деятельность Георгия Леонидовича Пятакова. Главная фигура процесса над лидерами «Антисоветского параллельного троцкистского центра»

(ему приписывали роль руководителя), репрессированный Г.Л.Пятаков на долгие годы был объявлен «врагом народа» и если начисто и не «вычеркнут» из исторических трудов (иногда его имя просто нельзя было обойти), то неизменно упоминался в негативном контексте. Это касалось и его роли в образовании

В.И.Ленин и Г.Л.Пятаков

Коммунистической партии Украины, когда 27-летний марксист стал ее первым секретарем, и деятельности на посту Временного рабоче-крестьянского правительства Украины (подпись 28-летнего главы правительства Советской Украины изымалась даже при публикации академических сборников документов). Нечего и говорить о принципиальных, откровенных спорах Пятакова с В.И.Лениным (на партийных съездах, конференциях, в прессе), об участии в общепартийных дискуссиях, причастности к оппозициям.

И вне внимания, анализа, даже упоминаний оставалось, как высоко ценил выдающиеся таланты Г.Л.Пятакова тот же В.И.Ленин. Как он серьезнейшим образом дискутировал именно с ним (на уровне крупных теоретических работ) проблемы «империалистического экономизма», сочетания демократических и социалистических задач освободительных процессов, перспектив пролетарской революции, стратегии решения национального вопроса. Как В.И.Ленин доверял Г.Л.Пятакову поистине наиважнейшие для выживания страны посты – организатора советской финансовой системы, руководителя возрождения разрушенного Донбасса, заместителя Председателя Высшего Совета народного хозяйства. А качества, которые проявлял при этом Г.Л.Пятаков: природный интеллект, широчайшая эрудиция, подчас просто трудновообразимое, самоотверженное трудолюбие в сочетании с беспредельной преданностью коммунистическим идеалам, верой в справедливое переустройство общества, искренней готовностью отдать жизнь за интересы трудового народа – очевидно, дали право руководителю Коммунистической партии и Советского государства предметно рассматривать его кандидатуру в Политическом Завещании («Письме к съезду») в качестве возможного преемника на самую высшую роль во всемирно-историческом эксперименте [8, с.345–346].

Думается, что особое значение при этом имела неизменно независимая, всегда творческая позиция Г.Л.Пятакова, его стремление искать оптимальные пути решения назревших общественных проблем. Как раз эти черты характера Г.Л.Пятакова привели его к тому, что, по крайней мере, дважды его взгляды совпадали с позицией Г.В.Плеханова (что в свое время квалифицировалось как оппортунистические тенденции и отклонения).

**Секретарь Киевского
комитета РСДРП**

Выходец из состоятельной, высококультурной семьи Г.Л.Пятаков вступил на революционный путь в пятнадцатилетнем возрасте, вначале примкнув к группе анархистов. Став

студентом экономического отделения юридического факультета Петербургского университета, с конца 1910 г. он присоединился к работе социал-демократической группы. За активное участие в студенческом движении, в «беспорядках» периода «толстовских» и «сазоновских» дней третьекурсника Г.Л.Пятакова после ареста, трехмесячного тюремного заключения исключили из университета и выслали на родину, в Киев. Там он очень оперативно нашел контакт с местным комитетом РСДРП, в котором большевики объединили работу с меньшевиками-партийцами (плехановцами). В ноябре 1911 г. его избрали уже членом городского партийного комитета. Через хорошую знакомую матери и сторонницу Г.В.Плеханова, А.Н.Пригоровскую, Г.Л.Пятаков, к тому времени довольно обстоятельно (хотя преимущественно путем самообразования) углубившийся в изучение революционной литературы, установил связь с пионером марксизма в России. Несмотря на довольно тесное сотрудничество Киевской организации (в то время одной из самых авторитетных и влиятельных) с ленинским центром, наиболее наглядно проявившееся в подготовке и проведении VI (Пражской) конференции РСДРП, поддержке ее решений, Г.Л.Пятаков, с глубоким почтением относившийся к В.И.Ленину, Н.К.Крупской, Г.К.Орджоникидзе, Е.Б.Бош, Е.Ф.Розмирович, М.П.Зарницыну, осознанно, расчетливо искал выход именно на Г.В.Плеханова.

В письме, адресованном в Швейцарию меньшевикам-партийцам, Петр (тогдашний псевдоним Г.Л.Пятакова) сознается, что, получив от них корреспонденцию, торопится «ответить, т.к. наши давнишние желания связаться с [Георгием] В[алентиновичем]. Если до сих пор этого не

случилось, – сетует автор, – то по причинам, от нас не зависящим» [22, с.177]. Следует заметить, что все цитируемые письма опубликованы в издании на оригинальном – русском – языке, хотя название работы дано на украинском языке.

Конечно, речь шла прежде всего о трудностях общения по переписке – далеко не все письма доходили до адресатов. Но с большой долей вероятности можно предположить, что Г.Л.Пятаков имел в виду и другие, не менее весомые обстоятельства. До апреля 1912 г. руководителем Киевского комитета РСДРП была Е.Б.Бош. Благодаря своему непререкаемому авторитету, ей удавалось склонять коалиционный по составу орган (меньшевики-партийцы занимали в нем преобладающие позиции) к однозначной ориентации на ленинский центр.

Но 17–18 апреля 1912 г. Киевская организация понесла тяжелые потери. В результате масштабных арестов Е.Б.Бош и многие ее сторонники оказались в тюрьмах. Состав комитета существенно обновился. Секретарем комитета (скорее всего, в результате кооптации) стал Г.Пятаков, а вместе с ним в органе оказалось четыре меньшевика-партийца, один большевик и один внефракционный социал-демократ [22, с.191]. И хотя, по утверждению Г.Л.Пятакова, говорить о кардинальной перемене в составе комитета не было оснований [22, с.191], персональная позиция его секретаря означала все же многое.

Сам он искренне считал, что в Киевской организации «дружно работают и м-ки, и б-ки, и правдовцы (сторонники редакции издававшейся Л.Д.Троцким в Вене «Правды». – В.С.), отстаивая свои взгляды, ведя честную идейную борьбу, но никогда не прибегая к таким приемам, которые могли бы привести к так называемой фракционной драке...» [22, с.189]. Потому секретарь комитета считал, что однажды принятые решения не могут не пересматриваться, особенно если это исходит из расчета найти оптимальный выход из партийного кризиса, достичь более широкого единения.

Кстати, это сразу почувствовал поднаторевший во фракционной борьбе Л.Д.Троцкий. Он оперативно списался с Г.Л.Пятаковым и, как бы на правах старшего коллеги, попытался «наставить» младшего партийца «на путь истинный». Естественно, резким нападкам подверглась Киевская организация за поддержку ленинского центра и решений Пражской конференции. Решения Киевской организации в опубликованном 23 апреля 1912 г. венской «Правдой» «Открытом письме киев-

ским товарищам» были названы «фракционным неистовством» [22, с.184].

Нравоучительный, безапелляционный тон, высокомерная стилистика («вы обязаны нас поддерживать», «мы считаем по этому поводу нужным указать К.К.» и т.п. [22, с. 184, 188]) не возымели на Г.Л.Пятакова желаемого влияния. От имени Киевского комитета 26 мая 1912 г. он дал пространный и весьма аргументированный ответ по поводу «не совсем корректного письма», вскрывая наличествующие в троцкистских документах «ложь, дискредитирование партийных учреждений, недопустимые полемические приемы, передержки и т.п. "полемические красоты"» [22, с.188].

«Мы всеми силами протестуем против обвинения нас в раскольнических тенденциях, – принципиально отстаивал позицию свою и своих товарищей Г.Л.Пятаков. – Мы, быть может, ошибаемся, мы, быть может, неверно учитываем ваши заграничные распри, но что с самого начала и до сегодняшнего дня мы считаем нужным поддерживать первую попытку объединения всей партии (то есть Пражскую конференцию РСДРП. – *В.С.*), а не части ее, – в этом не станет никто сомневаться, если даст себе труд прочесть нашу резолюцию» [22, с.191].

Весьма примечательна концовка ответа Киевского комитета РСДРП редакции троцкистской «Правды»:

«Ведь должны же вы понимать, что работа на месте сейчас затруднена не только тяжелыми полицейскими и общеполитическими условиями, но и теми внутренними неладами, из-за которых многие организации находятся и поныне в весьма тяжелом положении. Киевской организации до сих пор удалось избежать этих внутренних драк, свар, взаимных обвинений и прочих прелестей. Очевидно, вам неприятно такое положение нашей организации. Вы недовольны тем, что К[омитет] не оторван у нас от организации, что как в Комитете, так и в низах беки и меки (большевики и меньшевики. – *В.С.*) дружно работают над одним делом – делом укрепления и расширения нашей организации. Вы хотите разрушить то, что с таким трудом создалось в течение нескольких лет, вы не имеете права этого делать, товарищи из Редакции. Помните: там за границей, вы можете себе драться и ругаться, сколько угодно, нам это больно и обидно, что энергия стольких уважаемых и талантливых товарищей ухлопывается не на принципиальные вопросы и споры, не на выяснение важных вопросов партийной и общественной жизни, а на руготню, фракционную драку и взаимообвинения, но, в конце концов, это ваше дело,

сюда же вы не смеете вносить ваши нравы и ваши приемы, не только вам и заграничникам, всем посмеющим прибегать к подобным приемам, сеять смуту в наших рядах ради достижения своих сепаратных целей и тормозить нашу и без того затрудненную работу создания организации мы скажем: руки прочь...

Комитет Киевской Организации РСДРП. 22 мая (4 июня) 1912 года.

Секретарь Петр» [22, с.192].

**Желание сближения
и поиска общей платформы**

Совершенно по-иному складывались отношения (переписка) Г.Л.Пятакова с Г.В.Плехановым. Последний также не поддержал решений VI конференции РСДРП, но проводил линию

«равноудаленности» и от ленинского ЦК, и от Организационного комитета Л.Д.Троцкого.

Судя по всему, такая позиция если и не абсолютно во всем, то во многом разделялась Г.Л.Пятаковым, который потому так настойчиво пытался найти контакт именно с Г.В.Плехановым, писал ему и его единомышленникам «несколько раз» [22, с.178] (правда, в фондах Киевского губернского жандармского управления отложились сделанные с оригиналов документов копии только двух писем секретаря Киевского комитета РСДРП и двух ответов Г.В.Плеханова – документы были захвачены во время ареста Г.Л.Пятакова 20 июня 1912 г.) [22, с.164, 196].

Обращает на себя внимание взаимный подчеркнута уважительный тон писем обоих партийцев. 22 мая 1912 г. Г.Л.Пятаков писал: «Мы хотели бы, прежде всего, посоветоваться с [Георгием] В[алентиновичем], как быть с конференциями и Ц.К-м. Дело в том, что Ц.К. как-никак объединил ряд местных организаций, но неспособность его объединить все российские организации – теперь очевидна. Неспособность привлечь на следующую конференцию всех партийцев из-за ее ликвидаторского характера¹ – также очевидна. Мы предполагаем ныне сделать следующий ход: предложить Ц.К-у войти в сношение с меншовиками-партийцами (так в публикации документа. – В.С.), не присоединившимися к нему, с "националами", с "Правдой", дабы совместно образовать новый О[рганизационный] К[омитет], не носящий ликвидаторского характера. Мы убеждены, товарищи, что О.К., в коем будут представлены Ц.К., пле-

---

¹ Ликвидаторы – сторонники ликвидации в условиях спада революционной волны нелегальных организаций РСДРП.

хановцы, латыши и поляки, даже при отказе Бунда и "Правды", сумеет преодолеть инерцию в России [...] Понятно, лучше было бы, если бы в нем были представлены все течения (кроме ликвидаторов), но вы за границей так разодрались, что это, быть может, не пройдет. И вот я говорю, что объединение таких центров, как Ц.К., латышский, меньшевистский, в крайнем случае, будет достаточно для того, чтобы положить начало столь долгожданному объединению партии.

Мы думаем послать Ц.К-ту в таком духе письмо. Если это действительно не фракционный центр, то он должен признать, что такой шаг необходим и он его сделает. Если же он этого не сделает, то ведь у нас имеется возможность почти заставить его сделать это, ибо фракционный центр мы поддерживать не станем. Итак, товарищи, вы видите, дело серьезное. Мы не предпримем пока ничего. Мы хотим сперва получить ответ по этому вопросу от Г[еоргия] В[алентиновича]. Дело не терпит, мы просим прислать ответ скорее» [22, с.177–178].

Лидер меньшевиков-партийцев ответил 24 июня 1912 г. следующее: «Дорогой товарищ! Спешу ответить Вам пока в немногих словах. Вы совершенно правы, не признавая Ц.К. Ленина центральным учреждением партии. Это – центральное учреждение одной фракции. Рядом с ним теперь существует О.К.², который представляет собою организующее центральное учреждение другой фракции. Нам, партийцам, решительно нельзя пристать ни к тому, ни к другому, так как мы не можем пристать к какой-нибудь одной фракции. Вы прекрасно сделаете, если обратитесь к ленинскому Ц.К. с предложением ему войти в сношение с О.К. для создания партийного единства. Но этот шаг, по-моему, надо дополнить обращением к О.К. с предложением войти в сношение с ленинским Ц.К. Эти ваши предложения, вероятно, будут отвергнуты обеими сторонами, но это не беда: мы доведем о них (так в тексте. – В. С.) тогда до сведения Российского пролетариата и Международного Социалистического Бюро. Сочувствие того и другого будет на Вашей стороне. А это очень важно, так как поможет нам принудить обе стороны к единству. Только надо избегать следующей ошибки: нельзя закрывать двери конференции перед теми ликвидаторами, которые остались членами партии. Они имеют

² Организационный комитет был создан в январе 1912 г. на совещании меньшевиков при участии представителей Бунда, социал-демократии Латвийского края и областного комитета закавказских организаций. Целью О.К. была подготовка в противовес ленинской (Пражской) конференции – иной, которая привела в итоге к созданию Августовского (троцкистского) блока.

такое же право участвовать на конференции, как и мы с Вами. Мы не можем, проповедуя единство партии, желать *coup d'état* (государственный переворот – франц. – *B.C.*), но мы можем и должны закрывать двери партийной конференции перед теми ликвидаторами, которые уже ушли из партии (инициативные группы). Эти люди не имеют никакого права участвовать на партийной конференции; "голосовцы"³ тащат их туда только потому, что надеются с помощью их получить большинство. Но это их соображение отнюдь не имеет для нас обязательной силы. Избегая указанной ошибки, мы сделаем свою позицию совершенно неприступной и, опираясь на нее, поведем российский пролетариат к единству. Так я думаю. Напишите мне Ваше мнение обо всем этом. С величайшим нетерпением жду Вашего письма, так как от Вашего поведения теперь, по-моему, очень многое зависит. Крепко жму руку. Ваш Г.Плеханов» [22, с.180–181].

Судя по содержанию второго письма, Г.Л.Пятаков, не успев получить ответ Г.В.Плеханова, направил ему новое письмо. Публикаторы датируют этот документ маем–июлем 1912 г., но думается, что ранее июня это вряд ли имело место. Очевидно, Пятаков имел возможность составить представление о позиции Г.В.Плеханова по иным источникам, возможно, почерпнутым из прессы. Касаясь вопроса об общепартийной конференции, секретарь Киевского комитета подчеркивал: «Всем нам хочется видеть партию объединенной и дружно действующей. Но как это сделать? Мы поддержали первый шаг на пути к объединению, мы поддержали центр, объединивши хоть часть русских организаций; но теперь (да и раньше) ясно, что всех партийцев ему не объединить. Нужно сделать следующий шаг: созвать снова конференцию с участием всех, кроме ликвидаторов. Почему? Да очень просто, объединение совершается не на конференции. Допустим, что на конференцию съедутся делегаты различных групп из одного места. Ведь они разъедутся и будут продолжать вести работу каждый в своей группе, упрочивая и формально закрепляя организационный раскол! Далее: группы, отказывающиеся на местах поддерживать партийные организации, не имеют никакого права присутствовать на конференции, где будут решаться вопросы об упрочении всероссийской организации РСДРП. Далее: если партия есть, а она есть – это мы видим – есть и растет, то только партийным организациям место там, где решаются вопросы об укреплении

---

³ *Меньшевики-ликвидаторы, группировавшиеся вокруг газеты «Голос социал-демократа», издававшейся Ю.О.Мартовым и Ф.И.Даном.*

партии. Понятно, Вы правы, что если бы речь шла об учреждении новой с.-д. партии, тогда дело другое, но, когда этого нет, беспартийным группам нет места на партийной конференции. Если часть "ликвидаторов" перестала быть ликвидаторами, то пусть она на деле это покажет, пусть войдет в местные организации и будет работать на пользу воссоздания и укрепления нелегальных организаций на местах. Пока этого нет – места на конференции им не должно быть. Во всяком случае, орган, созывающий ее, должен быть чист от них, и, если затем конференция решит пригласить их – дело другое. Итак, пока О.К-т будет приглашать на конференцию беспартийные группы и пока в его составе будут ликвидаторы – мы на его конференцию не пойдем. Где же выход? А выход один: создание нового Орг.Комитета по инициативе центра, избранного на январской конференции, в который бы вошли представители всех партийцев и националов. Иначе ничего не выйдет. Если "Ц.К." откажется – тем хуже для него. Если нет, то все партийцы должны его поддержать в этом шаге. Как вы думаете?» [22, с.178–179].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает заключительный абзац письма. Он преисполнен сдержанного достоинства и искренней надежды, что с помощью одного из заслуженнейших, авторитетнейших марксистов России удастся достигнуть прогресса в социал-демократическом партийном строительстве.

«Итак, товарищ, – итожит Г.Л.Пятаков, – помогите нам распутать этот сложный узел. Ведь мы, в России, не имеем никакого права и возможности стоять в стороне. Мы должны действовать, но действовать по указке от лиц мы не будем, да и не имеем никакого права; но мы хотим действовать сознательно, с открытыми глазами, и, находя, что наши тактические и организационные взгляды наиболее приближаются к Вашим и что Вы являетесь теперь среди идеологов действительно единственной партийной фигурой, мы и обращаемся к Вам за советом.

Секретарь К[иевской] О[рганизации]» [22, с.179].

Г.В.Плеханов 4 июля 1912 г. ответил и на это письмо. Несомненно, ему доставляло удовольствие иметь дело с Г.Л.Пятаковым и его коллегами. «Дорогие товарищи! – сообщал лидер меньшевиков-партийцев. – Я очень рад с Вами переписываться, но из Ваших писем я пока получил только одно, на которое немедленно ответил. Надеюсь, что Вы уже получили мой ответ, а если не получили, то вините независящие обстоятельства, а не меня. Я буду точен в переписке с Вами» [22, с.181].

Коснувшись вопроса о предстоящей конференции, Г.В.Плеханов отметил: «Я уже писал Вам, что надо различать ликвидаторов, оставшихся в партии, и ликвидаторов, вышедших из нее. Ликвидаторы, оставшиеся в партии, имеют полное право участвовать в конференции, но только они одни. Тут у нас с Вами полное согласие: нельзя идти в О.К., пока он стоит на другой точке зрения. Что же делать? Вести агитацию за созвание действительно общепартийной конференции. Сноситься с другими местными организациями: екатеринославской, московской, петербургской и др. Кроме того, высказывайте Ваш взгляд в печати. Обратитесь через меня в Международное Социалист. Бюро с резолюцией в том же самом смысле. Это будет важный шаг. Теперь же пока надо всеми силами подготавливать избирательную борьбу (это был еще один вопрос, совета по которому Г.Л.Пятаков просил у Г.В.Плеханова. – *В.С.*), старательно избегая двух соц-дем. кандидатур в одном и том же месте. Я надеюсь, что полномочное народное представительство не отпугнет от Вас Бунда и прочие элементы. Жму руку. Желаю успеха. Пишите чаще и подробнее. Ваш Г.Плеханов» [22, с.181].

Собственная позиция

Таким образом, находясь в искреннем поиске правильного решения и, без сомнения, руководствуясь добрыми намерениями, Г.Л.Пятаков проявлял подлинно творческий подход к стратегии партийного строительства, независимость взглядов, формулировал собственные предложения и планы. При этом он хотел дополнительно убедиться в их обоснованности, конструктивности, апеллируя к мнению высококочтимого им политического деятеля.

Выработанным в молодости принципам поведения молодой марксист не изменял и позднее, когда стал большевиком (скорее всего, это произошло в 1914 г. – *В.С.*) и в целом воспринял ленинскую платформу. Но и тогда, и в 1915–1916 гг., и в момент выбора курса ленинской партии после свержения самодержавия он вел серьезную теоретическую полемику с вождем большевизма [15, с.74–107; 24, с.65–93] и пришел практически к таким же концептуальным выводам, как и Г.В.Плеханов.

Случилось так, что Г.Л.Пятаков, возможно, всегда памятуя слова старшего коллеги «...от Вашего поведения... очень многое зависит», с присущим ему независимым нравом, оригинальным взглядом на происходящее и стремлением к собственным решениям, предпринял целый ряд шагов, которые заслуживают пристального разбора для понимания

динамики оформления его собственной позиции. Она во многом проявилась уже в отношении к телеграмме В.И.Ленина большевикам, отъезжавшим в марте 1917 г. в Россию из Стокгольма и Христиании (Осло). «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями», – напутствовал Ленин [9, с.7]. Г.Л.Пятаков и Е.Б.Бош, входившие в состав группы большевиков, которым была адресована телеграмма, были против содержащихся в ней идей.

Восстановим хронике событий.

13 марта Е.Б.Бош выступила на заседании Бюро ЦК с докладом о директивах, полученных от Ленина. Зачитав телеграмму, она сообщила, что Владимиру Ильичу был направлен запрос в связи с тем, что последние два пункта показались недостаточно ясными [14, с.148]. Тут же было предложено открыть дискуссию о тактике и после краткого обмена мнениями выработать платформу, которая раскрывала бы содержание лозунгов, заявленных Бюро ЦК. Однако комиссия, которой это было поручено, не выполнила намеченной работы. На заседании Бюро ЦК 22 марта по вопросу о платформе были одобрены резолюции «О Временном правительстве» и «О войне и мире», опубликованные в «Правде» 26 марта 1917 г. под заголовком «Наша платформа». Обоим документам присущи тактические положения, характерные для позиции Бюро ЦК в этот период (контроль Советов над деятельностью Временного правительства, которому давалась расплывчатая характеристика, требование к этому правительству отказаться от захватнических планов, предложить всем воюющим странам мир и т.д.) [14, с.145, 152–154]. Как известно, последовательную тактику в этих важнейших вопросах не смогло выработать и мартовское Всероссийское совещание партийных работников.

В момент обсуждения ленинской телеграммы в Бюро ЦК РСДРП в Петрограде находилась представитель Киевского комитета РСДРП Д.И.Иткинд. Она получила ленинский документ в качестве директивы и привезла его в Киев. Позиция Бюро ЦК по отношению к ленинской телеграмме, вероятное знакомство Д.И.Иткинд с мнением по этому

Е.Б.Бош

вопросу Г.Л.Пятакова и Е.Б.Бош, возглавлявшей в прошлом Киевскую организацию, а также наметившаяся к тому времени непоследовательная позиция части руководителей Киевского комитета РСДРП по ряду ключевых вопросов революции predetermined характер принятого этим комитетом решения по результатам поездки своего представителя в Петроград. На состоявшемся 19 марта 1917 г. заседании комитет постановил не оглашать на предстоящем собрании партийной организации привезенный Д.И.Иткинд текст ленинской «Телеграммы большевикам, отъезжающим в Россию». В связи с этим Д.И.Иткинд не включила информацию о документе Ленина в свой доклад о результатах командировки в Центральный Комитет партии, сделанный ею на собрании 21 марта [1, с.228, 230].

«Киевская платформа»

Тем временем в Киев прибыли Г.Л.Пятаков и Е.Б.Бош, 23 марта они выступили на заседании Киевского комитета РСДРП с докладами «О платформе ЦК и созываемом на 28 марта партийном совещании». Под влиянием их докладов было решено создать специальную комиссию для выработки платформы Киевского комитета.

В ее состав вошли Е.Б.Бош, В.А.Быстрянский (Ватин), И.М.Крейсберг, Г.Л.Пятаков, М.А.Савельев (Петров). Уже на следующий день комитет заслушал доклад комиссии по выработке платформы, одобрил представленный проект и поручил Г.Л.Пятакову осуществить окончательную редакцию документа для представления общему собранию организации [3, с.59–61; 6, с.6].

М.А.Савельев

В.А.Быстрянский

Однако 29 марта, после обмена мнениями, было решено отложить принятие предложенного Г.Л.Пятаковым документа до очередного собрания ввиду того, что представитель организации М.А.Савельев (Петров) находился в это время на созванном ЦК совещании партийных работников. С целью уточнения позиции большевиков

по отношению к войне было поручено комитету в дополнение к платформе выработать специальную резолюцию [18, с.24].

Обращает на себя внимание тот факт, что, не дожидаясь одобрения платформы очередным собранием, комитет на своем заседании 1 апреля 1917 г. поручил В.А.Быстрянскому и А.Б.Горвицу созвать объединенное заседание пропагандистов и агитаторов, прочесть им доклады о платформе Киевского комитета и предложить «в своих выступлениях держаться этой платформы» [23, с.155]. Не повлияла на позицию Г.Л.Пятакова и его сторонников и перепечатка из «Правды» органом Киевского комитета большевиков газетой «Голос социал-демократа» 25, 28 и 30 марта 1917 г. статьи Ленина «Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции».

А.Б.Горвиц

Члены организации проявили осторожность или принципиальность, большинством голосов отложив принятие предложенного В.А.Быстрянским проекта резолюции о войне, автоматически сняв вопрос об одобрении платформы комитета на общем собрании 4 апреля [23, с.153–159]. Однако Г.Л.Пятаков и его единомышленники на собрании, состоявшемся 6 апреля, вновь внесли резолюции о войне и об одобрении платформы комитета. На этом собрании, где, как показывают подсчеты, присутствовало всего 323 человека, то есть не более ¼ тогдашнего состава членов организации [6, с.6], Г.Л.Пятаков и его сторонники добились одобрения выработанных ими документов [3, с.72, 88; 23, с.168]. 9 апреля 1917 г. они были опубликованы «Голосом социал-демократа».

Главная идея платформы заключалась в следующей сентенции: «Мы считаем, что развитие производительных сил и социальная мощь пролетариата не достигли в России того уровня, при котором рабочий класс может совершить социалистический переворот. Установление социалистического строя, являющееся конечной целью всей нашей деятельности, не входит поэтому в число задач, стоящих перед нами в ходе совершающейся революции» [5; 18, с.470].

Как хорошо известно, сходную по существу ту же мысль Г.В.Плеханов образно выразил в замечании, согласно которому на 1917

год история еще не смогла той муки, из которой со временем в России будет испечен пшеничный пирог социализма, и дал развернутое обоснование этого вывода в своей статье «О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас полезен» [12], а также в Завещании [13, с.1–3]. Хотя по поводу подлинности последнего документа ведется затяжная полемика, надо признать, что имеющиеся в нем оценки и мысли достаточно содержательно корреспондируются с реакцией Г.В.Плеханова на Апрельские тезисы [7, с.117].

Считая, что до перехода к социалистическому этапу революции Россия должна пройти путь капиталистического развития и накопить материальные и социально-экономические предпосылки к социализму, Г.В.Плеханов доказывал, что основным вопросом российской действительности остается аграрный вопрос. Но, объективно стремясь получить землю, крестьянство не думало о замене капитализма социализмом. «Больше того, – утверждал авторитетный ученый-марксист, – хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма» [11, с.51].

Стараясь глубже проанализировать положение в стране, он доказывал: «Россия страдает не только оттого, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами». И далее: «Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти» [12].

Ссылаясь на авторитет К.Маркса и Ф.Энгельса, их российский последователь убеждал: «Согласно нашему взгляду, завоевание политической свободы должно и могло явиться лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем» [12]. Исходя из этого, родилось предостережение, согласно которому брать политическую власть в стране не просто преждевременно, но даже вредно: если такое случится, то это станет «самым большим политическим несчастьем...» [11, с.32; 12].

Как видно, у двух политиков совпадали не только главные направления мыслей, но и их аргументация. Однако, если в 1917 г. Г.В.Плеханов больше ограничивался тем, что вел идейно-теоретический спор с В.И.Лениным, Г.Л.Пятаков (на этот раз не обращаясь за советами к Г.Л.Плеханову, а независимо от него и даже несколько опережая уважаемую личность) действовал более решительно, переводя свое неприятие ленинской платформы в конкретные политические и организационные решения и шаги.

Прежде всего, Г.Л.Пятаков, одним из первых ознакомившийся с существом новой ленинской линии, противопоставил ей свою позицию. Однако одобрение Киевской партийной организацией платформы комитета еще не означало победы этой позиции. Г.Л.Пятакову и его единомышленникам предстояло открытое столкновение со сторонниками ленинских идей.

Столкновение идей

Дело в том, что 7 апреля в Киев с общепартийного совещания возвратился М.А.Савельев. Перед отъездом из Петрограда 5 апреля он получил один экземпляр готовившегося к публикации в «Правде» варианта ленинских тезисов. «Я списал их карандашом на особую записку, – вспоминал представитель Киевского комитета большевиков, – и вот с этим новым евангелием революционно-коммунизма приехал в Киев» [3, с.89; 16, лл.178, 181].

В тот же день, вечером 7 апреля, Савельев выступил с докладом о ленинских тезисах на заседании комитета [19, д.3. лл.30–31об., 33–34об.; 23, с.171, 175]. Он также подробно информировал комитет о Всероссийском (мартовском) совещании партийных работников и Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов. Обсуждение доклада было продолжено на заседании 9 и 10 апреля в обстановке жарких споров. М.А.Савельев (Петров) и представитель ЦК Е.Ф.Розмирович, также прибывшая в Киев, последовательно отстаивали ленинские положения. Они доказывали, что развитие революции вполне подтверждает правильность сделанных Лениным выводов. Против этого утверждения выступили Г.Л.Пятаков, В.А.Быстрянский, А.Б.Горвиц, Д.И.Иткинд, М.Я.Кугель и другие сторонники Г.Л.Пятакова [17, с.12–19; 23, с.171–180]. Хорошо сохранившиеся протоколы заседаний комитета и общих собраний Киевской организации за апрель 1917 г. позво-

ляют довольно предметно представить, проанализировать их аргументацию против Апрельских тезисов Ленина.

Основной довод – незрелость России для социалистической революции. «Свержение правительства, социалистический переворот невозможны, так как нет всех экономических предпосылок, – утверждал М.Я.Кугель. – Тов. Ленин неправ, принимая буржуазно-дем[ократический] переворот за переворот социалистический». «Диктатура пролетариата сейчас невозможна, так как массы политически не воспитаны, не подготовлены к организации хозяйства, к предотвращению продовольственного кризиса», – вторил ему А.Б.Горвиц. «В нашей платформе, – подчеркивал Г.Л.Пятаков, – говорится определенно, что мы сейчас не идем к социализму, а т. Ленин зовет к захвату власти. Ленин все-таки против У.С., но для нас ясно, что сейчас может быть только У.С., а не Республика Советов Раб. Солд. и Батр. Деп.». Е.Б.Бош акцентировала внимание на том, что платформа Киевского Комитета коренным образом расходится с ленинскими тезисами. «Тов. Ленин, – говорила она, – находит возможным социалистический переворот, у нас возможен только демократический переворот. Говоря о соц. перевороте, мы поддерживаем контрреволюцию. Тов. Ленин говорит – долой В.П., – а киевская организация говорит: мы критикуем В.П., мы боремся с ним, разоблачаем, но не сталкиваем. Тов. Ленин говорит – не У.С., а мы требуем У.С. [...] Мы должны поддерживать резолюцию Киевск. к-та, теперь время настолько серьезное, что придерживаться авторитетов невозможно» [6, с.15–19].

В позиции противников стратегического плана перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической отражалось их неверие в революционные потенции российского пролетариата, в возможность привлечения крестьянства на сторону социалистической революции. А.Б.Горвиц, например, утверждал, что «в России главная масса населения мелкобуржуазная и поэтому реакционная. Дальнейшее развитие революции наметит расхождение между пролетариатом и крестьянством». Д.И.Иткинд считала, что тезисы преждевременны ввиду дезорганизации и неподготовленности масс, несознательности солдат. Она была убеждена, что в социалистической революции широкие массы крестьянства не пойдут за пролетариатом. М.Я.Кугель высказал опасение: «Если бы пролетариат взял в свои руки власть в нашей аграрной стране, революция была бы проиграна». В.А.Быстрянский и А.Б.Горвиц

отстаивали также тезис о том, что без социалистической революции на Западе она невозможна в России. А потому, заключали они, неприемлемы тезисы В.И.Ленина [6, с.15–19].

В позиции Г.Л.Пятакова (а на его авторитетное мнение ориентировались практически все члены комитета, рядовые партийцы) и его сторонников чувствовалась недооценка роли Советов в революционном процессе. Они продолжали выступать за поддержку Временного правительства. Аргументация при этом не была весьма убедительной. В ней проявились непонимание и даже искажение важнейших ленинских положений. Так, М.Я.Кугель утверждал, что «переход власти к Совету невозможен, потому что Советы – власть революции и при установлении республики они упразднятся. [...] Мы, конечно, не можем доверять правительству, но пока терпим его [...] Тов. Ленин говорит о свержении правительства, но правительство опирается на С.Р.Д., и, значит, нужно свергнуть С.Р.Д.». Г.Л.Пятаков объяснял свое неприятие ленинских идей следующим образом: «В тезисах говорится о передаче власти Советам Р.Д. и С.С.Д., т.е. о диктатуре пролетариата, которая невозможна при капитализме» [18, с.33–37]. Отвергалась и ленинская тактика по отношению к продолжавшейся империалистической войне. В частности, братание квалифицировалось М.Я.Кугелем как утопия, а А.Б.Горвиц назвал его «не марксистским способом ликвидации войны, а анархическим». Подвергалась сомнению и экономическая платформа партии большевиков. Например, М.Я.Кугель считал, что «национализация земли – опасный эксперимент» [18, с.33].

Неудивительно, что в ходе такой дискуссии было внесено Н.Н.Лебедевым обобщающее предложение о том, что Киевский комитет РСДРП «не согласен с тезисами Ленина» [18, с.37]. 10 апреля 1917 г. комитет принял резолюцию: «Считая тезисы т. Ленина еще недостаточно обоснованными и развитыми, Киевск. к-т воздерживается пока от принятия резолюции по тезисам, оставляя их в пределах дискуссии» [18, с.34].

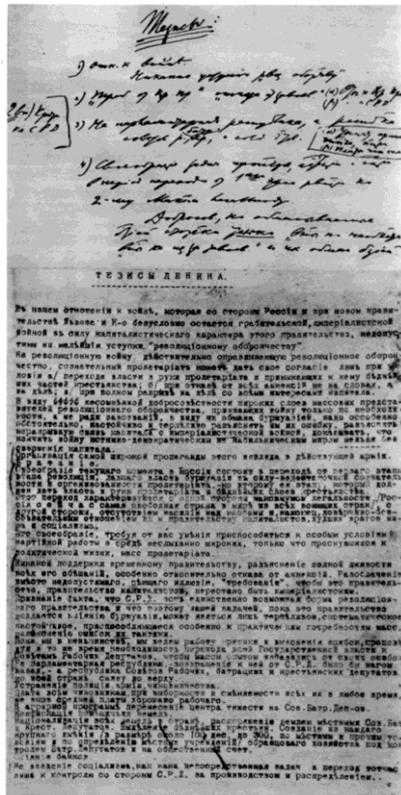
Тем временем М.А.Савельев (Петров), не разделявший взглядов Пятакова и его единомышленников, стремившихся затянуть обсуждение Апрельских тезисов и скрыть их содержание от рядовых членов партии, ознакомил с ленинским документом наиболее многочисленную в Киеве Городскую районную партийную организацию, объединявшую в своих рядах 1000 из общего количества 1500 членов партии. Собрание

большевиков Городского района, обсудив тезисы В.И.Ленина, одобрило их большинством голосов [16, л.179].

Активно поддержала Апрельские тезисы революционная молодежь Киева. Так, 9 апреля М.А.Савельев (Петров) выступил с сообщением об Апрельских тезисах на встрече с инициативной группой молодых рабочих по созданию союза социал-демократической рабочей молодежи. Участники встречи приняли решение заслушать аналогичный доклад М.А.Савельева (Петрова) на собрании рабочей и студенческой молодежи города. Через два дня такое собрание состоялось. По окончании доклада было решено направить приветственную телеграмму В.И.Ленину. Представители молодежи, в том числе Мальчиков, Лапидус, Мишухина и другие активно пропагандировали тезисы, выступая за их признание против

противостоявшей этим тезисам позиции части членов Киевского комитета РСДРП, который возглавил Г.Л.Пятаков, и части городской партийной организации [16, лл.154, 155, 178, 184, 193].

По инициативе М.А.Савельева (Петрова) привезенный им вариант текста ленинских тезисов (с несущественными, вызванными, скорее всего, техническими причинами, сокращениями) был размножен на гектографе и распространен в городе в виде листовки. Следует отметить, что это была единственная в стране перепечатка одного из вариантов ленинских тезисов. Других листовок с текстом Апрельских тезисов пока не обнаружено.

Листовка с текстом Апрельских тезисов

Оригинал одного экземпляра листовки находится на хранении в Государственном архиве общественных объединений – бывшем партар-

«ОТ ВАШЕГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕПЕРЬ, ПО-МОЕМУ, ОЧЕНЬ МНОГОЕ ЗАВИСИТ... ВАШ ПЛЕХАНОВ»

хиве Института истории партии при ЦК Компартии Украины [19, оп.2, д.56а, л.1]. Данных о ее тираже нет.

Но листовка, несомненно, сыграла свою роль в ознакомлении рядовых членов партии, может быть, и части трудящихся Киева с ленинскими идеями. К этому моменту в Киев поступил и №26 «Правды» от 7 апреля 1917 г., где была опубликована работа Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая текст Апрельских тезисов. В Киеве в это время получали более 100 экземпляров печатного органа ЦК РСДРП.

Таким образом, несмотря на усилия Г.Л.Пятакова и поддерживавших его позицию ряда членов из руководства Киевской организации, в ней сравнительно хорошо знали ленинское произведение. Это не могло не сказаться на характере и результатах дальнейших принципиальных

столкновений между сторонниками радикальной стратегии и тактики и приверженцами иных взглядов.

На заседании 11 апреля Киевский комитет РСДРП решил вынести Апрельские тезисы на обсуждение общего собрания партийной организации, назначенное на 15 апреля. Такое же решение было принято 13 апреля в отношении повестки дня предстоящего 15 апреля совещания большевиков Юго-Западного края [3, с.103, 107]. Однако 14 апреля на заседании комитета сторонники Г.Л.Пятакова 7 голосами против 4 провели решение, в котором отмечалось, что комитет находит ленинские тезисы «в общем неприемлемыми и остается при своей прежней платформе и резолюции о войне» [18, с.36]. Было отклонено предложение присутствовавшей на заседании в качестве представителя Центрального Комитета партии Е.Ф.Розмирович о том, чтобы все же обсудить тезисы на предстоящем общем собрании организации [18, с.37].

Состоявшееся 15 апреля общее собрание членов организации, заслушав ленинские тезисы, а также доклад М.А.Савельева (Петрова) о Всероссийском совещании Советов и Апрельских тезисах и ознакомившись с резолюцией комитета от 14 апреля, приняло следующее постановление: «Считая вопросы, поднятые в тезисах В.И.Ленина, очень важными и сложными, общее собрание Киевской организации РСДРП не находит возможным принять без детального обсуждения определенную резолюцию о своем отношении к ним, для чего назначает особое собрание в ближайшие же дни» [6, с.22; 17, ф51, оп.1, д.3, л.44]. Собрание решило также опубликовать ленинские тезисы в ближайшем номере газеты «Голос социал-демократа» [6, с.23; 17, ф.51, оп.1, д.3, л.46]. Следует отметить, что Г.Л.Пятаков, В.А.Быстрянский и Н.Н.Лебедев, входившие в состав «узкой редакционной коллегии» и решавшие все дела, связанные с ведением газеты, не выполнили постановления собрания и тезисы так и не были опубликованы в газете. Более того, сторонники Г.Л.Пятакова добились, что «Голос социал-демократа» перестал перепечатывать статьи из «Правды», а Киевский комитет РСДРП принял решение о сокращении объема публикаций в газете по общетеоретическим вопросам [19, ф.51, оп.1, д.3а, лл.111–112].

Самая крупная оппозиция в партии

15–17 апреля в Киеве состоялось окружное совещание большевиков Юго-Западного края. На нем присутствовали делегаты от большевистских организаций и групп Киевской,

«ОТ ВАШЕГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕПЕРЬ, ПО-МОЕМУ, ОЧЕНЬ МНОГОЕ ЗАВИСИТ... ВАШ ПЛЕХАНОВ»

Волынской, Полтавской, Подольской, Черниговской губерний, а также представитель Гомельской группы большевиков. В работе совещания приняли участие представители Бюро ЦК РСДРП Е.Ф.Розмирович, М.А.Савельев (Петров), И.И.Шварц. Совещание заслушало и детально обсудило доклады о войне и об отношении к Временному правительству. Содокладчиком по обоим вопросам выступал М.А.Савельев (Петров), изложивший в ходе выступления основные идеи Апрельских тезисов В.И.Ленина. Совещание одобрило резолюции в духе ленинских положений и выводов [1, с.193–209; 2, с.52–66]. Принятые совещанием резолюции, несмотря на некоторые незначительные теоретические неточности, свидетельствовали о том, что подавляющее большинство членов партийных организаций пяти губерний восприняли и поддержали ленинский стратегический курс.

В этих условиях деятельность Г.Л.Пятакова и его сторонников начала все ярвственнее обретать черты фракционности. 19 апреля на общем партийном собрании (на нем присутствовало, правда, не более 300 из 1900 членов организации) комитет неожиданно заявил о том, что слагает свои полномочия. Но собрание 221 голосом против 6 при 22 воздержавшихся отклонило это заявление [6, с.24–27]. Тогда, очевидно, с целью нажима на рядовых членов организации, комитет согласился сохранить свои полномочия до конца обсуждения Апрельских тезисов. При переходе собрания к рассмотрению этого вопроса поступило решительное требование «выяснить общему собранию, по каким соображениям комитет вынес резолюцию, отвергающую тезисы». В поддержку тезисов выступил ряд собравшихся. В частности, солдат Петров внес резолюции с одобрением Ап-

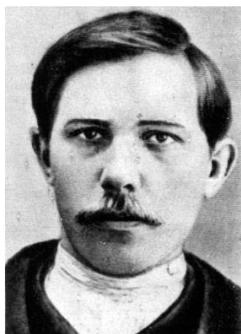
Газета «Солдатская правда»

рельских тезисов В.И.Ленина и требованием «проводить их в жизнь» [19, ф.51, оп.1, д.1, лл.13–14; д.3, лл.103–106]. Д.И.Иткинд впоследствии вспоминала: «Было страшно бурное заседание. Особенно протестовала молодежь во главе с тов. Мальчиковым и большая группа Городского района» [16, л.184].

Мальчиков

Недовольные таким поворотом событий, Г.Л.Пятаков и его сторонники под предлогом затянувшихся прений добились решения о перенесении обсуждения вопроса на последующие собрания. А затем, сославшись на то, что временно исполняют функции руководящего органа, заявили от имени комитета об отказе обсуждать принципиальные политические вопросы. Т.е. практически саботировали очередное партийное собрание, которого требовали члены организации и часть членов комитета [3, с.123, 147].

Е.Г.Горбачев

Иными словами сторонники Г.Л.Пятакова предприняли шаги, которые трудно назвать демократическими, а может быть, и просто честными, открытыми, откровенными, как это всегда прежде отличало поведение Г.Л.Пятакова. Однако он не без основания мог предположить, что планируемому выступлению против ленинской платформы на общепартийной конференции может существенно повредить позиция М.А.Савельева (Петрова), избранного 15 апреля общим собранием Киевской организации большевиков делегатом на партийный форум.

М.М.Майоров

Хотя остальные три посланца (Г.Л.Пятаков, М.М.Майоров, Е.Г.Горбачев) были сторонниками «Киевской платформы», позицию киевлян никак уже нельзя было заявить партийной конференции как консолидированную, единую. Поэтому в отсутствие М.А.Савельева (Петрова), который уже успел выехать по делам партии в Петроград, не считаясь с решительными протестами меньшинства, приверженцы Г.Л.Пятакова на общем собрании 19 апреля добились переизбрания М.А.Савельева (Петрова). Вместо него

делегатом VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) стала Е.Б.Бош, разделявшая тогда взгляды Г.Л.Пятакова [6, с.27; 16, лл.181, 184]. После этого на своем заседании 20 апреля комитет одобрил инструкцию для делегатов на конференцию, в соответствии с которой делегатам от Киевской организации было предложено руководствоваться платформой комитета [3, с.126]. Это решение так и не было доведено до сведения всей партийной организации, не разделявшей мнения авторов и сторонников этой платформы. Такие действия комитета, конечно же, противоречили позиции рядовых членов Киевской организации в отношении ленинского стратегического плана. Об этом, в частности, свидетельствует решительная поддержка взглядов вождя партии инициативной группой молодежи города, направившей 19 апреля В.И.Ленину новую телеграмму. «Союз молодежи, – говорилось в ней, – горячо приветствует тов. Ленина как идейного руководителя революционного пролетариата, как настоящего и стойкого борца против гнета капитала, за социализм и приветствует в его лице революционных борцов Интернационала» [21, с.186]. 22 апреля «Голос социал-демократа» поместил на своих страницах статью «Поход буржуазии против революционной социал-демократии», свидетельствующую о популярности ленинских лозунгов в партийных массах.

Вынужденное отступление

В работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) приняло участие 17 посланцев от 11 большевистских организаций Украины, насчитывавших в своих рядах более 8,5 тысяч человек. Подавляющее большинство делегатов от партийных организаций Украины, как и посланцев других регионов страны, с первых же заседаний активно поддержало ленинскую позицию. Видимо, это обстоятельство оказало влияние на Г.Л.Пятакова и других делегатов от Киевской организации: они не решились выступить против новой стратегической линии. Как известно, Г.Л.Пятаков полемизировал на Апрельской конференции партии с ленинскими идеями только по национальному вопросу. Однако его взгляды не нашли существенной поддержки [10, с.129–143, 169–171; 15, с.121–123].

Большевистские организации Украины одобрили решения Апрельской конференции, пропагандировали их в массах [3, с.56–67].

Постепенно становился на ленинские позиции и Киевский комитет РСДРП(б). После Апрельской конференции комитет заслушал полные отчеты ее делегатов от Киевской партийной организации и представителя ЦК РСДРП(б) М.А.Савельева (Петрова) на специальном заседании, состоявшемся 8 мая [17, с.15–21]. М.М.Майоров и М.А.Савельев (Петров) выступили против попыток Г.Л.Пятакова и его сторонников дать выгодную для себя трактовку относительно хода работы конференции, приуменьшить значение принятых ею решений. Видимо, не случайно в «Голосе социал-демократа», в отличие от других большевистских изданий Украины, были опубликованы лишь две резолюции, принятые Апрельской конференцией РСДРП(б), – о войне и по аграрному вопросу. Подводя итог характеристике важнейших резолюций конференции, М.А.Савельев (Петров) отметил, что «под конец (конференции. – В.С.) большевизм вышел освеженным, единым, как никогда. Дальнейшее развитие большевизма пойдет как раз по этой линии» [19, ф.51, оп.1, д.1, лл.124–130].

Даже те члены Киевского комитета, которые до Апрельской конференции партии выступали против идей ленинских тезисов, признали, как, например Д.И.Иткинд, что после ознакомления с результатами работы этой конференции у комитета вырабатывается «ясная линия» в коренных вопросах революции [16, лл.128–129]. Все активнее начинали бороться за ленинскую политическую линию Е.Б.Бош, М.М.Майоров и другие руководящие работники Киевской организации, еще в недалеком прошлом поддерживавшие Г.Л.Пятакова.

На протяжении мая–июня 1917 г. большевики Киева приняли ряд решений в духе резолюций Апрельской конференции. В газете «Голос социал-демократа» была опубликована статья М.П.Зарницына «Борьба с хозяйственной разрухой». Автор активно отстаивал ленинскую экономическую платформу партии большевиков. «...Теперь, – отмечалось в статье, – революция создала в лице сов. раб. солд. и крестьянских депутатов такие органы самостоятельности революционного народа, которые с успехом могли бы осуществить контроль над общественным производством и распределением продуктов. Тов. Ленин первый указал на это тотчас по приезде в Россию в известных своих "Тезисах". 7 и 8-й тезисы гласили:

"7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Не "введение" социализма как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов".

Эти тезисы показались тогда чем-то "страшным" и "ужасным" не только представителям мелкобуржуазных партий народников и меньшевиков, но и некоторым большевикам.

Жизнь, однако, быстро показала, насколько прав был в данном случае тов. Ленин» [5, 1917, 25 мая].

Следует отметить тот факт, что процитированные ленинские тезисы касались сущности рабочего контроля – вопроса, который не смогла понять секретарь окружного комитета РСДРП(б) Е.Б.Бош даже после разговора с Лениным на VII общепартийной конференции. Под углом зрения этого факта симптоматичной представляется концовка названной выше статьи, подкрепленная ссылкой на материалы конференции: «...Только переход всей власти в руки Сов. раб. солд. крест. и батрацких деп. даст возможность осуществить в общегосударственном масштабе в интересах народа, а не против народа контроль над производством и распределением и трудовую повинность.

До тех пор, пока этот переход не совершился, указанные мероприятия могут осуществляться в отдельных местах "местными революционными органами всенародной власти, когда к этому представляется возможность" (Резол. Всерос. Конф.)» [5, 1917, 25 мая].

2 и 23 июня состоялись заседания общегородской конференции большевиков Киева. В результате обсуждения вопроса о национально-освободительном движении взгляды Г.Л.Пятакова и его сторонников не нашли поддержки. Конференция приняла ленинскую резолюцию VII Всероссийской конференции РСДРП(б) по национальному вопросу [5, 1917, 23 и 25 мая].

Общегородская конференция, состоявшаяся 21 и 28 мая, приняла решение о широкой перепечатке брошюр центрального партийного издательства «Прибой», а также о том, чтобы печатный орган комитета – «Голос социал-демократа» – велся в духе «Правды» [19, ф.51, оп.1, д.3, л.182об., 183]. А конференция, проходившая 30 июля, заслушав доклад о «Голосе социал-демократа», констатировала, «что направление газеты вполне соответствует постановлениям последней общепартийной конференции и совпадает с мнением комитета» [5, 1917, 3 августа].

**К итогам эволюции:
от Плеханова к Ленину**

Так, по существу поражением завершилась борьба Г.Л.Пятакова, направленная на поиск собственной политической платформы в 1917 г., ее противопоставление ленинским

выводам и документам. С точки зрения сугубо исторических оценок, очевидно, можно прийти к следующим обобщенным выводам.

Во-первых, в Киеве обсуждение вопросов, связанных с выработкой и принятием нового стратегического курса партии большевиков, вылилось в острейшее противоборство сторонников разных подходов к оценке перспектив революции. По накалу эта борьба не имела себе равных. Достаточно сказать, что вопросы, связанные с обсуждением Апрельских тезисов В.И.Ленина, 7 раз ставились на заседаниях комитета, дважды на общих партийных собраниях, на окружном партийном совещании Юго-Западного края, а созданная по инициативе Г.Л.Пятакова платформа Киевского комитета, противопоставленная тезисам, по три раза выносилась в повестку дня заседаний комитета и общих собраний. В ходе борьбы Киевский комитет РСДРП, имевший периодический печатный орган, воспрепятствовал перепечатке на его страницах тезисов Ленина, обнародовав собственную платформу, на что сторонники ленинской позиции ответили публикацией листовки с текстом ленинского документа.

Во-вторых, исторически сложилось так, что представители именно Киевской организации смогли получить более полную информацию, чем любая другая местная организация, о существовании ленинских стратегических и тактических установок. За редким исключением, вряд ли кто, кроме киевских большевиков, мог, например, уже в двадцатых числах марта знать о ленинской телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию. Неизвестно, привез ли кто, кроме М.А.Савельева (Петрова), в свою местную организацию вариант тезисов еще до появления в своем городе «Правды» с текстом ленинского документа. Немного было и тех делегатов с мест, которые слушали доклады Ленина о стратегии и тактике партии в первые дни апреля и оперативно, подобно М.А.Савельеву (Петрову), доносили их содержание до товарищей по организации.

Однако ленинским выводам немедленно противопоставлялись взгляды Г.Л.Пятакова и его сторонников, получивших в Киевском комитете РСДРП весной 1917 г. преобладание. Можно допустить, что теоретическая дискуссия в Киеве в апреле–мае 1917 г. была продолжением споров, которые вели Ленин и Пятаков по коренным вопросам

революционного движения в 1915–1916 гг. Бесспорно, что она вылилась в самую крупную в стране откровенную оппозицию ленинским идеям.

В-третьих, хотя копии важнейших ленинских документов в Киевскую организацию большевиков поступали раньше, чем в другие места, это, однако, не влияло на ускорение темпов их обсуждения. Дискуссии носили здесь особенно затяжной характер: собственно, до VII Всероссийской конференции РСДРП(б) полемика вокруг Апрельских тезисов так и не была завершена. Более того, делались попытки даже дискредитировать принятый VII (Апрельской) конференцией РСДРП(б) стратегический курс партии, вновь, хотя бы в частностях, противопоставить ему собственные планы развития революционных процессов.

В-четвертых, нигде, кроме Киева, неприятие ленинских предложений не привело к созданию собственного, альтернативного политического документа для внесения его на форуме партии в качестве идейно-политической платформы для возможного организационного оформления группы (фракции) членов партии, придерживающихся отличных от ленинских взглядов.

В-пятых, в Киевской организации оказались неготовыми к восприятию новых ленинских теоретических выводов не столько рядовые члены партии, сколько руководство комитета. Это предопределило особый драматизм развернувшейся дискуссии, в которой большинство организаций могло идти на отстаивание своей линии только до определенного предела, чем удачно пользовались Г.Л.Пятаков и его сторонники.

Впрочем, есть основания считать, что их поведение полностью оправдывали теоретические выводы, к которым они пришли на основе собственного и достаточно обстоятельного анализа ситуации и готовы были их принципиально отстаивать, невзирая на авторитеты, формальную дисциплину и т.п.

Может быть, именно данное обстоятельство являлось решающим и для В.И.Ленина, который, понимая природу оформления позиции Г.Л.Пятакова, проникался к нему все более высоким уважением и доверием. Не потому ли на десятый день после победы Октябрьского вооруженного восстания он пригласил руководителя киевских большевиков в Петроград, поручив ему исключительно важную и ответственную роль в формировании финансовой системы нового государства [15, с.302–337; 24, с.242–274].

Известно, как высоко ценил В.И.Ленин и Г.В.Плеханова, простив ему самые обидные оценки, которые тот дал Апрельским тезисам. На-

верное, причина в данном случае была все та же: подлинное уважение к творческому поиску, в котором безусловно находились революционные силы России, различные элементы внутри социал-демократии. И в этом, как это ни может показаться на первый взгляд странным, просматривается то, что дополнительно объединяет позиции Г.Л.Пятакова и Г.В.Плеханова.

И хотя общественная практика развивалась не совсем в соответствии с представлениями двух выдающихся марксистов, вышеизложенное позволяет понять и обоснованно заключить, что идеологические процессы в российском социал-демократическом движении были гораздо более сложными и противоречивыми, чем это находило отражение в историографии прошлых лет. В частности, взгляды, близкие к плехановским, рождались в головах и других мыслящих, теоретически грамотных, творческих марксистов. Причем происходило это, по большей части, независимо, подчас даже без соответствующих контактов и тем более координации действий, то есть имело определенную объективную природу. В свою очередь, означенное предполагает дополнительное повышенное внимание к подобным страницам отечественного исторического опыта, исследование его на том уровне сложности, как это было в реальной жизни.

Библиографический список

1. Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март–ноябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов. К., 1957. 782 с.
2. Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918). Сборник документов и материалов. К., 1990. 801 с.
3. Варгатюк П.Л., Курас И.Ф., Солдатенко В.Ф. В.И.Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980. 373 с.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий. В 2-х ч. Ч.1. К., 1977. 712 с.
5. Голос социал-демократа. 1917.
6. «Киевский комитет, выслушав и обсудив тезисы В.И.Ленина, находит их в общем неприемлемыми». Из протоколов Киевской организации РСДРП(б). Апрель 1917 г. (публикацию подготовил В.Ф.Солдатенко) // Исторический архив. 2017. №2. С.3–29.
7. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т.31. С.117.
8. Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. Т.45. С.345–346.
9. Ленин В.И. Телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию // Полн. собр. соч. Т.31. С.7.

«ОТ ВАШЕГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕПЕРЬ, ПО-МОЕМУ, ОЧЕНЬ МНОГОЕ ЗАВИСИТ... ВАШ ПЛЕХАНОВ»

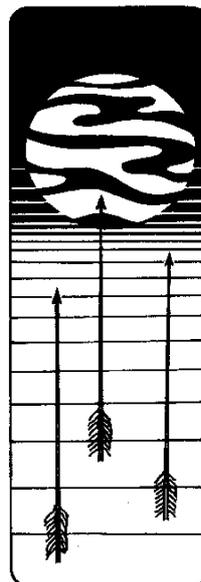
10. Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(большевиков) в апреле 1917 г.: протокольные записи заседаний ЦК от 10, 16 и 24 октября 1917 г. М., Л., 1925. 156 с.
11. Плеханов Г.В. Год на родине // От первого лица. М., 1922. 250 с.
12. Плеханов Г.В. О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас интересен // Единство (Петроград). 1917. 9–12 апреля. №9–11 (републикация в отдельной брошюрке Пг., 1917. 14 с. и издании «Революция 1917 года глазами современников»: в 3-х т. М., 2017. Т.1: Январь–май. С.111–117.
13. Попов Г. Марксистский метод против марксистских концепций («Завещание» Г.В.Плеханова о марксистском подходе к эпохе XX века). М., 2006. 24 с.
14. Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. №3. С.140–181.
15. Солдатенко В.Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. 423 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.70. Оп.3. Д.42. Лл. 154–193.
17. «Точка зрения Ленина в конце конференции захватила громадное большинство». Из протокола Киевского комитета РСДРП(б) от 8 мая 1917 г. (публикацию подготовил В.Ф.Солдатенко) // Исторический архив. 2017. №3. С.12–23.
18. 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Харьков, 1928. 578 с.
19. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф.51. Оп.1. Д.1, 3.
20. ЦГАОО УКРАИНЫ. Ф.57. Оп.2. Д.56а.
21. Історія КП(б)У в матеріалах і документах. Хрестоматія. Вип. 2. 1917–1920. Харків, 1934. 168 с.
22. Листи Н.К. Крупської, Л.Д.Троцького і Г.В.Плеханова до київської організації РСДРП (1911–1912 рр.) // Нелегальна організація РСДРП у Києві за часів піднесення (1910–1914). Збірник статей, спогадів і матеріалів з історії київської організації РСДРП. Харків, 1930. С.161–197.
23. Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року // Літопис революції. 1931. №4. С.139–193.
24. Солдатенко В.Ф. Георгій Пятаков: миттєвості неспокоїної долі. К., 2004. 331 с.

Собственно, впервые тезис о том, что история есть история людей, а не абстракций, приобретает конкретную наполненность и реализуется в самом исследовании. Историческая наука постоянно сталкивается с гносеологической трудностью: исследования экономической и социальной истории, по существу, остаются никак не связанными с исследованиями истории духовной жизни.

А.Я.Гуревич

Итак, от историка требуют отчета.
Он пойдет на это не без внутреннего
трепета: какой ремесленник,
состарившийся за своим ремеслом,
не спрашивал себя с замиранием
сердца, разумно ли он употребил свою
жизнь? Однако речь идет о чем-то куда
более важном, чем мелкие сомнения
цеховой морали. Эта проблема
затрагивает всю нашу западную
цивилизацию. Ибо, в отличие от других,
наша цивилизация всегда многого
ждала от своей памяти.

Марк Блок

Валерий Журавлев

**ИСТОРИЯ
РАЦИОНАЛЬНАЯ
И ИСТОРИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ:
ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ**

УДК
303.446.4

Многим по сей день кажется, что благодаря исключительно подвижничеству представителей школы «Анналов» во французской историографии (Л.Февр, М.Блок и др.) или, во всяком случае, усилиям лишь зарубежных ученых историческая наука стала менять акценты в подходе к анализу прошлого, превращаясь, в первую очередь, в область человековедения, а затем уже – обществоведения. Между тем этот процесс «одушевления» истории как науки включал в себя усилия многих поколений как зарубежных, так и отечественных историков, философов, представителей других отраслей общественности. Парадокс, однако, состоит в том, что о первых мы до последнего времени знали гораздо больше, чем о наших соотечественниках. Сегодня уже с полным основанием можно утверждать, что картина свершений отечественной науки в плане антропологического, социально-психологического подхода к анализу исторического прошлого масштабна и впечатляюща. Задача статьи – раскрыть некоторые важные аспекты данного историографического процесса.

Many people still believe that the history as the science has begun to change accents in its approach to analysis of the past exclusively due to heroic, self-sacrifice conduct of the Annals school representatives of the French historiography or due to efforts of only foreign historians and has started to become, in the first place, a sphere of human beings study and only later the study of society. Meanwhile the process of the history animation included efforts of many generations of foreign and Russian historians, philosophers and representatives of many other branches of social sciences. However, the paradox is that until recently we have known about foreign scientists more than about our countrymen. Today, with good reasons we may maintain that the picture of the Russian science achievements in respect of anthropological, social psychological approach to analysis of the historical past is dramatic and impressive. The task of this article is to disclose some important aspects of this historiographic process.

Ключевые слова: антропологический, социально-психологический подходы к анализу прошлого; духовное предназначение человека; «русский дух», русский характер, прозрения в познании.

Key words: anthropological, socio-psychological approaches to analysis to the past; the spiritual assignment of a human person; “the Russian spirit”; the Russian character; insights in knowledge.

E-mail: ya.vvzh@yandex.ru.

Столетний юбилей Великой российской революции 1917 года стал знаковым поводом и аргументом для активизации усилий научного сообщества в углубленном познании значения и уроков данного беспримерного национального явления, коренным образом изменившего ход не только отечественной, но и мировой истории. Пытаясь хоть как-то обозреть посвященный искомой проблематике вал публикаций и научных форумов международного и все-российского уровня, можно констатировать, что одним из наиболее заметных обобщающих исследований юбилейного года следует признать подготовленное Институтом российской истории РАН 2-томное издание «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» [18].

Ценность труда состоит не только в содержащихся в нем важных исследовательских решениях по широчайшему кругу проблем «рокового» года русской истории, но и в постановках задач на будущее. Одна из них представляется особо значимой в контексте вынесенной в заголовок настоящей статьи проблемы соотношения истории рациональной и истории эмоциональной.

«Для объяснения причин Великой российской революции, – отмечает ответственный редактор издания Ю.А.Петров, – недостаточно «простых» конспирологических ответов, и, возможно, мы все еще далеки от ответа на вопрос, как именно сработал ее пусковой механизм» [18, т.1, с.26]. Действительно, загадкой в приложении к эпохам «бури и натиска» далеко не только в нашей стране является вопрос о том, почему общество подчас «взрывается» на фоне еще относительно «терпимого» социально-экономического ландшафта, а потом может годы и десятилетия индифферентно и даже безропотно относиться к испытаниям несравненно более глубокого и трагического звучания?

Парадокс этот мы наблюдаем в России как начала, так и окончания XX столетия.

Человек и История

Путь к ответу на данный вопрос, по моему мнению, лежит в плоскости дальнейшего исследования внутреннего мира Человека революционной (как, впрочем, и любой другой поворотной) эпохи, в душе и голове которого происходит своя, невидимая окружающим и даже, возможно, ему самому «тихая» революция как пролог будущего взрыва, идет подспудный процесс кардинального переворота в оценке и переоценке ценностей, идеалов, взглядов, социаль-

ных настроений. На конкретно-историческом материале автору настоящей статьи уже приходилось знакомить читателя с некоторыми такого рода наблюдениями и выводами [7]. В данном случае попытаемся рассмотреть проблему на уровне историографическом.

Концепции мыслителей исследуемой эпохи обретают особую методологическую значимость в плане философии истории и историографии в силу того, что они формулировались в обстановке явления России и миру «незнакомого пришельца», как точно и образно выразил это В.Л.Мальков. А именно – в эпоху перемен в укладе жизни, в нравах, в системе ценностей, в культурной среде, в привычном расположении и соотношении мировых сил, в ощущении внутренних и внешних рисков, наконец, в понимании самого смысла происходящего.

Эта «смена времен», «смена вех» всегда побуждала «к постижению непрерывной изменчивости мира истории, ее капризов и зигзагов, ускорения или скованности, деградации и распада» [16, с.3].

Люсьен Февр
(1878–1956)

Напомню, что известный французский историк Люсьен Февр в тяжкую для своей страны пору фашистской оккупации (1941 г.) в статье с непривычно звучавшим тогда названием «Чувствительность и история» с горечью писал: «Подумать только – у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости» [25, с.123].

Слова эти стали своеобразной заявкой на новое направление в изучении западной историографией исторического прошлого, которое – в конечном итоге – получило название «истории чувств» или «истории эмоций». Ученик и последователь Февра Ален Корбен обратил внимание на такую сторону исторического процесса, как «существование и эволюцию иерархии ощущений, систем восприятия, вкусов и эмоций». Обосновывая понятие «культуры чувственности», он исходил из того, что ощущения, эмоции и чувства историчны. Задача же историка состоит в том, чтобы выявить, установить, какие чувства могли, а какие не могли испытывать люди того или иного общества, той или иной культуры и той или иной эпохи [19, с.196].

Данные концептуальные установки стали основой для появления – на базе интеграции двух наук – такой научной дисциплины, как психоистория или историческая психология. Ее появление, по мысли Люсьена Февра, призвано было стать надежным средством искоренения бытующей

щего среди исследователей прошлого «самого худшего, коварного и опасного из всех» анахронизма, распространяющего на людей прошлых эпох психологию современного историка общества. Тогда как индивид в исторической проекции «всегда есть лишь то, чем ему позволяют быть его эпоха и его социальная среда» [19, с.149]. Наблюдения и выводы эти наносили удар по распространенной до того точке зрения о неизменности природы и психических свойств человека.

Позднее (в 1960–1970-х гг.), по утверждениям некоторых западных исследователей, термин «психоистория» потерял былую актуальность. На первый план вышли такие направления научного поиска, как «история ментальностей» и «история чувств», будучи составными элементами антропологического подхода к истории, суть которого состоит в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а их поступательное движение оценивать через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху личности.

В рамках такого подхода два исходных составляющих нашего бытия и сознания – Человек и История – рассматриваются как взаимодействующие по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

Сегодня многим кажется, что благодаря именно подвижничеству представителей школы «Анналов» во французской историографии или, во всяком случае, усилиям лишь зарубежных ученых сама историческая наука стала менять акценты в подходе к анализу прошлого, превращаясь, в первую очередь, в область человековедения, а затем уже – обществоведения. А сами историки все более приобретают облик – по терминологии Марка Блока – сказочных людоедов: «Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждет добыча» [3, с.18].

Между тем союз двух разнохарактерных и не всегда сговорчивых дам (Клио – музы истории и Психеи, персонифицированной в образе прекрасной девушки как символе человеческой души) наметился гораздо раньше. И этот процесс «одушевления» истории как науки включал в себя усилия многих поколений как зарубежных, так и отечественных историков, философов, представителей других отраслей общественности.

Парадокс, однако, состоит в том, что о первых мы до последнего времени знали гораздо больше, чем о наших соотечественниках. Сегодня мы уже с полным основанием можем утверждать, что картина свершений отечественной историографии в плане антропологического, социально-психологического подхода к анализу исторического прошлого масштабна и впечатляюща. Усиливает это впечатление то обстоятельство, что накопленный в данной области аналитический и постано-

вочный потенциал по сей день в значительной части своей не учитывается и не используется в практике исторических исследований.

А потенциал этот огромен. И его постепенно – в первую очередь на историографическом уровне – начинают осваивать специалисты по отечественной истории. Еще в 2002 г., например, исследователем из Пензы В.И.Шуваловым была защищена докторская диссертация, посвященная историографическому осмыслению проблем обращения отечественных историков конца XIX – первой половины XX столетий к социально-психологическим аспектам российской истории [31].

Одно только перечисление имен лишь самых ярких отечественных ученых, уже много более столетия разрабатывавших данную проблему, и лишь некоторых из их трудов, прямо или косвенно посвященных ей, говорит само за себя.

Большинство такого рода инновационных исследований наших соотечественников переиздано на академическом уровне в уникальном, насчитывающем свыше сотни томов издании «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (далее – БООМ), вышедшем в свет в издательстве «Политическая энциклопедия» под эгидой Института общественной мысли.

Духовное предназначение человека

В русской философской, а также в гуманитарной научной мысли в целом в изучаемый нами период сложилось определенное понимание духовности, суть которого еще в середине XIX века четко выразил В.И.Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка». Не сводя концепт духа к его религиозному истолкованию, Владимир Иванович разделяет на две различных статьи своего словаря понятия духа и души. «Относя слово это (дух. – В.Ж.) к человеку, – осторожно фиксирует он, стремясь избежать претензий церковников, – иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю или же стремление к небесному». Это дает ему затем основание в термине «душа» усматривать не только «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею», но и «душевные и духовные качества в человеке, совесть, внутреннее чувство» [6, Т.1, с.503–504]. Что же касается последнего, то для Даля чувствовать – это «познавать нравственно, внутренне (так у автора. – В.Ж.), понимать, сознавать, отзываясь на это впечатлениями» [6, т.IV, с.611].

На фундаменте такого как сочетания, так и разделения духовного (с одной стороны, в религиозном, с другой же, – в широком онтологическом понимании) строятся концепции духовности в русской философской и исторической мысли конца XIX – первой трети XX вв., в том числе Русского Зарубежья.

Вопросам духовного предназначения человека, веками формировавшегося в условиях евразийской цивилизации и одновременно создававшего ее, посвящал свои труды, выходявшие в Париже и Берлине, Н.Н.Алексеев. В том числе такие, как «Религия, право и нравственность» (1930); «Духовные предпосылки евразийской культуры» (1935); «Мировая революция и духовное назначение человека» (1935). Усматривая в большевизме неудачную форму в целом благотворного поиска «правды» русским народом, Николай Николаевич утверждал свое видение будущего страны: «Возобладавшие в 1917 г. идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости как-то должны остаться и стать основами будущего периода русской истории». Успех при этом будет сопутствовать такому типу государства, которое «сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольности) и со служением социальной правде» [Цит. по:15, с.175].

Главное в таких своеобразных представлениях Алексеева заключается, на мой взгляд, в четком осознании того, что, проводя любые преобразования, необходимо не нарушать «кода» российской ментальности, не «оскорблять» нравственные и духовные представления народа. И это вполне согласуется с рядом направлений в дискурсах сегодняшнего дня.

«Безграничное своеобразие исторического бытия», бездонную глубину внутренней сущности человека утверждал в своих работах П.М.Бицилли. Методологическая и философская плодотворность отличает его книгу «Очерки теории исторической науки» (София, 1925). Осмыслению драмы переходных эпох, когда рушатся империи, а вместе с ними – и внутренний мир современников таких катастроф, был посвящен его труд «Падение Римской империи» (Одесса, 1919). Рассматривая исторический процесс как результат творческой работы духа, ученый считал, что облик эпохи не могут определить сами по себе ни экономические, политические или правовые отношения, ни даже быт и нравы. Только познание мировосприятия человека дает нам самое точное представление о времени, в котором этот человек жил и действовал [15, с.209–211].

Пройдя сложный путь мировоззренческих исканий от «легального марксизма» к религиозному идеализму, Сергей Николаевич Булгаков оставался верен своим изначальным представлениям о духовном пред-

назначении человека. В опубликованном в Париже в 1931–1933 гг. труде «Душа социализма» он излагает свои итоговые суждения в плане соотношения материального и духовного в человеке и человеческой истории: «Материалистический экономизм логически должен вести к пассивному фатализму, потому что не личность с ее творческими стремлениями, но безличный хозяйственный прогресс определяет для него пути истории». И как бы предвосхищая уже известные нам суждения Люсьена Февра, добавляет: «Здесь нет места для добра и зла, и вообще для ценностей идеальных» [4, с.551].

«Россия есть живой организм» – утверждал выдающийся наш соотечественник, философ и правовед И.А.Ильин, исследовавший «Путь духовного обновления», как называлась одна из его программных работ, т.е. духовное начало, заложенное в индивидууме, в «вечно женственном и вечно мужественном в русской душе». Дух, считал он, есть сила личного самоутверждения в человеке, воля к Совершенству, а также к совершенствованию – в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире.

«Воспитание человека, – писал Ильин в своем труде «Путь к очевидности», – начинается с его инстинктивных корней». Задача же общества состоит в том, чтобы «пробудить и укрепить в нем *духовность его инстинкта*». Помня при этом: «Дух не есть ни привидение, ни иллюзия. Он есть подлинная *реальность*, и притом *драгоценная* реальность, – самая драгоценная из всех» [9, с.553].

Так на перепутье двух столетий (XIX и XX вв.) нашими соотечественниками во весь рост поднималась тема духовного начала в человеке, тема *воспитания духа*, обновления души как предпосылки и неперемennого условия обновления общества. Проблема, практически полностью, к сожалению, игнорируемая массовым мирозерцанием рыночной действительности и социальной повседневности современного российского общества.

Мужественно продолжал отстаивать в условиях советской действительности 20-х годов свои убеждения выдающийся русский историк Н.И.Кареев. Будучи позитивистом, особое значение он придавал идеям, духовной жизни общества, роли личности в истории. Вместе с тем, как писал ученый в своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое», изданных в СССР еще в советское время (Л., 1990), он всегда высказывался против всякого «незаконного» субъективизма, каков бы ни был его источник: вероисповедальный, национальный, партийный, классовый; высказывался во имя требования научного объективизма. Единственно признававшийся им субъективизм он относил к области этики, не обрекая, однако, историю на морализирование.

Являясь сторонником синтеза истории и социологии, Кареев по-своему обосновывал идею многофакторного подхода к анализу прошлого. Одним из важнейших в сумме этих факторов он считал психологический подход, в русле которого человек должен рассматриваться как в социальном, так и в психологическом измерении. Психология же человека в свою очередь есть явление многофакторное, включающее в себя не только экономические интересы, на первичности которых настаивает вульгарный экономический детерминизм. В человеческой личности сложно взаимодействуют сознательное и бессознательное, политические идеалы и биологические рефлексы. Мотивы человеческого поведения – как неременная составная часть его общественной жизнедеятельности – нацелены на удовлетворение как реальных потребностей, так и «инстинктов человеческой природы» [10, с.279].

Отсюда, добавим, и проистекает сложность определения социально-психологического состояния как отдельного человека, так и человеческого сообщества в целом, в ситуациях, когда историк пытается ориентироваться лишь на социально-экономические факторы повседневного существования социума. Как это часто имеет место в нашей историографии при трактовке причин возникновения революционных ситуаций.

Выдающийся русский философ второй половины XIX в. В.С.Соловьев, впервые поднявший модную сегодня на Западе, хотя и в иной интерпретации, проблему «конца всемирной истории», выдвинул и обосновал идею всеединства, основанную на убеждении в целостности и единстве, связи и гармонии бытия, онтологическом равновесии между единичным и всеобщим, частью и целым. В применении к истории общества в его социально-политической составляющей принцип всеединства распространялся мыслителем на взаимоотношения между личностью и обществом, гражданином и государством, нацией и человечеством [21].

Продолжая заложенную Владимиром Соловьевым традицию анализа окружающей нас действительности, в том числе исторической, с позиций концепции метафизического всеединства, историк-медиевист, философ и богослов Л.П.Карсавин во многом предвосхитил идеи школы «Анналов». И, прежде всего, в стремлении к целостному воссозданию образа жизни, стереотипов поведения, духовного мира, психологии человека средневековья.

«Объектом изучения для историка, – писал он, – всегда является живая развивающаяся личность, и в этом смысле история есть преимущественная "наука о жизни"» [12, с.557].

Путь познания исторического прогресса, считал ученый, должен проходить через анализ внутреннего мира человека, его душевного строя. В утверждении этого принципа он был не просто тверд, но даже категоричен: «Для полного уяснения того, что такое развитие, лучше всего анализировать это понятие в связи с каким-нибудь несомненным и ярким его проявлением. Таким нужно признать нашу душевную жизнь... подлинную, конкретную, "развивающуюся" душевную жизнь. Между нею и историческим процессом существует глубокое внутреннее родство (более глубокое и значительное, чем кажется с первого взгляда...)» [12, с.383–384].

«В его концепции, – отмечает современный исследователь, – всякий исторический индивидуум (человек, семья, народ и т.п.) выступает как всеединство, проявляющееся в одном из его аспектов. По сути, для Карсавина сфера исторического бытия – это множество субъектов, которые следует трактовать как моменты всеединства» [15, с.329].

Именно такой подход определил бескомпромиссность его представлений об исторической судьбе России. В фундаментальном труде «Феноменология революции», созданном вдали от Родины еще в 1926 г. – вскоре после окончания Гражданской войны в России, – Лев Платонович размышляет о будущем своей страны, которая «сорвалась в эпоху Смуты». Пытаясь ответить на волновавший всех эмигрантов гамлетовский вопрос, «быть или не быть ей вообще», философ выносит такой вердикт: «Твердая уверенность в исключительной государственной одаренности русского народа, т.е. в его жизнеспособности, приводит меня к утвердительному ответу на этот вопрос и позволяет мне надеяться, что русский народ избегнет и Скиллы (так у автора. – В.Ж.) монархической реставрации, и Харибды "бонапартизма"» [12, с.254]. Даже в инвалидном лагере ГУЛАГа, где он оказался в послевоенные годы, будучи арестованным в Литве, где была восстановлена советская власть, больной туберкулезом ученый не прекращал творческой работы.

**«Русский дух» и
русский характер**

Творчество В.О.Ключевского, составившее целую эпоху в отечественной историографии конца XIX – начала XX вв., подняло ее на уровень видения новых горизонтов и в плане применения ресурсов, возможностей, инструментария социологии и социальной психологии (в сочетании с методами, свойственными таким наукам, как право), к решению новаторских задач познания исторического прошлого Отечества.

Как комета первой величины на небосклоне русской исторической науки, Ключевский не только сам совершил прорыв на данном исследовательском направлении, но и включил в орбиту своей могучей творческой индивидуальности целую плеяду учеников, последователей, продолжателей его научного поиска.

К «школе Ключевского» современные исследователи относят таких известных ученых, как П.Н.Милуков, М.К.Любавский, Н.А.Рожков, М.М.Богословский, А.А.Кизеветтер, Ю.В.Готье [17].

Каждый из них в той или иной степени испытал на себе благотворное воздействие его неповторимой методологии, превращавшей, по меткому замечанию Г.П.Федотова, историю в «социальную характерологию». Говоря о роли Ключевского, современный исследователь его творчества А.С.Попов справедливо акцентирует внимание на следующем: «Необходимо особо подчеркнуть, что он впервые ввел в научный оборот сам термин "историческая социология" и разработал основные принципы концепции историко-социологического знания, что оставляет пальму первенства за отечественной наукой. Факт этот до сих пор не оценен по достоинству, хотя можно с полным основанием утверждать, что в целом Ключевский и его "школа" предвосхитили возникновение "исторической социологии" и "социальной истории", значительно опередив в этом такую известную историографическую школу, как "школа Анналов"» [17, с.238].

В 1917 году вышла в свет книга Н.О.Лосского «Мир как органическое целое». Появление ее в самый бурный и конфронтационный год всей отечественной истории, год острейших социальных, политических страстей и разорванного в клочья человеческого сознания, только внешне может показаться неуместным. Вослед популярному у мыслителей Русского зарубежья шекспировскому Гамлету («Порвалась дней связующая нить») через века внятно, предостерегающе, прозорливо прозвучал голос мыслителя России о том, что «психическая жизнь», как нечто протекающее во времени, нуждается в связующем начале, чтобы образовать системное целое, в котором прошлое и будущее существуют в неразрывном отношении друг к другу.

Четыре десятилетия спустя, уже на закате своей жизни и творческой деятельности, эмигрант Лосский выпускает в свет свой итоговый труд «Характер русского народа». Основываясь на «метафизике иерархиче-

В.О.Ключевский
(1841–1911)

ского персонализма», ученый утверждает, что «каждое общественное целое, нация, государство и т.п. есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое...» [14, с.576].

В связи с этим тщательному исследованию подвергаются им как положительные, так и отрицательные черты русского характера, в котором сосуществуют и проявляют себя в диалектическом единстве «могучая сила воли, откуда возникает страстность, максимализм и экстремизм, но иногда обломовщина, лень, пассивность вследствие равнодушия к несовершенному добру земной жизни; отсюда невыработанность характера, недостаток самодисциплины» [14, с.723]. Особое внимание при этом обращается на такое свойство русского человека, как извечный поиск им «абсолютного добра»: «В связи с поиском абсолютного добра стоит свобода духа русских людей, широкая натура, испытание ценностей мыслью и опытом, откуда возникают дерзкие, раскованные предприятия, склонность к анархии, неумение столкнуться для общего дела, нигилизм и даже хулиганство» [14, с.723].

Не вызывает сомнений, что данный анализ – в единстве *pro et contra* – детерминирован своеобразием восприятия (в основном негативного) автором уроков революционного прошлого страны. Уроков, познание которых объективно вело его к поиску того самого «спускового механизма» революционного взрыва, над разгадкой которого мы бьемся по сей день. Необходимо вместе с тем отметить, что религиозность, так высоко декларируемая мыслителем в перечне свойств русского человека, не укладывается в им же выстроенную модель его характера и поведения. Концепт веры в данном контексте если и присутствует, то в явно завуалированном виде.

«Ретранслятором» не только мыслей, но и духовных и душевных порывов человека является язык. Может быть, именно это обстоятельство позволяло Н.С.Трубецкому – лингвисту по профессии – исследовать внутренний мир русского человека, оперируя такими понятиями, как «психологический тип», «национальный тип», «национальный характер», «форма душевной жизни», «национальная психика», «национальное самосознание», «дух» народа, его «психические черты». Противовесом нивелирующему началу, заложенному в современных процессах глобализации, звучит призыв ученого, обращенный ко всем «неромано-германским народам», в том числе к славянам, «оградить себя от обмана "общечеловеческой цивилизации"». Проявлением «истинного национализма» ученый считал жизнь в ареале национальной культуры с присутствием ей неповторимым миром духовности, стремящейся к самопозна-

нию. Ибо «только та культура, которая может такому самопознанию способствовать, и есть истинная» [23, с.119].

«Познай самого себя» и «будь самим собой» – эти два постулата С.Н.Трубецкого лежат в основе его концепции становления и развития национальной культуры – евразийской по своему духу и содержанию. Утверждая в своем труде «Европа и человечество», что «европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества», что «она ничем не совершеннее, не "выше" всякой другой культуры, созданной иной этнической группой» [23, с.101], Николай Сергеевич видел будущее России в том, что она «перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет собственное лицо» [23, с.333]. Представления эти приобретают сегодня особый смысл, особенно в свете того, что Европа если и предлагает нам великодушно что-то существенное, то это оказывается не чем иным, как продуктами ее собственного кризиса с его нарастающим дефицитом духовности, а подчас и элементарной порядочности. Что мы наблюдаем сегодня и в политической сфере, и в ареале ристалищ рыцарей «второй древнейшей профессии» – журналистики.

Имя Георгия Петровича Федотова и его творчество сегодня не нуждаются в представлении. Они находятся на взлете популярности, неотделимы от переживаемого современным обществоведением «религиозного бума». Но если в последнем много нарочитого, наносного, ориентированного на моду, то взгляды самого Федотова подобны выдержанному времени вину, которому в ближайшее время не грозит перспектива превратиться в уксус. Причина очевидна. Мыслитель все свое творчество посвятил изучению – через призму проблем религиозности – тех черт национального сознания, которые традиционно считались самыми устойчивыми, но сегодня подвергаются серьезным испытаниям на прочность. Характеризуя «иерархию ценностей», составляющих «лицо России», Федотов оперирует такими понятиями, как «русское сознание и самосознание», «русский дух», «духовный и душевный строй», «чистота веры», «нравственный подвиг», «насыщенная духовная жизнь».

Живя и работая в реалиях покинутой им (а точнее будет сказать, *покинувшей его*) Родины, Федотов не порывал ни на минуту духовной, интеллектуальной связи с нею. Достаточно будет воспроизвести заголовки его наиболее значимых трудов: «Лицо России», «Изучение России», «Новая Россия», «Проблемы будущей России», «Сумерки отечества», «Россия, Европа и мы», «Тяжба о России», «Защита России», «Пушкин и освобождение России», «Федерация и Россия», «Россия и

свобода»... Реалии современной действительности вновь со всей остротой ставят вопрос, сформулированный мыслителем в начале XX века – на ином перепутье эпох: «Будет ли существовать Россия?» [26].

Поиску духовно-психологических начал, дающих возможность отделить «вечное» от «преходящего» и преодолеть несовершенство «мира» сего «чрез преображение и воспитание нового человека, через становление новой личности» посвятил свое творчество Г.В.Флоровский, будучи убежденным в том, что придать смысл истории возможно лишь в том случае, если познаешь смысл жизни. Исторический процесс, считал он, возможно познать лишь через призму целостности человеческой личности и ее творческой деятельности [27,28].

С.Л.Франк
(1877–1950)

Познание смысла жизни через призму «русского мировоззрения» составило стержень творческих исканий С.Л.Франка. С позиций духовного начала рассматривал мыслитель и проблемы несвободы и свободы, деспотизма и демократии, отнюдь не идеализируя последнюю. Полагая, что ценность демократии «не в том, что она есть власть всех, а в том, что она есть свобода всех», Франк утверждал по-своему понятый ее идеал: «...Только строй жизни, основанный на внутреннем моральном уважении ко всем мнениям и верам, на терпимости, истекающей из независимого критического мышления, образует прочную твердую свободного демократического устройства» [29].

Прозрения на почве познания Человека

Русские мыслители, работавшие на переломе двух веков и двух эпох российской и мировой истории, как и их французские коллеги из школы «Анналов», продемонстрировали новые возможности своей методологии не только в антропологическом видении прошлого. Знание Человека конкретной эпохи, его внутреннего мира, сугубо личностного начала, заложенного в его голове и душе, но способного при определенных ситуациях стать преобразующим действительность началом общественным, создает возможности для историка *предвидеть* его реакции на события и явления будущего.

Так, Россия в пореформенные десятилетия еще только входила в «семью» капиталистических стран Европы, а русский дореволюционный мыслитель К.Н.Леонтьев уже спрогнозировал характер «родствен-

ных» отношений, которые неизбежно будут складываться в этой «семье», предвосхищая многие идеи и практику современной глобализации. Как справедливо подчеркивает автор вступительной статьи к избранным произведениям философа А.В.Репников, Константин Николаевич «резко критиковал стремление западного человека распространить свой тип мышления, как идеал, на весь мир. Опасность вестернизации состояла в замене индивидуальной "души" каждого народа на стандартный мировоззренческий набор. Мыслитель также уделял особое внимание наличию "иерархии духа", которую он противопоставлял "иерархии денег"» [13, с.28].

Глубокое знание человеческой природы, предпосылок и мотивов человеческого поведения, сути индивидуальных настроений, способных перерасти в массовые движения, позволило Евгению Николаевичу Трубецкому на основе анализа тяжелых для Германии условий венчавшего Первую мировую войну Версальского договора уже в 1919 г. предсказать неизбежность следующей – Второй мировой войны. Называя поведение победителей «политикой трусливого зверя», философ и гуманист итожил: «Неправда родит ненависть, и потому является источником новых опасностей для будущего...». И далее: Англия, Франция и Америка «своими неслышанно тяжелыми мирными условиями ... толкают немцев на путь реванша. Безумие победителя... скопляет горящие уголья ему (немцу. – В.Ж.) на голову, но теперь – очередь союзников» [24, с.668].

В 1936 г. в предчувствии надвигающейся «очередной» мировой войны Г.П.Федотов в статье «Защита России» фиксирует появление в рабоче-крестьянской среде отторгнувшей его страны «нового элементарного чувства родины». «Перешагнув» через собственные чувства и представления по отношению к советскому строю, он нашел в себе силы сформулировать то, что не могла еще признать большая часть эмиграции: «Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать».

Не ограничившись таким «крамольным» выводом, он пошел дальше: «Это есть единственный шанс на бытие России. Если он будет бит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможностей исторического существования» и страна «ляжет под пар на долгий отдых или под вспашку чужих национальных культур» [26, с.457–458].

И это тоже правомерно признать провидческим прогнозом, оформленным в виде жесткой, «судьбоносной», как мы сегодня бы сказали, апеллируя к лексике 1990-х годов, дилеммы: «третьего не дано».

На пороге неведомого, но уже проявившего свой жесткий нрав XX столетия в лекции на тему «Философские предпосылки деспотизма», прочитанной в феврале 1907 г. современникам угасавшей Первой российской революции, Семен Людвигович Франк четко сформулировал суть антонима «деспотизм – свобода»: «Можно сказать, что *деспотизм столь же адекватен догматизму, сколь свобода адекватна критицизму* (курсив автора. – В.Ж.)». И только век спустя пришло полное понимание того, что мысль философа, его завет и, если хотите, предостережение были прозорливо адресованы и нам – его далеким потомкам из XXI столетия. Причем не только россиянам, но и многим представителям западного мира, теряющим сегодня под напором глобализации и ложных инноваций свои прежние демократические ориентиры: «...Переход от деспотии к демократии есть не просто внешнее событие политической истории; прочно и окончательно такой переход может совершиться на почве внутренней, духовной эволюции, на почве развития нравственно-философского миросозерцания и умонастроения» [30, с.127,129].

В качестве закономерности общесоциологического и общеисторического порядка в применении ко всем поворотным историческим эпохам правомерно рассматривать постулат Г.П.Федотова, сформулированный им в работе «Россия Ключевского»: «Революция была кризисом русского сознания еще в большей мере, чем кризисом государства» [26, с.342].

Не ограничиваясь сходной трактовкой предпосылок революции, один из самых ярких мыслителей Русского зарубежья Ф.А.Степун идет дальше в своих выводах: «Причина революции – в распаде национального сознания. Из этого следует, что путем к ее преодолению должен быть путь к национальному единению» [22, с.364]. Дожив до середины 1960-х годов, пристально наблюдая за эволюцией советской общественно-политической системы, Федор Августович не терял веры в будущее географически далекой, но духовно близкой ему страны. И в этой вере надежды прозорливо, провидчески сочетались с сомнениями и опасениями, что особенно ярко проявилось в его работе «Чаемая Россия», а также в написанной за несколько дней до внезапной кончины статье «О будущем возрождении России».

«Степун, – заключает исследователь его творчества М.И.Лапицкий, – был обеспокоен тем, что если в России произойдут глубокие преобразования, то здесь нет мало-мальских представлений о том строе, который может возникнуть на руинах старого. Его пугал возможный коренной слом всего существующего экономического и политического механизма. Он предвидел, что новая послебольшевистская Россия будет "малочувствительна к свободе"... После падения советской власти ему виделась некая

историческая пауза, или, как он писал, "секунда", когда, по существу, должен решиться вопрос, кто одержит в России верх – Христос или антихрист» [16, с.333].

Не остались в стороне от разработки вопросов применения инструментария социальной психологии к анализу исторических процессов и явлений и ученые, жившие и творившие в условиях советской действительности. Речь идет прежде всего о представителе марксистского направления в анализе интересующих нас проблем Б.Ф.Поршневе. Его книга «Социальная психология и история» (М.: Наука, 1979) стала откровением для поколения историков, формировавшихся в 80-е гг. прошлого века, одновременно и напомнив им о богатых традициях отечественной историографии в исследовании данных аспектов, и инициировав их энергию, направленную на творческое развитие этих традиций.

С иных позиций подходил к тем же проблемам всегда тяготевший к позитивизму А.Я.Гуревич, подспудно – через серию публикаций 80-х годов – разрабатывая идеи своей главной, как мне представляется, книги по данному вопросу «Исторический синтез и Школа "Анналов"» [5].

Активно работали в означенном направлении, но на своих «делянках» теоретик искусства, оригинальный исследователь «смеховой культуры» средневековья М.М.Бахтин [2], а также создатель концепции «культурных типов индивидуности» Л.М.Баткин [1].

Богатейший исследовательский багаж, накопленный отечественной историографией в искомом направлении, позволяет молодому поколению историков, работающих уже в условиях мировоззренческого, идейного плюрализма, активно разрабатывать проблемы, связанные с внутренним миром Человека, представителя той или иной исторической эпохи, различные аспекты его мироощущения и повседневного с существованием, в том числе и на материалах советской истории.

Приведу в связи с этим лишь один пример почти двадцатилетней давности: духовный потенциал народа, выдюжившего запредельные испытания Великой Отечественной войны, сохранив свою живую душу; характер и содержание общественного мнения в стране, прекрасно воссозданы – в русле анализа примет повседневности – в книге Е.Ю.Зубковой [8].

Многим из «трезвомыслящих» современников наших, окунувшихся в «делание денег» и другие искушения «общества потребления», интеллектуальный потенциал отечественных мыслителей конца XIX – первой трети XX века, обращавшихся к анализу внутреннего мира человека, к русской душе, покажется далекими от жизни прекраснодушными мечтаниями чудаков-идеалистов. Но те, кто сегодня всерьез думает и о

настоящем, и о будущем своей страны, отдает себе отчет в том, что действительное возрождение России возможно лишь на путях духовного возрождения россиянина.

Ибо ни одна реформа, ни один социальный прожект (и социальная действительность конца XX и начала XXI столетия наглядно подтверждают это) не имеют шансы на реализацию до тех пор, пока они не будут приняты массовым сознанием на ментальном уровне, не будут включены в привычную для него систему ценностей, не станут для «обыкновенного», рядового россиянина «своим делом», не найдут отклика в его голове и душе.

Существует такой богословский термин – «сретенье» (встреча), отсылающий нас к воспоминанию о воспетом евангелистом Лукой Симеоне Богоприимце. Однако, на мой взгляд, данный термин правомерно употребить и для характеристики предмета настоящего научного дискурса. И использовать его при этом в двух главных смыслах.

Во-первых, антропология и социальная психология как аспекты научного подхода к познанию истории и современности объединили, как мы могли убедиться, ученых разных школ и направлений. Осуществив таким образом «сретенье» – встречу, преодолевшую эпохи, государственные границы и разобщенность лучших представителей отечественной общественной мысли, не по своей воле оказавшихся по обе стороны этих границ как в России, так и в эмиграции.

Во-вторых, на страницах их трудов мы наблюдаем встречу другого рода – сретенье ученых дам с весьма норовистым характером. А именно: психологии истории и философии, обращающих нас, в первую очередь, к миру чувственного и эмоционального в человеке, и их сводной сестры – историософии, или философии истории, базирующейся на началах рационального.

В соответствии с таким комплексным подходом на стыке наук специальному и многостороннему изучению подвергся широкий круг вопросов: проблема менталитета как социально-психического феномена (у Карсавина – «душевный строй», «народ как симфоническая личность»; у Бицилли – «психический склад»); проблема «национального характера» (у Ильина – «духовный уклад»; у Алексеева – «жизнеощущение» народа; у Лосского – «русская духовная жизнь», особенности национального восприятия с его «исканиями абсолютного добра»; у Н.С.Трубецкого – народ как «коллективная личность»).

В рамках многофакторного подхода Кареевым, братьями В.М. и М.М. Хвостовыми, Р.Ю.Виппером, В.О.Ключевским исследовались во взаимосвязи и взаимодействии такие факторы, как историческая тради-

ция и историческая инновация, историческая психика, индивид как фактор исторического процесса.

Подробнейшим образом разработана в дореволюционной и эмигрантской историографии проблема религиозного сознания. Ее исследовали, что важно подчеркнуть, представители как церковной, так и светской историографии. В.В.Болотов и Е.Е.Голубинский занимались этими проблемами еще до революции, Три Ф (Флоровский, Франк, Федотов) – в эмиграции. Федотов аргументировал идею, что религиозное сознание – наиболее существенный источник национального сознания. Флоровский противопоставлял западную «социально-действенную» форму христианской церковности «социально-аморфному» православному варианту. Но именно эта аморфность, по его мнению, способна составить основание творческому самоопределению личности, ее индивидуальному самовыражению, что, по мысли Флоровского, возможно лишь на основе византийской христианской традиции.

Сопоставление православия и католицизма в пользу первого характерно и для взглядов Н.О.Лосского. Интересно в мировоззренческом и психологическом плане оно тем, что было, судя по всему, «выстрадано» на личном и семейном уровне: отец его, обрусевший поляк, был православным, мать-полька – истовой католичкой.

Акцентирование взглядов представителей русской общественной мысли исследуемой поры на религиозном факторе так же правомерно рассматривать, как свидетельство того, что они шли с основоположниками школы «Анналов» «параллельным курсом», порой вырываясь вперед, в становлении основ концепции «одушевленной» истории.

«Христианство – религия историков», – утверждал Марк Блок. Ибо «судьба человечества – от грехопадения до Страшного суда – предстает в сознании христианства как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное "паломничество" является в свою очередь отражением; ось всякого христианского размышления, великая драма греха и искупления разворачивается во времени, т.е. в истории» [3, с.7–8].

Именно заложенный в христианском учении взгляд на окружающую нас действительность через призму личных человеческих судеб и эмо-

Марк Блок (1886–1944)

ций и стал, надо полагать, тем «первотолчком», той отправной точкой, которая направила интеллект когорты исследователей прошлого на путь познания истории через внутренний мир субъекта и одновременно объекта исторического процесса – Человека.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что религиозность основной категории мыслителей Русского зарубежья, как и их французских коллег, не заслоняла их видения реальных проблем человеческого и национального существования, не связывала в познании широкого круга аспектов прошлого, настоящего и будущего. Можно считать, что проблему «духовной власти в России» они воспринимали в русле представлений, сформулированных еще в пореформенные годы Владимиром Сергеевичем Соловьевым – их предтечей и идейным «маяком». Духовная власть, представляющая собой сложную парадигму взаимоотношений личности, общества, церкви и государства, по мысли философа, есть явление, «не требующее и не допускающее насилия». «Код» этого взаимодействия, выражаясь современным языком, по Соловьеву, – это, «без сомнения, есть обоюдная свобода, но не отрицательная свобода равнодушия, а положительная свобода согласного взаимодействия и сослужения одной общей цели – устроению истинной общественности на земле» [20, с.56].

А что же дальше?

Все вышесказанное позволяет, на мой взгляд, говорить об актуальности и необходимости для современного обществоведения решения следующей задачи: реконструировать

отечественную модификацию цивилизационной и антропологической концепций исторического процесса в целом. Обрисовав параметры, четко сформулировав ее характерные черты и особенности, очертив контуры той модели, того варианта этих методологических подходов, которые на протяжении более чем столетия формировались в отечественной науке. Независимо, параллельно, а в ряде важных моментов и с опережением зарубежного исследовательского процесса, протекавшего в сходном направлении.

Мне могут возразить, что попытка реконструкции отечественного варианта, например цивилизационной концепции, осложняется тем, что она (эта концепция), отдельные элементы которой распылены в трудах и прозрениях многих отечественных авторов, осталась незавершенной и что нет смысла воссоздавать ее, как некую вавилонскую башню. Но далек от своей завершенности и западный вариант цивилизационного подхода. Представления А.Дж.Тойнби также высятся некоей недостроенной громадой,

особенно на фоне подчас жестких, но прочно и логично связанных друг с другом конструкций, например формационного подхода.

И это естественно, ибо цивилизационный подход, в отличие от формационного, плюралистичен в своей основе. В этом его слабость, но в этом и его сила. Ибо плюрализм в науке только тогда становится «работающим», когда, переболев всеми болезнями разобщения, начинает работать в направлении интеграции научных представлений.

Конечно, многое из постановок и решений представителей вышеупомянутых школ и направлений дореволюционной и эмигрантской антропологической и историко-психологической мысли нуждается в корректировке, переакцентировке на основе современных реалий и с позиций современных научных представлений. Но многое, и сегодня об этом можно говорить с полным основанием, по истечении времени оказалось прямо-таки пророческим.

Так, опыт событий конца 80-х – 90-х годов прошлого столетия только подтверждает, укрепляет уже известный нам вывод Н.О.Лосского о том, что русская нация обладает суммой противоречивых качеств, которые, сосуществуя и взаимодействуя, предопределяют не только непредсказуемость ее деяний, но и действия, прямо противоречащие ее собственным интересам. Дело дошло до того, что нашей великой нации на какое-то время стал отказывать даже исторически сильный у россиян инстинкт самосохранения.

Итог такого «попятного» движения страны в своем развитии, под знаком которого прошло последнее десятилетие XX века, был неутешителен. Это, в частности, по свежим следам четко зафиксировала выдающаяся исследовательница-славистка, академик и пожизненный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкос в своем труде «Незавершенная Россия», вышедшем в 2000 г. в Париже:

«Что представляет собой Россия в 2000 году?

Бывшую великую державу, изгнанную из круга сильных государств и встречающую у мирового сообщества снисходительное отношение.

Страну, в которой опять нет государства» [11, с.168].

Потребовалось почти два десятилетия для напряженной работы государства, нации в целом в деле восстановления статуса России как великой державы, для обретения ею реального суверенитета, а также для того, чтобы «согнать» с лиц западных лидеров улыбки снисходительности. Но для полной реализации проекта великой и независимой России понадобится еще немало времени и сил как государства, так и общества. Причем в обстановке острого, действенного нежелания Запада снова увидеть сильную Россию.

В связи с этим первостепенное значение (не только с позиций «чистого разума», но и с точки зрения разума что ни на есть практического) приобретает задача актуализации вопросов ментальности, национального характера, в которые, в конечном счете, упираются многие «загадки» и нерешенные проблемы современного этапа развития российского общества, парадоксы попыток его реформирования, выявляющие себя подчас по известной модели грибоедовского героя: «Шел в комнату, попал в другую».

Воззав к жизни мощный заряд интеллектуальной энергии, заключенный в представлениях и выводах отечественных историков и философов прошлого и настоящего о внутреннем мире человека как одной из основ исторической эволюции социума, обществоведение наше, хочется верить, сможет подключить этот по сей день не используемый в необходимой мере потенциал к решению крупных и значимых проблем общетеоретического, общемировоззренческого плана.

Обращаясь к творчеству русских мыслителей конца XIX – первой трети XX столетия, нельзя не отметить, что – вопреки еще недавно существовавшим в нашей историографии официозным трактовкам, что самодержавный режим только и делал, что «мял и душил» свободную мысль в стране и якобы обрек ее на бесплодие в эмиграции, – она предстает сегодня перед нами в таком исполненном внутренней убежденности и достоинства виде, что заставляет по-новому взглянуть на проблему соотношения и взаимодействия двух властей в истории нашей страны. Власть мысли (власть духовной) и власть политической. Вторая может достичь высокой степени воздействия на повседневную жизнь человека, на его поведение в процессе реализации им своих ролевых социальных функций, но она не в силах осуществить тотальный контроль над творческой мыслью, жаждущей вырваться за пределы всегда, при любых обстоятельствах не удовлетворяющей его действительности. И в этом заключается главный источник, мощная внутренняя пружина поступательного движения отечественной и мировой цивилизации.

Библиографический список

1. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: РГГУ, 2000.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990.
3. Блок Марк. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука. 1973. 232 с.
4. Булгаков С.Н. Избранное. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 736 с.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993.
6. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1–4. – М.: Русский язык, 1978 – Т.1. 699 с.; Т.IV. 683 с.

ИСТОРИЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ И ИСТОРИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ

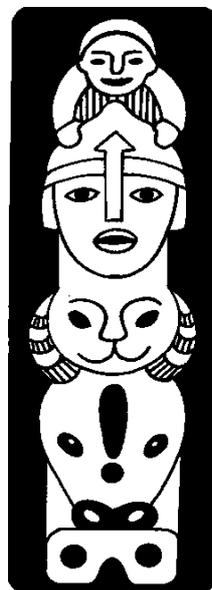
7. Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI, №2. Март–апрель 1914. С.62–94. Он же. Революционные эпохи в контексте личного интереса. К столетию Великой российской революции 1917 года // Россия XXI, №3. Май–июнь 2017. С.126–145.
8. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999.
9. Ильин И.А. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 728 с.
10. Кареев Н.И. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 600 с.
11. Каррер д'Анкос Элен. Незавершенная Россия / Пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2005. 192 с.
12. Карсавин Л.П. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 920 с.
13. Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 728 с.
14. Лосский Н.О. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 840 с.
15. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.: ил.
16. Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / Отв. ред. В.Л.Мальков; Ин-т. всеобщей истории. – М.: Наука, 2003. 482 с.
17. Попов А.С. В.О.Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии. – М., 2001; Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. – М., 2009. 430 с.: порт.
18. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А.Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т.1. – 743 с.; т.2. – 591 с.: ил.
19. Словарь историка. Пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 222 с.
20. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философская публицистика. – М.: Изд. «Правда», 1989. 687 с.
21. Соловьев В.С. Избранное – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 792 с.
22. Степун Ф.А. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 672 с.
23. Трубецкой Н.С. Избранное – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 616 с.
24. Трубецкой С.Н. и Трубецкой Е.Н. Избранное – М.: РОССПЭН, 2010 (БООМ). 736 с.
25. Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. С.123.
26. Федотов Г.П. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. (БООМ). 768 с.
27. Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Г.В. Флоровский. Из прошлого русской мысли. – М., 1998. С.31–51.
28. Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Там же. С.104–123.
29. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. – СПб., 1910. С.161–163.
30. Франк С.Л. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. (БООМ). 664 с.
31. Шувалов В.И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX вв. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2002.

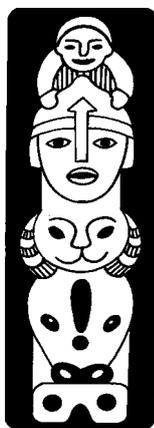
Мифы – это коллективные сны
наяву; а сны наяву –
индивидуальные мифы.

Эдуард Далберг

История – это правда,
которая становится ложью.
Миф – это ложь,
которая становится правдой.

Жан Кокто

Ольга Заиченко

**УБЕЖИЩЕ ОТ СТРАХОВ
И ПРОЕКЦИЯ НАДЕЖД**

**РУССКИЙ МИФ
КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСЕРВАТИВНОГО
«СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ» В ГЕРМАНИИ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94[430:47]”1840-1853”
329[11+12](430):327.5
32.019.51:070.15(430)

На основе анализа немецкой консервативной публицистики о России как части политических дискуссий в Германии второй четверти XIX в. делается попытка рассмотреть эти полемические сочинения как пример консервативного «стиля мышления», формировавшего мировоззрение его носителей и отношение к России, в том числе.

Based on analysis of German conservative literature about Russia, as part of the political discussions in Germany in the second quarter of the 19th century, the paper discusses these polemic works as an example of a conservative "thinking style" that shaped the worldview of its bearers and attitudes towards Russia.

Ключевые слова: образ России; Германия; политическая публицистика; консервативный «стиль мышления»; либеральная русофобия; стереотипы; революция.

Keywords: Image of Russia; Germany; political literature; conservative «style of thinking»; liberal Russophobia; stereotypes; revolution.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com.

**Консерватизм как особый
«стиль мышления»**

Вот уже два столетия консерватизм является одним из важных идейно-политических факторов мировой истории, который заметно активизируется в наиболее переломные ее

моменты. Он возник в конце XVIII в. для защиты существующих устоев от новых веяний европейской общественно-политической жизни, как реакция аристократии на рационализм философских концепций Просвещения, которые Французская революция перевела из теоретической сферы в область реальной политики. Наполеоновские войны стимулировали активность «третьего сословия», дали толчок развитию национально-освободительных и революционных движений в Европе, а также национального самосознания у народов, не имевших собственной государственности. В этот период, названный «временем великого страха», в Европе происходит вынужденная мобилизация социально-политических и интеллектуальных сил традиционного феодально-монархического общества против наступления капитализма, его социальных составляющих – буржуазии и пролетариата, и связанных с ними идейно-политических течений – либерализма и социализма. Но в то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели идеологическую программу определенных политических сил. Прежде всего, он являлся целостной системой восприятия окружающего мира, основанной на идее сохранения «естественных» устоев общественной жизни, под которым подразумевался существующий социальный порядок как привычная среда обитания.

Родоначальником научного подхода к изучению консерватизма как особой мировоззренческой системы является американский ученый Карл Манхейм – один из основоположников исследования этого явления на основе принципов социологии знания. По его мнению, вследствие революционных потрясений рубежа XVIII–XIX вв. в общественно-политической жизни Европы «развилась тенденция к поляризации мышления», которая формировалась в соответствии с «партийными направлениями, так что можно говорить о мысли либеральной или консервативной» [2, с.577]. Манхейм подошел к рассмотрению процесса становления консервативной идеологии с точки зрения его связи с конкретно-историческим развитием общественной жизни. В результате он пришел к выводу, что это не просто идеология, а особый «стиль мышления», который рассматривает человека, общество и государство под определенным углом зрения. Именно «стиль мышления» с присущими

ему морально-нравственными установками определяет мировосприятие большинства представителей социальной группы, которая является его носителем. Мировоззренческие детерминанты, определявшие взгляды исследуемого сообщества, по мнению Манхейма, следует изучать, ставя, прежде всего, вопрос об общественных причинах, которые их породили. Следовательно, ключом к пониманию развития и изменения любовью составляющей консервативного или либерального «стилей мышления», в том числе и восприятия другого народа, служит меняющийся общественный фон и, прежде всего, судьба классов и общественных групп, которые выступают его носителями.

В свете вышесказанного представляется интересным взглянуть на немецких публицистов, формировавших образ России во второй четверти XIX в., отмеченной всплеском значительного интереса к «северному соседу», как на представителей различных «стилей мышления», в данном случае консервативного и либерального. С помощью такого подхода к проблеме мы попытаемся проанализировать их часто противоположное восприятие одних и тех же явлений российской жизни как отражение различных мировоззренческих установок соответствующих социальных групп, а также проследить, как меняется отношение к России в консервативной среде по мере изменения положения этой группы в немецком обществе. В качестве исторического источника в основу исследования были положены публицистические сочинения немецких авторов о России 1830–1850 гг., носящие полемический характер, из коллекции «Rossica» Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга. Они были отобраны из большого массива аналогичных текстов как наиболее репрезентативные и соответствующие тому быстро меняющемуся историческому контексту, в котором были написаны. До настоящего времени подавляющее большинство этих текстов не переиздавалось, не переводилось на русский язык, а следовательно, не было введено в научный оборот отечественной историографии.

Феномен «поляризации мышления» и особенности немецкого восприятия России в первой половине XIX в.

Генезис и развитие консерватизма в Германии в первой половине XIX в. происходили в соответствии с общими законами формирования идеологий. В этот период на смену религии как основы восприятия мира индивидом приходит политика, которая постепенно начинает формировать мировоззрение различных общественных групп в Европе. Французская революция и наполеоновские

государства как основы восприятия мира индивидом приходит политика, которая постепенно начинает формировать мировоззрение различных общественных групп в Европе. Французская революция и наполеоновские

войны резко ускорили эволюционные процессы вызревания буржуазных отношений и деградации феодально-крепостнического строя в германских землях. На смену регионализму и раздробленности, монархии и сословности феодального общества пришли либеральные требования создания единого государства на основе демократических ценностей, так как национальное единство провозглашалось немецкими либералами необходимым условием экономической и политической свободы личности.

Распространение подобных идей вызвало заметную активизацию охранительных настроений монархических кругов, оказавшихся перед лицом революционной угрозы. Только после создания Венской системы международных отношений, которая идеологически и политически базировалась на принципах консерватизма, им удалось относительно стабилизировать свое положение. Революция во Франции в июле 1830 г., а затем мартовские события 1848 г. в Германии оказались новым вызовом для немецких монархий. Социально-политические потрясения первой половины XIX в. заставили германский, прежде всего прусский, консерватизм искать пути для перехода от инстинктивного, спонтанного противодействия распространению либерально-демократических идей в Германии к целенаправленной борьбе с ними. В результате немецкие мыслители сделали для идеологии консерватизма то, что французские философы – для Просвещения: превратили «консервативную, органичную историческую мысль в оружие, дав ей внутреннее единство и собственную логику» [2, с.578].

Особенностью развития немецкого общества в рассматриваемый период была резкая поляризация политических мнений при почти полном взаимном отчуждении консервативного и либерального течений. В Германии еще не успел сформироваться многочисленный средний класс, избегающий идеологических крайностей, способный удерживать политическое равновесие, в том числе и в сфере общественного сознания. Это обстоятельство, а также отсутствие парламентских форм борьбы не позволили либерализму в Германии создать устойчивую теоретическую и политическую систему. В итоге в стране усиливались крайности идеологического размежевания и политической нестабильности. Поэтому политическая борьба, носившая в Германии долгое время в основном интеллектуальный характер, стала средством выражения целей и установок, которые часто бессознательно, но систематически «артикулировались во всех интерпретациях окружающего мира» [23, р.130], характерных как для консервативной, так и для либеральной общественных

групп. Всё вышесказанное справедливо и для характеристики образа России как составной части противоборствовавших мировоззрений.

Демократическое движение, для которого национализм стал революционным принципом, означавшим полный разрыв с феодальным, сословным и монархическим прошлым, считало Россию чуть ли не главным врагом не только демократического национального объединения, но и революционных преобразований в обществе, отождествляя политику российских и германских правящих кругов, призывая к революционной войне с царской империей. Представители оппозиции воспринимали Россию как оплот европейской реакции, враждебное, агрессивное, монолитное государство, значительно отстававшее от Европы в экономическом, социальном и культурном отношении. Русофобия, тесно связанная с национальной идеей, стала частью либерального и демократического сознания в Германии.

В противоположность идеологам либерализма, монархические, консервативные силы в рассматриваемый период не придавали большого значения проблеме единства нации и выступали с космополитических позиций за легитимность удельных князей, королевской власти, за приоритет монархического принципа. Истинным воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций им представлялась сильная монолитная Россия. Страх перед национальным и демократическим движениями, необходимость защиты полуфеодального строя и осознание слабости собственных правящих домов способствовали формированию консервативной русофилии в Германии, которая во время революционных событий 1848 г. наряду с принципом легитимности стала играть роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии. Таким образом, если русофобия являлась частью «демократического сознания», то русофилия прочно вошла в «консервативное сознание». Отношение к России как к некоему политическому символу, наряду с восприятием Франции в качестве ее политического антипода в Европе, превратилось в определенный водораздел между этими двумя идеологиями.

Конструирование консервативного мифа о России как реакция на либеральную русофобию в Германии

Как неоднократно отмечалось выше, восприятие Российской империи носителями консервативного «стиля мышления» было тесно связано с развитием внутривнутриполитической си-

туации в немецких землях. После Венского конгресса в Германии начался период Реставрации (1815–1830), отмеченный наступлением реакции по всей Европе. Этот этап характеризовался дальнейшим распространением в немецком консервативном сознании принципов политического обскурантизма. С созданием в 1815 г. Германского союза, закрепившего раздробленность немецких земель, были надолго похоронены надежды поднимавшейся национальной буржуазии на объединение Германии, которая вновь превратилась в территорию согласования европейских интересов. Политический и бюрократический гнет в самых крупных государствах, Пруссии и Австрии, неурожаи 1816 и 1817 гг., кризис торговли, связанный с отменой наполеоновской континентальной блокады, способствовали нарастанию недовольства в различных слоях общества, которое было обращено против местных правящих династий, а также против России, поддерживавшей установленный в Германском союзе порядок. Выражая широко распространенное мнение, один из современников писал: «На протяжении 20–30-х годов Россия оставалась тайным источником всего, что препятствовало духу времени в Австрии и Пруссии, а также бундестагах всех германских государств, поэтому она все больше теряла уважение в немецком народе» [4, с.348]. Ей не могли простить ни военного превосходства, ни бесцеремонного вмешательства в германские дела. Постепенно антирусские настроения как составная часть оппозиционной, либеральной идеологии стали проявляться открыто и приобретать политический характер.

Однако, несмотря на проявления недовольства, период Реставрации был относительно стабильным этапом в развитии консервативного сознания, которое в обычных эволюционных условиях не склонно предпринимать усилий к теоретизированию даже с собственно охранительными целями. Лишь противодействующее этому сознанию активное движение оппозиционных сил, их стремление взорвать существующий порядок извне воздействует на консервативную мысль, заставляя ее философски осмыслить свою историческую роль и создать необходимую для самоидентификации антиутопию, в которой миф о России занимал не последнее место.

Таким вызовом немецкому консерватизму стала Июльская революция 1830 г. во Франции, вдохнувшая новую жизненную силу в европейское либеральное движение. После политических волнений, охвативших всю Германию, а затем разгрома русским правительством польско-

«Порядок правит в Варшаве». Известная карикатура Ж.Ж.Гранвиля и Э.Фуре на жестокое подавление Россией польского восстания 1830/31 г., положившего начало новой волне либеральной русофобии в Европе («Le Charivari», 1832)

го восстания 1830–1831 гг., русофобия становится составной частью либерального сознания. Жесткие методы подавления, репрессии против поляков и Униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе как наглядное доказательство «устрашающей децивилизованности режима Николая I» [5, с.21]. Десятки тысяч поляков были вынуждены покинуть родину. Они были сочувственно приняты в Германии и Франции. С этого времени польская эмиграция стала катализатором антирусских настроений в Европе, создавая пугающий образ кровожадного царя, стремящегося к мировому господству.

Пик общественного интереса к России приходится на период с 30-х гг. до окончания Крымской вой-

ны. В это время резко меняется жанровый характер немецких сочинений, посвященных «северному соседу». Официальная хроника, художественная, историческая и научная литература, а также, так называемые, «казуалии», посвященные антинаполеоновским войнам и другим героическим сюжетам, постепенно вытесняются путевыми зарисовками очевидцев, памфлетами и политической публицистикой, количество которой неуклонно растет [17, S.39].

В эти годы наряду с формированием либеральной идеологии в оппозиционной литературе был закреплен канонический образ России как военно-династической империи, живым воплощением которой являлся монарх-самодержец с неограниченной светской, религиозной и военной властью. Стереотипный образ царя, «жандарма Европы», задавал тон для внешнеполитической оценки всего российского государства, выступавшего в подобных сочинениях как «оплот европейской реакции» и

агрессивный захватчик чужих территорий. Характеристика внутренней структуры России также ограничивалась традиционным набором стереотипов и идеологием, которые использовались как кубики при строительстве образа царской империи. Перечисление основных элементов восприятия Российской империи можно найти, например, в известном сочинении юриста и писателя из Бремена Иоганна Георга Коля «Петербург в картинах и зарисовках»: «Деспотическое правительство, которое опирается на озверелое общество, проникнутое духом кастовой нетерпимости, имеет в качестве инструмента подавления армию развращенных чиновников и полицию, аморальность которой можно назвать единственной в своем роде, – такое зрелище предстает перед нашим взором в России с ее государственной системой» [20, Vd.1, S.50]. Картина политического устройства русского общества, базирующегося на тотальном государственном подавлении, служила доказательством азиатской сущности России. Деспотизм как форма правления, азиатская, варварская природа предопределяли неспособность России к эволюционному развитию, что в свою очередь выводило ее за рамки европейской истории. Таким образом, к середине 30-х гг. в либеральной литературе была создана довольно стройная логическая конструкция, в соответствии с которой воспроизводился образ царской империи.

В то же самое время консервативное восприятие России, ограниченное в основном идеей легитимности, мистическими ожиданиями и религиозными исканиями, носило вполне абстрактный характер. Высказывание известного немецкого социолога и политолога Зигмунда Ноймана о том, что «консервативное сознание, возбуждаемое оппозиционными теориями, лишь с опозданием обнаруживает свою идею» [27, S.194], может быть применимо и к нашей ситуации. Только создание либеральными авторами относительно целостного образа России вынудило консерваторов начать развивать свою собственную «контрсистему» взглядов относительно «северного соседа». В основу создаваемого образа были положены основные составляющие консервативного мышления, такие как легитимность монархии, религиозность народа и прочные христианские традиции, соединявшие прошлое и будущее, единство и монолитность русского общества. В ответ оппозиция резко нападала на апологетов царской империи, высказывая подозрения, что наиболее активные из них являются агентами на жаловании русского правительства [1].

В полемику относительно России консерваторы вступили с большим опозданием, и поэтому воевать им пришлось на чужой территории. Главной особенностью всех жанров прорусской литературы, которая начала активно издаваться только со второй половины 30-х гг., являлась ее тесная связь с критическими публикациями либеральных авторов. Значительная часть этих сочинений была написана с одной целью - противопоставить правдивую, с точки зрения их создателей, информацию господствующим в публицистике предрассудкам относительно России. Особенно отличились в этой полемике авторы, претендовавшие на всесторонний политический анализ современной им ситуации. Так, немецкий писатель Адольф Цандо, проживший несколько лет в Российской империи, писал в предисловии к своей книге «Положение в России в 1850 г.», вышедшей в Гамбурге в 1851 г. и выдержавшей несколько переизданий: «Только лишь желание противодействовать многочисленным предрассудкам и грубым ошибкам в отношении России заставило меня решиться опубликовать это сочинение» [33, S.9]. Курляндский барон Эрнст фон Рехенберг-Линтен обосновал необходимость написания своего труда «Западная Европа и Россия с точки зрения различия их отношений и современных событий» следующим образом: «Автор находит несправедливыми частые нападки на Россию в иностранных изданиях, а потому был вынужден сказать несколько слов в защиту последней, сравнив состояние западноевропейской и русской культуры» [29, S.3]. Анонимный автор сочинения «Император Николай перед общественным мнением Европы» начинает с того, что признает свою попытку защищать Россию рискованным делом, так как левые в Паульскирхе призывают к крестовому походу против нее и весь мир выступает против России, хотя она не причинила Германии никакого вреда [9, S.3].

Также тесно связаны с либеральной публицистикой политические памфлеты «Царь против европейской анархии» [7] и «Положение России в современном мире» прусского писателя и историка Йоганна Шпоршиля [31], в которых пункт за пунктом аргументация их авторов направлена на отпор «революционной критике». Следует упомянуть о пяти памфлетах, опубликованных в 1844–1845 гг. с единственной целью: опровергнуть и дискредитировать многотомное сочинение маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» [12], имевшее широкую популярность в Германии и Европе. Появление сразу пяти отзывов свидетельствовало не только об огромном успехе записок де Кюстина, но и

о реакции на них руководства III Отделения канцелярии е.и.в. и консервативных кругов в Германии. Авторы трех памфлетов – «корреспондент» российского Министерства народного просвещения во Франции, литератор Яков Николаевич Толстой, писавший под псевдонимом Яковлев [18], поэт и писатель польского происхождения, состоявший на службе в Министерстве иностранных дел России, Ксаверий Лабенский [22], выступивший анонимно, и издатель и публицист Николай Иванович Греч [13] – без сомнения писали свои памфлеты по поручению русского правительства. Два других автора – профессор Берлинского университета, историк Вильгельм фон Гримм [14] и прусский публицист Иоганн Хибманн [16], – скорее всего, работали по заказу лиц, близких к консервативному окружению короля Пруссии [3].

Даже если некоторые другие публикации не были так сильно связаны по содержанию со своими оппонентами, как названные выше, активная позиция их авторов, направленная против антирусских нападок, всегда выражалась достаточно четко, и путевые заметки аристократов не исключение. Так, известный русофил, прусский писатель-путешественник, барон Карл Отто Людвиг фон Арним чувствовал себя обязанным постоянно полемизировать с сочинением де Кюстина [10, Vd.1, S.20, 26, 112, 132, 142, 145], а его знаменитый соотечественник, экономист и знаток аграрной системы России барон Август фон Гакстаузен при каждом удобном случае критиковал не только Кюстина, но и много писавшего на «русские» темы британского политика и публициста Дэвида Уркварта и других английских авторов [15, Vd.2, S.529, 534, 554; Vd.3, S.267].

В полемику с антирусскими выступлениями либералов была включена даже такая далекая от политики литература, как энциклопедии и специальные научные исследования. В предисловиях ко многим изданиям, например, труду по топографии и статистике немецкого ученого-эрудита Пауля Антона Поссарта, выражалась необходимость опровергнуть необоснованные негативные представления о России, господствующие в Германии, и дать ответ на актуальные политические вопросы, такие как «действительно ли Россия имеет опасный перевес над Германией, как принято думать?» [28, Vd.2, S.4]. Политическая полемика с критиками России проникала также в энциклопедические сочинения, как это было в случае с фундаментальным исследованием ученого-геолога, ставшего впоследствии министром шахт в правительстве Пруссии, Фридриха Вильгельма фон Редена. В научном труде, посвященном

статистическому и историческому анализу сельскохозяйственных, промышленных и торговых отношений в Российской империи, при изложении истории войн России на Кавказе, он, в частности, заметил: «С некоторых пор западноевропейская пресса начала нападки на русскую империю, ее правительство и политические устремления, причем характер этих нападок совершенно ясен. Слава Богу, Россия игнорирует эти выпады, и правительство продолжает неумолимо идти вперед по пути целесообразных преобразований» [30, S.6].

**Русский миф как аргумент
в политической полемике
30–40-х гг. XIX в.**

Как уже отмечалось, консерватизму с самого начала было органически чуждо теоретизирование и последовательное аргументированное отстаивание своих взглядов. Как писал

К.Манхейм, «одна из наиболее характерных черт этого способа жизни и мышления – стремление придерживаться того, что непосредственно дано, действительно и конкретно» [2, с.613]. Поэтому особенностью консервативной русофильской литературы было то, что ее авторы, за редким исключением, не стремились создать целостный образ России и даже редко фиксировали свое внимание на стране, как таковой. Главным образом они были сосредоточены на полемике с либеральными критиками России, защищая конкретные институты и явления русской жизни от нападок с их стороны. Причем в консервативной литературе почти не встречалось голого отрицания достоверности приводимых фактов, но при этом критиковались избранные либералами критерии оценки русской жизни, как необъективные и неуместные.

Как правило, это делалось двумя способами: или критикуемое явление рассматривалось не как специфически русское, а присущее многим странам, или утверждалось, что критерии, справедливые для немецкого общества, не могут применяться в отношении России с ее полностью самобытным развитием. Наиболее наглядно оба эти способа представлены в книге актера, руководителя труппы Петербургского немецкого театра в 1842–1848 гг. и по совместительству писателя Эдуарда Йерманна «Неполитические зарисовки из Санкт-Петербурга», опубликованной в Берлине в 1851 г. Так в главе «Розги и кнут», в которой автор подробно описывал телесные наказания, нередко становившиеся разновидностью смертной казни, Йерманн не столько стремился полемизировать с антирусски настроенными писателями, сколько пытался объяснить, «почему и как появились противоречивые слухи об этой, так близко

УБЕЖИЩЕ ОТ СТРАХОВ И ПРОЕКЦИЯ НАДЕЖД

к нам расположенной и такой чужой и незнакомой стране» [19, S.7]. Он признавал «моральный изъян» телесных наказаний – «розог и кнута», не отрицал, что «в России много и часто порют людей», и находил этот факт печальным, однако подчеркивал, что стремление к физической расправе свойственно не только русским, но является «естественным законом», присущим всем людям: «Я не нахожу ничего "нечеловеческого" в телесных наказаниях. Все, что заложено в человеческой природе, является "человеческим", а физическое насилие в первую очередь свойственно его натуре. Утверждать обратное – значит, ничего не знать о естестве человека. Желание ударить другого свойственно всем людям. Прежде чем человек начал думать, чувствовать, говорить, самостоятельно есть и пить, – он уже бил себе подобных» [19, S.41]. Но одновременно Йерманн утверждал, что каждую страну необходимо оценивать, исходя из ее самобытности, и добавлял: «Руководствуясь внутренними убеждениями, я многое хвалю в России из того, что резко осудил бы на своей родине» [19, S.8].

Кнут как метафора России – «Забавы казаков. Русский энтузиазм. Добровольцы присоединяются к своим полкам». Французская карикатура 1850 г.

В основе подобных рассуждений лежат традиционализм, ставший наряду с иррационализмом основой консервативного мышления, а также «историческая школа права» Фридриха Карла фон Савиньи, которая рассматривала любой народ не как случайную совокупность индивидов, а как часть единого целого, образуемого многими поколениями. Опора на традиционный уклад жизни, местные обычаи, старые порядки, сложившиеся на протяжении веков естественным образом, а потому органически присущие жителям конкретной местности, противопоставлялись универсальным теориям Просвещения, ущемлявшим естественные права сословий. Защите традиционализма и производного от него права жителей каждой местности на сохранение своей самобытности посвятил свой труд один из основоположников консерватизма Юстус Мёзер. Еще в «Истории Оснабрюкена» он доказывал необходимость сохранения традиционных порядков, какими бы странными они ни казались современному человеку: «Когда я сталкиваюсь с каким-либо старым обычаем, который не соответствует современным способам мышления, я всегда думаю, что ведь наши предки не были глупцами, пока не найду какого-то разумного объяснения» [24, S.150]. Переноса этот прием на Пруссию, на основе традиционализма консерваторы доказывали чуждость немцам идей и политических принципов Французской революции.

В результате группа консервативных авторов, к которой принадлежал и Эдуард Йерманн, не только не критиковала антирусскую литературу за использование негативных стереотипов в отношении России, не опровергала их, а, наоборот, сама активно включала таковые в свои сочинения. Опираясь на собственные представления о национальной индивидуальности и несопоставимости, они считали, что все, что кажется отвратительным для Германии, может быть вполне приемлемым для России и наоборот. Поэтому весьма типична критика «ужасного значения слова "кнут"» в анонимном сочинении «Николай I перед общественным мнением Европы...»: «Наконец, кнут в России, где все сословия одновременно раздают удары и получают их, не является чем-то таким же ужасным, как телесные наказания для более цивилизованных народов» [9, S.89]. Однако, используя прием дискредитации либеральных критериев оценки российского общества, столь непохожего на немецкое, консервативные авторы цитированных выше сочинений вряд ли добивались поставленных целей. В своих суждениях о России они опирались на те же стереотипы, что и либеральные русофобы. Пытаясь дать

УБЕЖИЩЕ ОТ СТРАХОВ И ПРОЕКЦИЯ НАДЕЖД

им другую трактовку, пусть в скрытой форме, они, как и их оппоненты, все равно продолжали внушать читателям отношение к русским как к чужеродному и неполноценному народу.

«Кнут или кошелек».

Карикатура известного французского художника Оноре Домье на политику Николая I в отношении своих подданных – евреев. 1848 г.

Еще одним способом идеологической полемики с либеральными публицистами была попытка консервативных авторов доказать на примере патриархальной России преимущества традиционного общественного устройства и консервативных ценностей, противопоставляя негативным аргументам либералов – позитивные. По этой схеме построены «Положение в России в 1850 г.» Адольфа Цандо, «Западная Европа и Россия» Рехенберга-Линтена, анонимные сочинения «Император Николай и общественное мнение Европы», «Царь против европейской анархии» и многие другие публикации. В них консервативные авторы рассматривали русофобию как элемент противостояния политических ми-

фологем – «патриархально-монархическая Россия» и «революционно-демократическая Франция». Государственная система последней при правлении Луи-Филиппа считалась оппозицией идеалом в области гражданских свобод. Неудивительно, что после этого главным врагом немецкие консерваторы объявили Францию, выдвинув против либеральной русофобии аристократическую франкофобию. Они критиковали демократов за попытку перенести в Германию чуждую немцам, специфически французскую конституционную форму правления, противопоставляя ей политическое устройство России, которое, по мнению многих консерваторов, во многом соответствовало патриархальному духу средневековой Европы до начала Реформации и религиозных войн. Так, А. фон Гакстгаузен писал в 1852 г.: «Россия по своему характеру и сути организована более гармонично и совершенно, чем Франция с ее идеалами, и это не может опровергнуть даже самый большой враг России, если у него есть собственный разум» [15, Vd.3, S.370]. Для консерваторов в этой дискуссии образ царской империи служил моделью общества, которую можно было противопоставить либерально-демократическим требованиям создания в Германии социально-политических условий для установления равноправия, экономических свобод и конституционных форм правления, что полностью уничтожило бы основы господства аристократии.

Идеи свободы, равенства и демократии занимали ключевое место в политической полемике того периода. Так, анонимный автор многократно переиздававшегося антирусского сочинения «Тайны России», отстаивая необходимость соблюдения гражданских прав и свобод, писал о российской правовой системе следующее: «Русское гражданское право несет в себе глубокую печать полуфеодального и потому – варварского общества, для которого, собственно, и было создано. Дворянские привилегии демонстрируются каждое мгновение, и феодальная система оставила свой отпечаток на всех проявлениях общественной жизни» [8, Vd.2, S.61]. Доказывая преимущества либеральных ценностей, автор сравнивает положение самых угнетенных слоев населения Европы и России. Крепостным крестьянам он противопоставляет западноевропейский пролетариат, ставящий личную свободу и равноправие намного выше предполагаемой материальной защищенности членов русской крестьянской общины: «Скорее умереть, чем отдать свою независимость! Свою тяжелую судьбу, полную забот и лишений, рабочие

никогда не променяют на сытое, но позорное и бесчестное рабство! Русские, которые никогда не знали наслаждения свободой, должны спросить об этом наш пролетариат» [8, Bd.2, S.61].

В этом критическом суждении о социальном устройстве патриархальной российской деревни одновременно содержится оправдание «язв» капиталистического общества. При этом, в отличие от оптимистических прогнозов XVIII в., либералы не пытались отрицать бедственного материального положения пролетариата, и тем сильнее подчеркивалась ценность демократических свобод и равноправия, если для их сохранения голодные рабочие никогда не поменялись бы участью с «сытыми рабами». Объявляя привилегии дворянства и «феодалную систему» признаками «варварского» общества, либеральный автор тем самым обосновывал необходимость насильственного уничтожения основ такого общественного порядка в Германии.

Либеральному восприятию в немецкой политической полемике противостоял аристократический образ России. Неравенство между сословиями консерваторы считали главным элементом «богоугодного порядка». Сохранение этого строя являлось, по их мнению, гарантией «приличествующих званию свобод». Вслед за одним из основоположников консерватизма Адамом-Генрихом Мюллером большинство его последователей не допускали интерпретации свободы в значении общего равенства, или, как потом писали, «эгалитарных презренных прав» политического самоопределения индивида [27, S.70]. «Ничто не может так противоречить свободе, – утверждал А.-Г.Мюллер, – как понятие внешнего равенства». Следовательно, беречь сословный строй как естественно-исторически сформировавшуюся общественную иерархию – «священный долг монархии божьей милостью» [25, S.198]. Поэтому в то время, как анонимный автор «Тайн России» считал дворянские привилегии признаком варварского общества, автор изданной анонимно «Европейской пентархии» К.-Э.Гольдманн выражал надежду, что Россия никогда не введет у себя систему либерального равноправия: «Русское правительство всегда использовало все возможности, чтобы абсолютно не подходящая для России система буржуазного равенства, даже в виде малейшего намека, никогда не появилась на ее территории. Поэтому оно всеми законными способами содействовало укреплению положения суверенов России, дворянства и дворянских собраний, а также сохранению их прав» [6, S.352]. Таким образом, отрицалась ценность либераль-

«Русский колосс» – европейская карикатура на Николая I в 40-е гг. XIX в.

ных свобод, которые в действительности, по мнению консервативных авторов, способствовали лишь распространению анархии в обществе; им противопоставлялись стабильность и предполагаемые гарантии материальной защищенности, которые дает крестьянину общинное землепользование, а также невосприимчивость русских крепостных к революционным идеям.

Эту же мысль развивал в своем сочинении «Неполитические зарисовки из Санкт-Петербурга» Эдуард Йерманн. Совершенно в духе «исторической школы права» Савиньи, как и Гакстгаузен, он полагал, что Россия, в отличие от Франции, является страной «естественной» демократии, которая заложена в самой основе народной жизни, в част-

ности в общинном землепользовании. По мнению Йерманна, либералы и демократы, распространяющие негативные и в основном поверхностные сведения о России, ничего не знают о «демократических принципах» общинного самоуправления: «Но что бы сказали наши принципиальные враги России, – писал он в главе "Император Николай Первый", – если я покажу им внутреннюю жизнь империи и раскрою основы общинного устройства. Тогда они с удивлением увидят то, о чем и не подозревали: что вся общинная система покоится на главных республиканских принципах. Вся ее деятельность основана на выборности и восходит еще к тому времени, когда основная масса немецких демократов и понятия не имела о том, что такое демократические выборы» [19, S.8]. Таким образом, анализируя мотивы и политические задачи русофобии, большинство консервативных авторов вынуждено было признать, что русофобия тесно связана с либеральным и демократическим движениями. «Либералы, – писал Шпоршиль, – видят в России последнего внешнего непобедимого врага того государственного устройства, которое еще нигде на европейском континенте не доказало своей стабильности, устойчивости и безопасности» [31, S.17].

**Либеральная русофобия
как объект критического
исследования консерваторов**

Исследование природы русофобии в Германии, ее структуры и социально-политических корней – еще одно важное направление консервативной литературы о России. Причем анализ

углублялся по мере усиления революционных и связанных с ними анти-русских настроений в обществе. Так, например, в 30-х гг. русофобия еще не достигла своего апогея, а рассуждения о ее природе носили поверхностный характер. Для этих лет весьма характерны выдержки из анонимного антипольского памфлета 1833 г. «Еще один голос из Пруссии ... о польских делах»: «С некоторых пор появилась мода говорить о северном Колоссе, который стремится подавить Европу своим азиатским варварством и тягой к завоеваниям. Преимущественно французские петухи кукарекают всегда о бдительности в отношении диких варварских орд. Однако вслед за ними "закаркала" большая партия в Германии, которая имеет обычай перенимать как можно быстрее любую парижскую моду. А Франция рада видеть, как Германия постепенно все больше и больше втягивается в войну против Востока, в то время как сами французы с их мерзкими проделками остаются в тени» [21, S.130].

Многие консервативные авторы считали в тот период, что общественное мнение подвержено постоянным колебаниям и случайным влияниям, и враждебное отношение к России казалось им только модой или причудой, которая быстро появляется и быстро исчезает. Оценивая русофобию как очередную «парижскую моду», они отказывались от серьезной полемики с ней.

Однако уже с середины 30-х гг. отдельные авторы начали проявлять редкую проницательность, замечая связь между русофобией и либерализмом. Правда, в основе этой проницательности лежала старая идеология, сформулированная еще романтиками в период антинаполеоновских войн, о существовании революционного заговора и всемирной миссии России в борьбе с ним. Генерал кавалерии Ф.Бисмарк, консерватор чистой воды, писал об этом в 1836 г. совершенно в духе немецких мистиков начала века: «Все взгляды, полные озабоченности и надежды, устремлены на Россию, на долю которой выпало быть арбитром в большом споре человеческого или революционного сопротивления и установленному Богом монархического устройства мира. Закон, опирающийся

на установленный Богом порядок вещей, рассчитывает на ее поддержку. Анархия, которая может достичь своей цели только с помощью революционного переворота, рассматривает Россию как своего злейшего врага» [11, S.149].

Позднее некоторые консервативные авторы начали давать характеристику центральным элементам либеральной русофобии, выделяя такие клише и стереотипы, встречающиеся наиболее часто, как «Сибирь», «кнут», «северный великан», «Колосс на глиняных ногах» и другие. Прусский драматург, писатель и театральный постановщик Фридрих Титц в своих «Зарисовках по памяти из России» иронизировал по этому поводу: «...Слова "Петербург", "Россия" и "Сибирь" давно применяются как синонимы» [32, Vd.1, S.12]. Наиболее точную характеристику содержания антирусских выпадов дал Иоганн Шпоршиль, который не только выделил стереотипы, но и указал цель их применения: вызвать у публики чувство отвращения к русской государственной системе и страх перед угрозой ее экспансии в Германию: «Изображая русских как толпу тупоумных и несчастных рабов, а русское правительство - как их бессердечного надсмотрщика, они вызывают человеческое чувство, которое живет в груди каждого и восстает против описанных кошмаров, в полной мере достигая поставленной цели. Одновременно вызывается опасение, что Россия, которая всегда стремилась к захватам на Западе, захочет навязать похожий жребий всем народам этого региона. Таким грубым способом разжигается ненависть к России, целенаправленно вызывается страх перед кнутом, ставшим символом России, а людей заставляют сделать выбор, ссылаясь на пророчество Наполеона о том, что если Европа в скором времени не станет республиканской, то она станет казачьей» [31, S.16]. Воздействие этого страха перед русской экспансией также было довольно точно подмечено в русофильской литературе: «Большинство не может дать себе полного отчета в своей ненависти к Польше и России. Голый страх, что сильные воспользуются нашей слабостью, вызывает ненависть. Но этот страх безоснователен. Россия не может и не хочет чинить препятствия Германии на ее священном пути» [32, Vd.1, S.14].

В 1848 г. в ситуации острой враждебности по отношению к революционным силам консерваторы также осознали связь между рассуждениями левых демократов о готовящемся нападении России на Германию, требованием объединить все силы для революционной войны с

царской империей и политическими целями демократической оппозиции. Подтверждение тому – высказывания прусского штабного офицера Д. фон Грисхайма, приведенные в «Neue Preussische Zeitung» («Kreuzzeitung») от 4 апреля 1849 г.: «Война с Россией нужна немецким радикалам. Тогда неизбежно ослабнет еще сохранившийся до настоящего времени политический порядок в германских государствах и толпа сметет конституционную монархию, как и все, что стоит на ее пути» [17, S.86].

**«Россия contra революция»
как основа политического
дискурса в Германии конца
40 – начала 50-х гг. XIX в.**

Противопоставление понятий «революция» и «Россия» как полярных сил в борьбе за преобладание в Европе отождествлялось с противостоянием революционных левых и консерва-

тивных правых в Германии и давало общий повод для столкновений. Яркой иллюстрацией использования образа России во внутривнутриполитической борьбе в Германии в рассматриваемый период является передовая статья, напечатанная 13 августа 1853 г. в газете «Kreuzzeitung». В этой довольно объемной публикации под названием «Ненависть к России» анонимный автор пытается найти ответ на вопрос: «Что именно, если не принимать во внимание "кнут", образ которого теперь так тесно связан с восприятием России, вызывает у либеральных филистеров такое тревожное чувство, за что они так ненавидят русских, почему так боятся их?» [26, S.60]. Далее автор статьи дает удивительный по пронизательности и глубине анализ немецкой русофобии, напрямую связывая это явление с политическими амбициями либерально-демократического движения, доказывая, что дело не в конкретной стране «Россия», а во внутренних проблемах немецкого общества, которые требовали в то время немедленного решения. Автор пишет, что, отвечая на вопрос о причинах ненависти к России, «либеральные филистеры говорят в высоком патриотическом стиле о якобы существующей угрозе господства славянства над германской расой, уничтожения естественной, органичной свободы механическим насилием. Страх этих "мужественных людей" перед Россией вызван, прежде всего, серьезными намерениями русского императора выступить против революции и военными силами, которыми он для этого располагает, а также той поддержкой, какую находили ранее и будут находить впредь у русского царя слабые правительства не-

мецких земель. Поэтому мы можем с полным правом утверждать, что либеральная партия национал-патриотов трепещет перед Россией не за судьбу германского отечества, а за будущее революции» [26, S.60].

Россия как «жандарм Европы» – «Они все пляшут под его дудку».
Французская карикатура на русское господство в Европе в 40-е гг. XIX в.

Далее автор статьи, анализируя проявления русофобии в демократической прессе, довольно проникательно подмечает несколько функций этого явления в политической борьбе оппозиции за власть. Прежде всего, образ России – это элемент революционной агитации, используемый для демонстрации всего отрицательного, что необходимо искоренить в собственном обществе, а также относительно безопасный способ критики немецкой аристократии и правительства, отождествляя последних с Россией. «Наши националисты хорошо понимают, что когда большая часть населения вырождается в филистеров, что на их языке называется культурной нацией, то это большинство стремится найти для себя такой регион за пределами Германии, используя выдумки о котором можно было бы безопасно врать с помощью высокопарных патриотических лозунгов, совсем не интересуясь при этом подлинной жизнью народа,

населяющего этот регион. Таким местом для наших услужливых дураков стала Россия. Они срывают свою злость на государстве, которому революция до сих пор не может повредить, в отличие от других стран, уже зажатых в стальном кулаке этого порождения преисподней» [26, S.61]. Наконец, автор делает главные выводы о сущности и задачах либеральной русофобии в Германии: «Основная проблема состоит в следующем: пока чувства национального гнева будут бурлить у восточных границ и все силы немецкого гражданского сопротивления будут сосредоточены там в боевом порядке, беззащитными останутся слабые места внутри страны и западные границы, где незаметно и беспрепятственно будет продолжаться распространение французского и еврейского влияния. Поэтому ненависть к России является мистификацией со стороны ее инициаторов, большой глупостью со стороны филистеров, бездумно повторяющих, как попугаи, чужие слова, и низостью – со стороны тех и других» [26, S.61].

Автором статьи было абсолютно точно подмечено, что выделение либералами враждебной этнической группы «русские» являлось для них средством борьбы во внутреннем политическом противостоянии с консервативными правящими кругами Германии. Правильной была также догадка о том, что русофобия необходима либералам для национальной интеграции на основе демократических ценностей, которые консерваторами были охарактеризованы как «филистерские» и «деградирующие». Помимо дискредитации политических противников, в этой статье также делается попытка с помощью резкого разграничения с другими враждебными этническими группами обосновать для аристократии необходимость собственной интеграции на основе консервативных ценностей, как исконно присущих германскому духу. Таким образом, это свидетельство современника описываемых событий дает наглядное подтверждение того, насколько сильно любовь к России со стороны консервативной аристократии была обусловлена ее противостоянием с либеральной оппозицией и насколько правильной является оценка либеральной русофобии как средства во внутривнутриполитической борьбе.

Итак, в германской либеральной литературе политический и общественный строй России идентифицировался с состоянием немецкого общества, а на образ России как идеологический символ проецировались собственные проблемы. В результате этих процессов, а также того, что позитивное восприятие Российской империи со времени антинапо-

леоновских войн стало частью консервативного мировоззрения, накануне революции 1848 года в германском общественном мнении произошла сильная поляризация идеологических позиций в отношении России. Традиционное отсутствие склонности к «теоретизированию», а также фиксация внимания на своих политических противниках не дали возможности консерваторам создать собственный цельный образ России. Придав ему мифологический характер, противоборствующие стороны использовали его в качестве одного из аргументов в политической борьбе за будущее Германии.

Библиографический список

1. *Заиченко О.В.* Русское правительство и попытки идеологического воздействия на общественное мнение Германии в первой половине XIX века. // Россия и Германия. Вып.3 / Отв. ред. Б.М.Туполев. М.: Наука, 2004. С.95–126.
2. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени /Пер. с нем. и англ.; Отв. ред. и сост. Я.М.Бергер и др. М.: Юрист, 1994. – 700 с.
3. *Мильчина В.А., Основат А.Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: не реализованный проект С.С.Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. №13. С.272–284.
4. *Монархи Европы. Судьбы династии* / Редактор-составитель Н.В.Попов. М.: Издательство «Республика», 1996. – 507 с.
5. *Троицкий И.М.* III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. – 318 с.
6. (*Аноним.*) Die europäische Pentarchie. Leipzig: Otto Wigand Verlag, 1839. – VI, 442 S.
7. (*Аноним.*) Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie. Leipzig: D.Y.K., 1849. – 129 S.
8. (*Аноним.*) Geheimnisse von Russland. Ein politisches Sittengemälde des russischen Reichs. 2 Bde. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1844. – 450 S., 404 S.
9. (*Аноним.*) Kaiser Nikolaus der Erste gegenüber der öffentlichen Meinung von Europa, zur Berichtigung unreifer Urteile über russische Diplomatie und Regierungspolitik. Weimar: Bernhard Fr. Voigt Verlag, 1848. – 112 S.
10. *Arnim K.v.* Reise ins russische Reich im Sommer 1846. Bd.1–2. Berlin: A. Duncker, 1850. – 242 S.
11. *Bismark F.W.* Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe: Creuzbauer, 1839. – 265 S.
12. *Custine A. de.* Russland im Jahre 1839. Bde. 1 – 4. Leipzig: Th. Thomas, 1847.
13. *Gretsch N.* La Russie en 1839 par le Marquis de Custine. Paris-Heidelberg : Au comptoir des Imprimeurs-unis, 1844. – 107 S.
14. *Grimm W. v.* Marquis von Custine und sein Werk: Russland im Jahre 1839. Eine kritische Beleuchtung obengenannter Schrift. Leipzig: Theodor Thomas, 1844. – 268 S.
15. *Haxthausen A.v.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bde.1–2. Hannover: Hahnschen Hofbuchhandlung, 1847. – 526 S., 540 S.; Bd.3. Berlin: Behrs Buchhandlung, 1852. – 656 S.

16. *Hibmann J.* Ein Blick auf Russland, das wirkliche, und Russland des Marquis Custine im Jahre 1839. Dresden: Arnoldische Buchhandlung, 1844. – 52 S.
17. *Jahn P.* Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. – 380 S.
18. *Jakowlef J.* Russland im Jahre 1839, wie es der Marquis von Custine träumte, oder Briefe über dieses Werk. Leipzig: Theodor Thomas, 1844. – 102 S.
19. *Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St.Petersburg. Skizzen, nach dem Leben gezeichnet. Berlin: Allgemeine Deutsche Verlag-Anstalt, 1852. – 137 S.
20. *Kohl I.* Petersburg in Bildern und Skizzen. Bde.1–3. Berlin: Arnoldische Buchhandlung, 1841. – 396 S. – 344 S.
21. *Koszyk K.* Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. Berlin: Colloquium Verlag, 1966. 592 S.
22. *Labensky X.* Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Von einem Russen aus dem französischen Übertragen und mit einem Nachwort von einem Deutschen. Berlin: Verlag von Alexander Dunckler, 1844. – 176 S. (frz.: Paris, 1843).
23. *Mannheim K.* Conservative thought // *Mannheim K.* Essays on sociology and psychology. London: Routledge & Kegan Paul., 1953. – 319 p.
24. *Möser J.* Osnabrückische Geschichte // *Möser J.* Sämtliche Werke /Hrsg. von B.R. Abeken. Berlin: Verlag der Nicolaischen Buchhandlung, 1843.
25. *Müller A.* Die Elemente der Staatskunst. // *Elm L.* Konservatives Denken. 1789–1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin: Akademie-Verlag, 1989.
26. *Müller L.* Das Russlandbild der deutschen politischen Flugschriften, Reisewerke, Nachschlagwerke und einiger führenden Zeitschriften und Zeitungen während der Jahre 1832–1853. Phil. Diss. (masch). Mainz, 1953.
27. *Neumann S.* Die Stufen des preußischen Konservatismus: ein Beitrag zum Staats- und Gesellschaftsbild Deutschlands im 19. Jahrhundert. Berlin: Kraus Reprint in Vaduz, 1982.
28. *Possart P.* Die Königreiche Schweden und Norwegen, das Kaisertum Russland und Königreich Polen und Freistadt Warschau. Bd.2: Das Kaisertum Russland. Stuttgart: Literatur-Comptoir, 1840–1841. – 302 S.
29. *Rechenberg-Linten E.v.* Westeuropa und Russland in Beziehung auf die Verschiedenheit ihrer Verhältnisse und die gegenwärtigen Zeitereignisse. Leipzig: G.A. Reyhers Verlagsbuchhandlung, 1833. – 96 S.
30. *Reden F.* Das Kaiserreich Russland. Statistisch-geschichtliche Darstellung seiner Kulturverhältnisse, namentlich in landwirtschaftlicher, gewerblicher und kommerzieller Beziehung. Berlin: Druck und Verlag von Ernst Siegfried Mittler, 1843. – 620 S.
31. *Sporschil J.* Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig: Verlag von Ignaz Jakowitz, 1849. – 48 S.
32. *Tietz F.* Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. Bd.1–2. Leipzig: Verlag der Dienerischen Hof-Buchhandlung, 1836. – 360 S., 254 S.
33. *Zando A.* Russische Zustände im Jahre 1850. Hamburg: bei F.H.Nestler und Melle, 1851. – 340 S.

Гений Петра высказался в ясном уразумении положения своего народа и своего собственного как вождя этого народа, он осознал, что его обязанность – вывести слабый, бедный, почти неизвестный народ из этого печального положения посредством цивилизации.

С.М.Соловьев

Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой творческий исторический путь. Любовь наша к России, как и всякая любовь, – произвольна, она не есть любовь за качества и достоинства, но любовь эта должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России. Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом. И менее всего она означает вражду и ненависть к другим народам. Путь к всечеловечеству для каждого из нас лежит через Россию.

Н.А.Бердяев

Владимир Дегоев

**«РАЗВЕДАТЬ О ВСЯКОМ
ТАМОШНЕМ СОСТОЯНИИ»**

АНГЛИЯ ГЛАЗАМИ ПЕТРА I

УДК
94(47).05

Нетрудно понять историков, которые рассматривают визит Петра I в Англию в 1698 г. в более широком контексте темы «Россия и Европа». Следуя их примеру, автор статьи заостряет внимание на некоторых деталях. При всей своей любви к Голландии, именно Англию выделял Петр среди других западных держав. Царь был далек от однозначно восторженного восприятия местных нравов и законов, но он увидел там много такого, в чем так остро нуждалась Россия. Что до английской политической элиты, то в ее взгляде на Петра чувствовалась некая смесь надменности, удивления и восхищения. Некоторые из высших государственных деятелей предсказывали, что их странный гость оставит великий след в мировой истории.

It is easy to understand why historians got used to put Peter the Great's visit to England in 1698 into a wider context of the topic «Russia and Europe». Following in their steps the author of the article adds some subtler details to the discourse. The point is that for all Peter's affection for Holland it was England that he singled out among other Western countries. The tsar was far from indiscriminate perception of local ways and mores but he found there a lot of things extremely useful for his motherland. As to the English political elite of the time, it looked at him with a mixture of arrogance, curiosity, and admiration. Some of the country's higher officials did not hesitate to predict that their «strange guest» would leave an incredible trace in world history.

Ключевые слова: Русско-европейские отношения; Великое посольство 1697–1698 гг.; визит Петра I в Англию; Петр I в оценках английских современников; английская цивилизация и культура глазами русского царя.

Key-words: Russia and Europe; Great Russian Embassy of 1697–1698; Peter the Great's visit to England; «Russian tsar through English eyes» vs «England through Peter's eyes».

E-mail: degoev2013@yandex.ru.

Со времени визита русского царя в Англию (январь–апрель 1698 г.) прошло более трехсот лет. Стоит ли возвращаться к этому хорошо изученному сюжету вновь и вновь, как не устают делать отечественные и зарубежные историки, которым и в голову не придет задаваться такими вопросами. Ведь сама их профессия, по сути, возникла из посыла, что в истории нет неактуальных тем. Каждая новая эпоха допрашивает прошлое по-своему. Ее гнев, пристрастие и воля к познанию мотивированы своими причинами.

Сегодня тема «Петр и Европа» почти столь же злободневна, как и острейший дискурс о месте России в стремительно деформирующемся мире. Она мучительно искала это место с незапамятных времен. Прихотливая судьба – вспомним С.М.Соловьева – терзала ее, как «мачеха», подвергая невыносимым испытаниям. Но ими же и закалила.

«Природа страны, природа племени и ход внешних условий» (опять С.М.Соловьев) превратили Россию, «начавшую так скромно» (а это уже американский историк Михаил Флоринский), в великую империю. Тайну этого преобразования пытаются разгадать давно. Однако однозначного объяснения все равно нет. Блестящий афоризм Черчилля¹ тут не поможет.

Вероятно, больше шансов у идеи о том, что России во многом удалось уравновесить в себе Восток и Запад. Не избавиться от одного в пользу другого, а именно уравновесить. Исподволь этот процесс начался задолго до петровских реформ. Но принял бы он столь революционный и необратимый характер, не будь Петра?

Во время своего первого заграничного путешествия русский царь посетил Англию, где провел три с половиной месяца. Зачастую считается, что Петр поехал туда лишь с одной целью – изучить самую передовую в мире технологию кораблестроения. При этом забывают: «всеобъемлющая душа» Петра никогда не горела «одной целью».

Мысль об Англии родилась в царственной голове не мгновенно. Он давно слышал, что первоклассный флот, во многом определивший пути развития и ставший основой могущества этой страны, являлся предметом ее гордости. Не взглянуть на него хотя бы краем глаза Петр просто не мог. Быть в Голландии, на расстоянии вытянутой руки от легендарных английских верфей, и отказать себе в удовольствии посетить их и

---

¹ Обычно приводят его краткую версию, которая в вольном переводе звучит так: «Россия – это загадка, окутанная тайною за семью печатями». Однако далее следуют слова: «Но есть ключ к разгадке – национальные интересы России», и благодаря этому пояснению афоризм становится больше, чем просто красивым образом.

увидеть самому, как рождаются шедевры инженерного гения, было выше его сил.

Но Петра влекло не только это. Англия уверенной поступью шла к статусу «мастерской мира», и среди производимых ею технических чудес было много чего, помимо кораблей. Все это интриговало царя до крайности. Не случайно инструкция обязывала русского агента Адама Вейде, «будучи в Аглинской земле, разведать о всяком тамошнем состоянии» [4, стб.1117], что можно понять как приказ определить места, наиболее достойные царского внимания.

К этому времени Англия уже выросла из сравнительно небольшого по размерам островного государства (130 тыс. кв. км) в громадную колониальную империю, которая продолжала расширяться быстрыми темпами. Глубинные причины таких историко-геополитических «курьезов», характерных и для России, вызывали у Петра непреходящий интерес, как предмет для сравнений и как поучительный прецедент.

Петр не знал, сколько он пробудет в Англии, но готовился к встрече с ней с особым тщанием. Ему предстояло знакомство, быть может, с самой великой европейской державой. Тем более что у государя были свои критерии определения величия. И среди них размеры государства-метрополии стояли не на первом месте.

Седьмого января 1698 г. пополудни Петр с волонтерами отчалил от Амстердама и на следующий день по каналам добрался до побережья, где его ждали английские суда под командованием вице-адмирала Митчелла [2, с.57; 9, с.1–3]. От путешествия на королевской гостевой яхте царь отказался, предпочтя ей один из военных кораблей сопровождения, где он всю дорогу терзал Митчелла профессиональными вопросами, желая получить исчерпывающие до мелочей ответы. Петр был одет в форму голландского матроса, на голове парик. Царь с привычным для него любопытством обследовал устройство судна, вплоть до макушки мачты, куда он взобрался с удивительной легкостью после того, как озадаченный вице-адмирал отказался от предложения Петра разделить с ним это рискованное удовольствие [1, с.337].

9-го и всю ночь на 10 января шли в полпаруса при попутном ветре. Поутру завидели английский берег и вскоре миновали городок Орфорд, приветствовавший эскадру торжественным салютом. За милю от устья Темзы под грохот прощальных пушечных выстрелов со всех бортов эскадра разделилась на две части. Военные корабли сопровождения направились на свою военную базу в Чатем. Вице-адмирал Митчелл сошел на одну из гостевых яхт, которые продолжили путь вглубь Темзы. Утром 11

января Петр и его послы пересели на гребные суда и вскоре достигли центра города – лондонского Сити [2, с.57–58; 9, с.2–3].

**Первые английские
«портреты» Петра**

Если бы Лондон был первым европейским «мегаполисом», посещенным царем, то, вероятно, его впечатления были бы сильнее. Но после Амстердама, Гааги, Утрехта он

смотрел на английскую действительность более искушенным и избалованным взглядом. В походном журнале Петра мы не находим особых восторгов от первых дней пребывания в Англии. В спокойном дневниковом стиле упомянут лишь Тауэр, да и то в связи с его далеко не единственным предназначением – служить местом заточения для благородной знати [2, с.58; 9, с.2]. А ведь кругом было много чего, способного поразить воображение любого путешественника: Лондонский мост, Собор Святого Павла, часовня Фомы Кентерберийского, громадные городские здания – настоящие шедевры архитектуры.

Игра Петра в инкогнито англичанам показалась чудачеством. Когда к яхтам причалили королевские лодки (что-то вроде правительственного кортежа), чтобы доставить царя на сушу, он внезапно юркнул в барку для перевозки багажа и на ней, никем не узнанный, добрался до берега [1, с.337].

К странностям высокого гостя было причислено его желание поселиться в простом небольшом доме около Темзы. Впрочем, наблюдатели нашли этому вполне вразумительное объяснение: житейская неприхотливость Петра и стремление избежать внимания людей. Чрезмерно нервическая реакция на любопытные взгляды толпы была едва ли не первой характерной чертой, замеченной в Петре.

Историку, для которого склонность царя к не вполне обычному, с точки зрения нравов европейского высшего света, поведению не новость, более странным может показаться другое. Распространителем полуанекдотических подробностей (если не сказать сплетен) о Петре (своем, между прочим, почетном госте) стал английский король Вильгельм III, в данном случае явно занявшийся не королевским делом. Вот лишь небольшой его набросок о монархе-собрате: «Это – государь, который **забавляется** (выделено в тексте мною. – *В.Д.*) только кораблями и мореплаванием и совершенно равнодушен к красотам природы, к великолепнейшим зданиям и садам [...] он говорит и понимает голландски лишь о том, что касается мореходства» [1, с.337].

Много ли может поведать о личности Петра это мимолетное наблюдение с явным привкусом высокомерного превосходства над человеком, весь кругозор которого ограничен внутренним устройством корабля? С каких пор исторический масштаб политического деятеля определяется его любовью, скажем, к парководству? Не вспомнить ли нам бездарных и ничтожных правителей, которые, будучи «неравнодушными к красотах природы», звукам музыки, шедеврам живописи и архитектуры, вели свои государства под эту самую музыку к гибели, не имея способности ни предчувствовать это, ни предотвратить. Где их след в истории? А не сопоставить ли нам суждение о царе, якобы помешанном на единственном предмете, захваченном всепоглощающей страстью к флотскому делу, с его наследием, олицетворенном в Петербурге – одной из самых величественных и культурных столиц Европы. Могло ли это случиться при равнодушии царя ко всему, что не было связано с морем?

Да, в отношении Петра Вильгельм, хотя и часто с ним общавшийся, проницательностью не блистал, в отличие от Лейбница, который, даже и не видев царя, предсказал ему великую историческую миссию, совершенно не смущаясь байками, наподобие тех, что пристойно плодить толпе, но никак не английскому королю.

А вот еще один «английский» портрет Петра. Принадлежит он знаменитому историку Томасу Маколею, не замеченному в безукоризненно беспристрастном обращении с фактами и увлекающемуся изяществом стиля в ущерб более важным для его профессии материям. Понятно, что Маколей писал портрет не с натуры, но в нем угадывается некое общее впечатление, произведенное царем на утонченных англичан.

«Его величественная фигура, его лоб, показывавший ум, его проницательные черные глаза, его **татарский** (здесь и далее текст выделен мною. – В.Д.) нос и рот, его приветливая улыбка, выражение страсти и ненависти **тирана-дикаря** в его взгляде, когда он хмурил брови, и в особенности странные нервные конвульсии, по временам обращавшие на несколько секунд его лицо в предмет, на который нельзя было смотреть без ужаса, громадное количество мяса, которое он **пожирал**, пинты водки, которые он выпивал и которая, по рассказам, была заботливо приготовлена его собственными руками, шут, юливший у его ног, обезьяна, гримасничавшая у спинки его стула, – все это было несколько недель любимым предметом разговоров. А он, между тем, избегал толпы с гордою застенчивостью, разжигавшею любопытство» [3, т.13, с.65–66].

Для Маколея Россию и ее будущее олицетворял тиран-дикарь с татарской внешностью (кстати, что имелось в виду?), окруженный бала-

ганными персонажами (шутом и обезьяной) и поглощающий горы мяса и ведра водки. Приветливую улыбку и гордую застенчивость на его лице внезапно сменяют страсть, ненависть, нервные конвульсии, приводящие людей в ужас. Таким предстает перед нами главный исторический герой России, выписанный к тому же довольно посредственными литературными приемами, обычно именуемыми литературщиной.

Крайне странно, что профессиональному историку больше нечего сказать о человеке, плоды титанической деятельности которого в виде великой Российской империи Маколей, живший в первой половине XIX века, имел возможность лицезреть воочию. Но, видимо, здесь, как и во многих других случаях, все объясняется «английским», весьма специфическим взглядом на Россию и русских. Правда, в другом месте историк преодолевает свою европейскую спесь и скажет о Петре нечто совершенно противоположное. Возможно, Маколей, как иногда случается с мыслящими людьми, в конце концов, понял, что нарисованный им портрет слишком тесен и прост для такой могучей исторической фигуры.

Кстати заметим, что не только английские наблюдатели проявляли избыточное внимание к бытовым, занимательным подробностям пребывания Петра в Англии, особенно к его неевропейским манерам. В этих описаниях зачастую присутствовал дух надменной бестактности в отношении царя и его спутников. Подсмотренные этими «писателями» некоторые детали повседневности, не имея никакой исторической ценности, говорят лишь об остром недостатке у них чувства деликатности.

Одним из источников такого рода был царский резидент в Лондоне Гофман, которому было поручено собирать разные сведения о Петре и передавать их в Вену. За отсутствием доступа к важной политической информации о целях русского посольства Гофман развлекал своих венских начальников уличными сплетнями.

11 января к Петру явился королевский камергер Бертон. Поздравив царя со счастливым приездом, он сообщил, что Вильгельм, готовый оказать гостю любую услугу, хотел бы знать, когда Его Царское Величество изволит видеться с королем.

Петр, поблагодарив, сказал, что время встречи всецело оставляет на усмотрение Его Королевского Величества. Следом царь попросил об одолжении: оставить при нем вице-адмирала Митчелла как человека, знающего голландский язык, через которого монархам удобно будет быстро связываться [2, с.59; 9, с.3].

12 января в русское посольство явился Митчелл доложить о том, что ему поручено состоять при особе Его Царского Величества для оказания

всяких услуг и для доношения королю обо всех его желаниях. Было также объявлено, что через два дня Петра посетит Вильгельм.

Король, видимо, тоже решил позабавиться игрой в инкогнито и сделал это так ловко, что «в сухощавом джентльмене, вышедшем из простой небогатой кареты у царского подъезда» (14 января), никто не узнал английского короля. Кажется, не узнала его и царская обезьянка, яростно прыгнув на плечи Вильгельму на плечи. Чем еще был примечателен королевский визит, кроме улаживания этого неприятного инцидента, неизвестно [3, т.13, с.66].

Впечатления от Лондона

Лондон мог восхитить самого привередливого путешественника, а обывателя из среднего европейского города просто ошеломить. Здесь гармонично соседствовали старое и новое, величие и уют, деловой мир и мир утех. Широкие улицы с роскошными виллами, утопающими в ухоженных садах и парках. Выставленное напоказ наследственное богатство аристократии и уже ничем ему не уступающие в стиле, размерах, убранстве купеческие дворцы.

Капиталы купцов стремительно росли благодаря международной торговле. Громадные корабли хозяйничали на бескрайних просторах морей и океанов, забирались в самые отдаленные, поразительные в своей экзотике места и, груженные до краев, возвращались домой. Дорогие товары переполняли склады. Оттуда растекались по магазинам. Выручка направлялась в банки, совершавшие самые сложные финансовые операции, обеспечивая первоначальное накопление капитала и подготавливая почву для великой промышленной революции.

Своеобразными символами растущего общественного благосостояния являлись растянувшиеся вдоль берега Темзы верфи, доки, мастерские и, конечно, частокол корабельных мачт.

В Европе Лондон занимал первое место по размерам и числу жителей (полмиллиона человек). И этой невообразимой массе ежедневно нужна была не только работа, но и досуг. В том числе в интересах социального спокойствия. Лондон, обладавший, быть может, самой развитой урбанистической культурой в мире, предоставлял много возможностей отдохнуть от дневных трудов разным слоям общества. С 1680-х годов лондонские улицы уже освещаются фонарями. Гулять по ним стало безопаснее. Прибавилось городского шума, веселья. Как грибы после дождя размножались кофейни, пабы, где обсуждали политические, торговые, культурные новости, местные слухи.

Лондон успешно соперничал с Амстердамом не только по объему торговых оборотов, но и по широкому выбору плотских забав. После Славной революции 1688 г. аристократы словно решили взять реванш за диктатуру пуританских нравов и пустились во все тяжкие. Рядовое общество, соскучившееся по карнавальной «культуре», от них не отставало.

Пошлые стишки, скабрзные диалоги, фривольные реплики, открыто обыгрывающие запретные темы, прочно поселились на театральных подмостках. В созерцании этого балаганного буйства вкусы верхов и низов общества совпадали. Присутствие на сцене красивых женщин, игравших свои роли с горячим придыханием, придавало театрам сходство с заведениями несколько иной специализации. Это сходство становилось еще ближе во время эпилога спектакля. Тогда перед зрителями появлялось юное обворожительное создание, излучавшее девичью невинность, достойную самого нежного умиления, высоких чувств сродни обожествлению. Казалось, из этих непорочных уст вот-вот зазвучит соловьиная трель во славу солнца, света, небесной любви. Но публика слышит нечто совсем другое. Эпатирующие, непристойные вирши, куплеты, реплики, сопровождаемые двусмысленными телодвижениями [3]. Этот возбуждающий контраст между возрастом исполнительницы и смыслом исполняемого приводил чопорную английскую знать почти в физиологический восторг. Если чем-то и оправдывали эту вакханалию, то, видимо, особенностью жанра. Ведь для веселой комедии многое простительно, как простительно святотатство в специально отведенный для этого день в году.

Почему именно сюда в театр пригласили Петра в один из его первых дней после приезда (15 января)? Ведь знали же, зачем царь рвался в Англию. Знали, что ему не терпелось погрузиться в водоворот судостроительных работ, вникнуть в английскую морскую науку и флотоводческую практику, в стратегию и тактику морского боя. Возможно, знали, по слухам, о прохладном отношении царя к театру.

Впрочем, отказаться от любезного приглашения хозяев развлечься Петр не мог. Нельзя сказать, чтобы он был совершенно равнодушен к самому принципу лицедейства как способу выражения чувств и прежде всего веселья. Ведь не случайно у себя дома царь учредил Всешутейший Собор, где устраивались непристойные представления в виде пародий, очень напоминавших карнавальное богохульство. Но там он был одним из главных актеров, и это ему явно нравилось. А вот нравилось ли ему быть одним из сотни зрителей, захваченных сценическим спектаклем, к тому же на чужом языке...

Правда, в лондонском театре, куда мы возвращаемся, зрительское внимание часто отвлекалось от актерской игры. Дело в том, что Петра и его сопровождающих поместили в почетную ложу, куда сразу же устремились любопытные взоры публики. Не выносивший этого царь спрятался за спины своих спутников, естественно, мало что увидев из происходившего на сцене и, вероятно, не слишком этим огорчившись.

Давали какую-то пьесу на тему женского соперничества и женского коварства. Едва ли Петр заставлял себя вникать в ее смысл, тем более через голос переводчика. Но, чтобы заметить очаровательную молодую актрису Кросс, переводчика не требовалось. Источники намекают на моментально вспыхнувшую, хотя и недолгую, страсть между царем и обворожительной дивой [2, с.60]. Как знать, не этим ли объясняется поспешность англичан с организацией посещения театра и с устройением этого знакомства? Политическая история Европы изобилует случаями, когда альковными приемами прокладывался путь к решению грандиозных дел.

Источники о пребывании Петра в Англии не настолько богаты, чтобы проследить за каждым днем его здешней жизни. Сколько бы времени он ни предавался шалостям в обществе Кросс, мысли его были не с ней. Ему не терпелось попасть на крупные английские военно-морские верфи в Чатеме, Дептфорде и другие, чтобы своими глазами увидеть то, что, по мнению многих специалистов, превосходило судостроительный гений голландцев.

Но, пока погода не давала такой возможности, Петр осматривал Лондон. Обыкновенно он ходил пешком в сопровождении свиты. Как государь ни старался, городская публика узнавала его по конвульсивным движениям. Когда уставал, садился в карету. Об этой и других подробностях мы узнаем не из русского источника, а от цесарского резидента Гофмана, и это не оставляет сомнения в том, что за Петром следили постоянно. Думается, Гофман далеко не единственный, кто старался держать своих осведомителей поближе к царской персоне.

Англичане считали своим долгом оказать высокому гостю (несмотря на его статус инкогнито) положенные ему знаки гостеприимства и церемониальные любезности. Петр же готов был обменять все эти торжественные эскорты, приемы, развлечения (и прочее) на возможность поскорее проникнуть в растянувшиеся вдоль Темзы английские судостроительные джунгли и заняться делом.

Впервые такое удовольствие царю было доставлено 20 января 1698 г., когда он посетил расположенный в предместьях Лондона Дептфорд – маленький городок, знаменитый своей первоклассной верфью. Подробности источники не сообщают, видимо, из-за того, что Петра

слишком быстро отлучили от этого удовольствия, поскольку уже на следующий день (21 января) царя ждали в королевском дворце на маскараде. Понравился ли он Петру – сведений о том нет.

Зато благодаря осведомителям Гофмана остались некоторые подробности более важного события, имевшего место 23 января, когда Петр встретился с Вильгельмом в Кенсингтонском дворце. Царь отдал визит в 4 часа пополудни в сопровождении вице-адмирала Митчелла и еще двух человек. Больше никто об этой встрече заранее не знал. Монархи говорили по-голландски. Услуги переводчика практически не понадобились. Царь был одет в московское платье.

По слухам, во время посещения королевского дворца Петр остался совершенно равнодушным к его роскошным интерьерам, включая шедевры живописи. Но зато в рабочем кабинете Вильгельма не мог оторваться от прибора, указывающего направление ветра [3, т.13, с.66].

Маркиз фон Кармартен

Исключительным расположением Петра пользовался маркиз фон Кармартен. Их объединила фанатичная любовь к кораблестроению и морскому делу. Царю глубоко импони-

ровало, что человек столь высокого положения не просто занимается изобретательством, но и создает уникальные по своим скоростным и маневренным качествам суда. О нем говорили, что в проектировании подобного класса кораблей в Европе нет ему равных. По словам Маколея, Кармартен мог рассказать Петру «о всякой мелочи на корабле от носа до кормы».

Помимо высочайшего профессионализма маркиза, его наставническая роль в отношении Петра морально санкционировалась тем фактом, что Кармартен был на 12 лет старше. Нетрудно догадаться, что в общении с таким человеком царь готов был брать бесценные уроки, не считаясь со временем. Сближали их и некоторые личные черты. Маркиз обладал авантюрным складом характера, слыл храбрецом, не увиливал от дуэлей, когда дело шло о его чести. В то же время он отличался веселым нравом, который давал о себе знать во время застолий. Несколько бокалов вина открывали в нем не только выпивоху, но еще и очень занимательного собеседника. Нечего удивляться, что беседы между Петром и Кармартетом проходили за бутылкой – обычно коньячной настойки на перце, создававшей атмосферу, полезную для ума и души [1, с.344–347].

24 января вечером Кармартен дал в честь Петра бал. Присутствующие сразу отметили особые отношения между этими людьми [2, с.60; 9, с.4].

27 января Петр посетил знаменитое Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (или просто Королевское общество). Трудно себе представить, чтобы это богатейшее собрание артефактов со всех концов света оставило царя равнодушным. Между тем «Походный журнал» сухо констатировал данный факт одной строчкой.

Готфрид Кнеллер. Портрет Петра I

Беда в том, что европейское путешествие Петра (и пребывание в Англии в частности) русские источники описывают выборочно и неравномерно. А западные – зачастую крайне тенденциозно. Рядом с царем, к сожалению, не было штата сотрудников, в задачу которых входило бы лишь одно – ведение подробного дневника. В результате историки имеют весьма ограниченные и искаженные сведения о впечатлениях Петра, о его суждениях по поводу тех или иных предметов. Из чего, в конце концов, и родилась классическая легенда о полном безразличии царя ко всему, кроме кораблей.

И хотя одним из тех, кто распространял эту легенду, был Вильгельм III, он догадывался, что Петру, какими бы чудаковатыми чертами царь ни обладал, предназначено великое будущее. Об этом косвенно свидетельствует непреодолимое желание короля иметь портрет Петра в любимой своей резиденции, дворце Хэмптон-Корт. Не случаен был и выбор художника – ученик Рембрандта Готфрид Кнеллер.

Сеансы начались 28 января. Неизвестно, сколько они продолжались, но, судя по тому, что живописец обычно работал быстро, недолго. Произведение получилось достойным и Петра, и наследника великого Рембрандта. Оно было исполнено в классическом жанре парадного портрета. Закованная в доспехи фигура царя смотрелась бы слишком громоздко, если бы не его высокий рост и накинутая поверх горностаевая мантия, придававшая общей композиции несомненное изящество. Современники отмечали изумительное сходство между портретом и оригиналом, что в те времена считалось едва ли не самым ценным каче-

ством работы. Кнеллер изобразил Петра более молодым и наделил черты его лица, пожалуй, слишком утонченной миловидностью, по которой нельзя было догадаться, что это лицо могло принимать совсем иное выражение. Понравился себе царь именно таким – судить не беремся, но скорее всего комплимент художника ему пришелся по душе.

Январь месяц закончился роскошным пиршеством у английского коммерсанта Андрея Стейлса (Стелса), имевшего в Москве домовитых и богатых родственников [2, с.60; 9, с.5].

1 февраля вечером Петр опять был у Кармартена: кушали и беседовали с ним «много о посольских делах».

3 февраля царь отдал неофициальный визит принцу Георгу Датскому и принцессе Анне. Петру, по свидетельству Гофмана, были оказаны высокие знаки уважения, и их было бы еще больше, если бы государь не отказался от них, ссылаясь на принцип инкогнито.

7 февраля Петр посетил один из королевских дворцов. К названию этого дворца «Походный журнал» почему-то не проявил интереса. Читателю позволено лишь догадываться, что речь идет либо о Кенсингтонском дворце, либо о Сент-Джеймском. О подробностях и догадываться нет возможности. К примеру, много ли можно понять по этой записи: «А 7 числа на Королевском дворе, где всякие математические и механические инструменты изволил смотреть» [2, с.60]. Что касается таких заметок, как «у Контонна кушал», то они едва ли достойны того, чтобы ломать над ними голову [9, с.5].

За дело

Петр стал томиться досужими экскурсиями по Лондону. Посещение фабрик и мастерских к числу пустых занятий он, конечно, не относил. Но все это было уже вторично. Грохочущие железные чрева этих монстров Петр наблюдал еще в Голландии. Однако на то, что царь еще не видел, он набрасывался с присущим ему любопытством. Так, в мастерской знаменитого часовщика Карте Петр заинтересовался производством часов и в скором времени научился собирать и разбирать эти механизмы.

Случалось, что царь проявлял странный интерес к самым обыкновенным предметам. Так, весьма неожиданным оказалось его желание купить у одного английского изготовителя последних приютов для человека гроб, чтобы отправить его в Россию [7, с.77; 8, с.16].

Чувство, что он засиделся в Лондоне, одолевало Петра все сильнее. Ему нужна была учеба на крупной английской судовой верфи. Учеба, результатом которой стало бы не овладение практическими азами кораблестроения, а теория конструирования самых современных по своим техническим характеристикам судов. В качестве места, где все это можно получить, Петра заинтересовал Дептфорд, куда 6 февраля он наведался вторично, чтобы внимательнее присмотреться к городку, где намеревался обосноваться на несколько месяцев.

Английское правительство приложило немало труда, чтобы снять дом, удобный для Петра и соответствующий его статусу. Найти такое комфортабельное жилище рядом с верфью (то есть не в престижном районе) было едва ли не самой сложной задачей. Но ее решили довольно оперативно. Все было оплачено из королевской казны [3, с.67].

Петр поселился в Дептфорде 9 февраля. На верфь он ходил практически каждый день, дотошно наблюдал за особенностями закладки и сооружения кораблей по технологическим правилам английской школы. Царь получал подробные ответы на любые вопросы. Если на верфи и существовали запреты на показ профессиональных секретов, то высокого гостя из России они, похоже, не касались. Инженеры и рабочие охотно разворачивали перед Петром чертежи с точными расчетами пропорций корабля, одновременно демонстрируя, как все это на глазах воплощается в изумительное произведение судостроительного искусства.

Для более основательных разъяснений к Петру был специально приставлен инспектор королевского флота сэр Энтони Дин. Можно сказать, что в Дептфорде государь проходил высшие теоретические курсы. К топору он уже не прикасался.

Царский режим дня зависел от обстоятельств и церемониальных обязательств. Когда Петр был предоставлен самому себе, большую часть дня он проводил на верфи, отвлекаясь лишь для удовольствия прокатиться по Темзе на парусной яхте или на гребном судне. В свободные часы царь любил захаживать в кабачок на улице Great Tower Street, где он проводил время с местным корабельным людом за трубкой табаку или за чем-нибудь покрепче. Это местечко долгие годы носило имя «*Czars of Moscow Tavern*» [7, с.76]. Возможно, здесь ему и попался толковый бомбардир Данил Грундаля, которого Петр, не раздумывая, взял на русскую службу.

К Петру в гости наведывался Вильгельм поговорить о том, о сем [7, с.76; 8, с.14]. Здесь историк вправе спросить себя, не странно ли, что король,

не слишком лестно отзывавшийся о русском царе, ищет с ним встреч? Что влечет рафинированного представителя совсем другой цивилизации, холодного, сдержанного, замкнутого Вильгельма, к «тирану-дикарю»? Ведь для утоления простого человеческого любопытства прежних встреч было вполне достаточно. Тут что-то совсем другое...

Изучение английского судостроения требовало от Петра большого напряжения ума. В конструкторских вопросах, основанных на научно-геометрических теориях, Англия, судя по всему, обошла Голландию. Царю пришлось гораздо глубже вникать в математические и физические принципы морского дела, производить такие расчеты, в которых раньше не было нужды. Но могучая страсть к познанию побеждала все. Он быстро схватывал суть даже самых сложных, ранее ему совершенно незнакомых вещей. Символично, что на дептфордской верфи Петр работал уже больше головой, чем строительными инструментами.

Государство и религия

При этом разобраться во внутреннем устройстве и в принципах работы английского государственного корабля царю так и не удалось. Мешало самодержавное сознание, непре-

одолимая вера в единовластие, как нечто данное от Бога на века. Любое дробление этой священной привилегии пагубно и для престолов, и для подданных. Царь не мог взять в толк, зачем создавать такие институты, как Великая хартия вольностей, Habeas Corpus, Билль о правах? Зачем так запутывать отношения между королем и парламентом, с одной стороны, и между парламентскими палатами – с другой? В какой-то степени можно понять удивление Петра отсутствием в Англии единого, кодифицированного законодательства, тем более что в России оно существовало уже полвека. Но пытаться понять его решительное отторжение такой категории, как право личности, используемой в английской судебной системе, бесполезно. Зачем вообще нужен суд, если отправным принципом его работы является презумпция невиновности?

Мысль некоторых историков о том, что «многое в английской жизни осталось для Петра незаметным» [1, с.360], стоило бы уточнить: не «незаметным», а категорически неприемлемым.

Впрочем, касалось это не всего. Взять хотя бы социально-экономическую систему Англии, где доминировало крупное, основанное на принципе майората землевладение. Вполне допустимо, что

именно у англичан позаимствовал Петр этот принцип, когда издавал Указ о единонаследии (1714), способствовавший созданию могущественной землевладельческой аристократии в качестве надежной опоры самодержавия [1, с.360].

Разумеется, Петр не оставил без внимания такую фундаментальную сферу английской политической и общественной жизни, как религия. Мало в какой стране Европы вера была так глубоко и так сложно переплетена с государственными институтами. Не вдаваясь в этот специальный сюжет, заметим, что он придает дополнительную остроту спору о степени религиозности самого «светского» царя в истории России.

Не станем утверждать, что к конфессиональной стороне социально-духовного бытия англичан Петр проявлял больше интереса, чем к судостроению, но сам факт наличия такого интереса в весьма выраженном виде вне сомнений. За неимением достоверных источников трудно составить точное представление о том, как он оценивал роль религии в системе общественно-политических отношений в Англии. Однако, сделав некоторые предположения, мы, возможно, окажемся не слишком далеко от истины.

Петру, вероятно, вполне импонировало, как нечто естественное, признание англиканской церковью супрематии королевской власти. При этом он, возможно, скептически относился к вмешательству парламента в вопрос о догматах веры. Не исключено, что борьбу между церковными течениями, принимавшими яркую социальную окраску, царь считал сектантством, ослабляющим единство и могущество государства. Почти наверняка в его сознании возникали аналогии с раскольниками и стрельцами, союз между которыми он воспринимал как антигосударственную силу.

Шел ли Петр дальше в этих сравнениях, сказать трудно. Однако совершенно очевидно его желание узнать побольше о сути и ответвлениях западного христианства. Еще в России он бывал на католических службах, вызывая возмущение русских клерикалов. Путешествие по Германии и Голландии тем более не обошлось без посещений церквей разного толка. Едва ли Петр стал бы это делать из сугубо праздного интереса. Это был интерес православного человека, взгляд со стороны, исключавший стремление что-либо менять в собственном духовном облике. Судя по всему, религиозные взгляды царя покоились на прочных основаниях. Среди иностранцев, заметивших это, был Николас Витсен, писавший Лейбницу в мае 1698 г.: «Его Величество очень усерден в вере христианской, очень сведущ в церковных делах и начитан в священном писании, которое он знает в совершенстве» [6, с.37, №32].

Все это, как и многие другие познания, Петр приобрел на практике. Иначе и быть не могло. При всех оговорках он являлся духовным продуктом страны с глубокими православными корнями. Детская и отроческая повседневность царя были пронизаны православной культурой и православной обрядностью. Не прошли мимо него и острые богословские дискуссии XVII века, в которых, правда, его интересовала не столько схоластическая часть, сколько связь с политической доктриналистикой, обслуживающей потребности самодержавной власти.

Вне зависимости от отношения Петра к особенностям религиозной ситуации в Англии, он хотел получить о ней более полные представления от сведущих людей. Такую возможность царю охотно доставляли как его голландские, так и английские собеседники, в том числе теологи.

15 февраля 1698 г. Петру нанесли визит несколько английских епископов во главе со знаменитым епископом Солсберийским Гилбертом Бёрнетом, принимавшим важное участие в церковных и государственных делах в правление Вильгельма III [1, с.363–364].

Это был умный, образованный, благородный человек, подвижнического склада души, готовый жертвовать собой ради служения делу. О кормление обездоленных, личная материальная помощь захолустным приходом, борьба против стяжательства – все это делало его настоящим народным пастором. Его непререкаемый морально-духовный авторитет признавали даже враги епископа [3, т.9, с.74–75].

Бёрнет много слышал о Петре, в том числе от Лейбница, рассказавшего ему о колоссальных планах царя, у которого «очень много ума», хотя и «не наши манеры» [6, с.25, №17]. Аттестация Лейбница дорогого стоила. Властелин России, намеревающийся сокрушить Османскую империю и одновременно прячущийся под покровом инкогнито, не мог не заинтересовать Бёрнета, как и Петр не мог не оценить масштабов личности человека, который, будучи одним из главных иерархов английской церкви, оплачивал труд служителей мелких приходом из собственного кошелька. Петр, проникшийся к Бёрнету глубокой симпатией, встретится с ним еще не раз.

Подробностей о визите 15 февраля очень мало. За те, что имеются, историки должны благодарить длинный нос австрийского резидента Гофмана, которому приходилось совать его во все, что касалось пребывания Петра в Англии. О встрече 15 февраля Гофман писал: царь «оказал особенное и с его стороны совершенно необычное уважение к епископам, так откровенно и благосклонно держал себя с ними, как ни с кем еще не делал, из чего заключают, что он должен иметь большое почтение к духовенству» [1, с.365].

О полном содержании беседы неизвестно. «Походный журнал» сообщает, что «с час разговаривали о разных материях, а больше о греческой вере» [2, с.61]. Епископы пригласили его посетить местное богослужение, на что Петр охотно согласился.

27 февраля Петр посетил примаса английской церкви архиепископа Кентерберийского Тенисона в его резиденции в Ламбетском дворце [2, с.61; 9, с.6]. Визит завершился завтраком. По мнению Гофмана, высказанному в депеше в Вену, этими встречами «царь оказал честь здешнему духовенству» [1, с.365].

Говорят, в гостях у Петра самое сильное впечатление на Петра произвела огромная библиотека дворца. Он якобы сказал, что никогда бы не поверил, чтобы на свете было столько печатных книг [3, т.13, с.67].

Епископ сказал надвое

Бёрнет в долгих беседах с царем обнаружил в нем задатки великого человека и одновременно глубочайшую противоречивость. Епископ признавал, что в Петре есть и те качества, которые могут вознести его к вершинам мировой славы, и те, что могут погубить его.

Впрочем, лучше самого Бёрнета об этом не расскажет никто. Вот нарисованный им портрет Петра. Приводим его в подробностях: «Царь был настолько обеспокоен недостатками своего образования, что решил, с целью их исправления, выйти в мир, чтобы узнать побольше. Он вынашивает грандиозные замыслы, хочет соединить Волгу и Танаис (Дон. – *В.Д.*) судоходным каналом, по которому будут доставляться оснастка и провиант для азовского флота. С открытием этой коммуникации, как ожидается, появится возможность осуществлять великие дела. [...] Я (Бёрнет. – *В.Д.*) часто находился в его распоряжении (во время пребывания Петра в Англии. – *В.Д.*). Король, архиепископ и епископы поручили мне оказывать ему внимание и посвящать его во все, что он захочет узнать о нашей религии и государственном устройстве. Наличие хороших переводчиков позволяло мне беседовать с ним совершенно свободно» [10, р.306].

«...Царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучил Священное Писание. Из всего, что я

говорил ему, он всего внимательнее слушал мои объяснения **об авторитете христианских императоров в делах религии и о верховной власти наших королей** (текст выделен мною. – В.Д.). Я убедил его, что вопрос о происхождении святого духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола в церковь. Он допускает, что иконам не следует молиться, и стоит лишь за сохранение образа Христа, но этот образ должен служить лишь как воспоминание, а не как предмет поклонения. Я старался указать ему великие цели христианства в деле усовершенствования сердца человеческого и человеческой жизни, и он уверил меня, что намерен применить эти принципы к самому себе. Он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться... Царь или погибнет, или станет великим человеком» [8, с.16].

Через год (1699) Бёрнет даст Петру уже совсем другую характеристику.

«Он – человек очень горячего, быстро воспламеняющегося нрава, крайне жестокий в своей страстности. Врожденную необузданность он распяляет водкой, которую он выпивает в больших количествах и которую сам очень умело изготавливает. Все его тело, как, похоже, и голова, подвержены конвульсиям. Он не испытывает недостатка в способностях и обладает более широкими познаниями, чем можно было предполагать при его скудном образовании. Недостаток мысли и капризность характера обнаруживаются в нем слишком часто и слишком явно. Он склонен к механистической работе, и природа, кажется, готовила его скорее в корабельные плотники, чем в великие правители. [...] Он мне говорил о своем намерении иметь большой флот в Азове, чтобы с ним выступить против Турецкой империи. Но не похоже, чтобы ему было по силам осуществление столь крупного предприятия, хотя с тех пор в войнах, которые он вел, в нем открылось больше одаренности, чем казалось прежде². Он пытался понять наши догматы, но в то же время не хотел ничего исправлять в Московии. [...] В его характере смешались страсть и жестокость. Он решителен, хотя мало что смыслит в военном деле и, кажется, вовсе им не интересуется» [10, р.306–307].

Далее Бёрнет пускается в досужее и туманное философствование, из которого порой трудно уразуметь суть сказанного. Утверждая, что для Бога человек – презренное существо, он пытается пояснить, а на самом деле лишь запутывает свою мысль. «Часто видясь и подолгу беседуя с

---

² *Скорее всего, Бёрнет, скончавшийся в 1715 г., дописывал свою полумемуарную книгу тогда, когда Петр уже одержал ряд внушительных побед над Швецией. Отсюда и фраза «с тех пор», не вполне понятная, если не иметь в виду вышеуказанное обстоятельство.*

ним (Петром. – *В.Д.*), я не мог не восхититься глубиной промысла Господня, вознесшего такого свирепого человека к вершинам абсолютной власти над столь значительной частью мира». Затем выражается недоумение, почему Всевышний, сотворив столько великих дел на благо людей, иногда теряет к ним милосердие и держит «под пятой» человека с «неумной подозрительностью и диким нравом» «такое множество народа», какое есть в России [10, р.307].

Эта резкая перемена во взгляде на Петра объясняется не без помощи самого Бёрнета. Как известно, в июне 1698 г. в России вспыхнул стрельцкий бунт, быстро распространившийся по стране и грозивший поставить под сомнение успех всех петровских начинаний. Царь принял решение срочно вернуться в Москву. Но подавлять «контрреволюцию» ему не пришлось. Это успела сделать правящая элита. Однако детальное расследование причин и наказание виновных Петр взял на себя.

Это-то и возмутило Бёрнета: «Он обрушил свой гнев на всех, кого подозревал. Несколько сотен (стрельцов. – *В.Д.*) было повешено по всей округности Москвы. Говорили, что многих он обезглавил собственноручно и был настолько далек от милосердия и проявления какой-либо мягкости, что казалось, будто он получает от этого удовольствие. Как долго еще он будет бичом для этого народа (русских. – *В.Д.*) или для своих соседей, ведомо только Господу» [10, р.307–308].

Можно ли всерьез поверить, будто Петр оскорбил Бёрнета в его высоких чувствах христианского сострадания? Отчасти да. Отрицать в епископе человеколюбие, добросердечие и другие добродетели невозможно. Он имел моральное право на осуждение царя за беспощадное подавление мятежа. Да, у Бёрнета было право на свою личную реакцию на поведение человека, с которым у него установились близкие отношения. Петр, с точки зрения епископа, как бы предал его надежды и оказался во многом другим, чем виделся прежде.

Все это понять можно, если бы Бёрнет не претендовал на оценку правителя огромной державы. А это ведь требует отстраненного взгляда, отрешенности от собственных эмоций, вкусов, морали, предрассудков взрастившего тебя общества. Критерии, обычно употребляемые для характеристики частного лица, здесь не применимы. Так же, как несопоставимо бремя верховной власти с повседневными заботами подданных. Ответственность за судьбу вверенной тебе страны – совершенно особая категория ответственности. Это миссия высшего порядка, в жертву которой приносится и свобода властителя, и свобода народа.

Данное правило универсально для любого типа социально-политического устройства.

Бёрнет судит Петра по общепринятым нравственным, христианским законам, по сути делая вид, будто сам он живет в каком-то идеальном (английском) обществе, обладающем привилегией выносить приговоры за прегрешения против милосердия. Как будто епископ не знает собственной истории (в том числе недавней), полной изощренной жестокости, и широко известных ее персонажей, незнакомых с чувством сострадания, когда дело касалось интересов борьбы за власть или сохранения власти.

Бёрнет слишком умен, чтобы этого не понимать. Тогда почему он не ищет Петру оправданий в этих сравнениях? Или почему действия Петра рассматриваются не через призму политического рационализма, а с точки зрения наличия или отсутствия в нем человеческих добродетелей? Не потому ли, что субъективный наблюдатель в Бёрнете победил бесстрастного философа?

Еще раз вчитаемся в его текст. Сделав осторожное предположение относительно великого будущего Петра, епископ переносит акцент на подробное и все более нелестное описание личных, психологических черт царя. На первом плане уже не широта и дерзновенность его планов, не задатки личности исторического масштаба, а совсем другое. Пьяница, доводящий себя до иступления, легко впадающий в приступы ярости. Тело его содрогается в каких-то странных судорогах. Нет постоянства в нраве и основательности в суждениях. Склонен к работе руками и плохо разбирается в военном деле. Вывод Бёрнета: природа предназначила Петра скорее для плотничества, чем для управления государством.

Свой психологический набросок епископ завершает признанием о том, что он сочувствует народам России, изнывающим под гнетом этого свирепого правителя. И, наконец, следует, быть может, самое поразительное и самое многозначительное: свое сочувствие Бёрнет распространяет на «соседей» России.

На этом неслучайно оброненном слове стоит остановиться подробнее. Кто имеется в виду под «соседями»? Полагаем, что, прежде всего, Османская империя и народы, находящиеся под ее властью. Если так, то Бёрнета, похоже, не устраивало их освобождение и присоединение к России. Зная, что епископ принадлежал к верхушке правящего класса Англии, к его высказываниям не стоит относиться как к частному мнению. Столь высокий статус просто обязывал Бёрнета мыслить широко, упреждающими внешнеполитическими категориями. Возникает вопрос, не эти ли категории скрывались за его моралистическими рас-

суждениями? Не являлось ли восприятие епископом Петра одним из ранних симптомов страха перед стремительно возвышающимся конкурентом Англии на Востоке?

Приятное с полезным

Во время пребывания в Дептфорде Петр был окружен заботливым вниманием, за исключением тех случаев, когда деликатные англичане понимали, что он предпочитает остаться

один. Из разных источников, не в последнюю очередь из сообщений шпионов австрийского резидента Гофмана, мы узнаем об увеселениях Петра. Они проходили в обществе самых близких к королю людей, старавшихся сделать все, чтобы угодить царю. Едва Темза освободилась ото льда (середина февраля), начались любимые царские развлечения – плавание на яхтах и гребных судах вверх и вниз по реке. Временами Петр позволял себе подурачиться: вместо английских матросов сажал за весла своих приближенных. Прогулки нагуливали аппетит и заканчивались обильными застольями [1, с.369; 2, с.60–61].

Как мы знаем, в петровских забавах грань между приятным и полезным зачастую исчезала. Исчезла она и 2 марта, когда царь со спутниками совершил на двух яхтах поездку в Вулвич, где находились артиллерийские заводы и главный арсенал Англии. Петра принял начальник этого ведомства граф Сидней Ромни, личный друг Вильгельма III, последовательно занимавший должности статс-секретаря, вице-короля Ирландии и фельдцейхмейстера. «Человек добродушный и любезный», по словам Маколея, Ромни потчевал Петра пушечной стрельбой, приведшей гостя в восторг³ [1, с.375; 9, с.6]. Граф был не только искусным артиллеристом, но и непревзойденным специалистом по пиротехнике.

В 1695 г. Ромни поразил лондонскую публику пиротехническим чудом – гигантским фейерверком в честь победы Вильгельма III при Намюре. Десятки тысяч англичан с замиранием сердца наблюдали неправдоподобную картину: громадные снопы разноцветного огня с грохотом и дымом устремлялись на немыслимую высоту, чтобы мириадами искр осветить весь город. Свидетелем этого невиданного зрелища был и сам король, на которого оно подействовала эмоционально, возможно, не меньше, чем его собственный военный успех [1, с.375; 3, т.11, с.232; 3, Т.12, с.72–73].

---

³ «...добродушие и любезность Сидни...» [3, т.11, с.232].

Нетрудно вообразить, какое удовольствие доставило Петру общение с этим мастером огненных потех. Недаром царь посещал Ромни не раз.

День 2 марта был знаменателен не только знакомством Петра с графом Ромни, но и событием, которое царь томительно предвкушал, как ребенок. Царю официально был передан подарок короля – яхта «*The Transport Royal*». Заполучив эту изумительную игрушку, Петр не мог оторваться от нее. На следующий день в компании с Кармартенем он часа три носился по Темзе, наслаждаясь небывалой скоростью яхты, ее красотой и мягкой податливостью рулю и ветру. Потом вернулись в Вулвич «для отвеживания и метания бомб, где и ночевали» [1, с.375; 2, с.61; 9, с.6–7].

«Никоцианская трава»

Оставшиеся в Голландии великие послы, из-за штормовой погоды, долгое время не получали от Петра никаких известий. К их великой радости и облегчению 26 февраля от Петра было получено сразу 5 писем – два Лефорту и три Головину. Более чем вероятно, что к радости примешалось чувство удивления. Царь просил подготовить договор о предоставлении англичанам привилегий в табачной торговле с Россией. Удивляться было чему. Ведь совсем недавно (октябрь 1697 г.) английские послы в Гааге получили отказ на такое ходатайство [5, с.701]. Какие появились причины изменить решение?

Особой загадки тут, похоже, нет. Петр практически уже разрешил табакокурение. Оставалось законодательно отрегулировать вопросы о поставщиках, ценах и других условиях с максимальной выгодой для России. В Голландии вникать в эти проблемы он не спешил. Имелись дела поважнее. Но вернуться к этой теме вскоре все же пришлось. Вмешались субъективные обстоятельства. В Англии царя встретили воистину по-царски, что бы там ни говорили за спиной о его дикарстве. Впрочем, «дикарь» был человеком эмоциональным и благодарным. Видимо, он не хотел оставаться в долгу за доставленные ему удовольствия, начиная с яхты и кончая умными, талантливыми, веселыми, обходительными людьми, которыми его окружили. Один из них, как мы помним, адмирал Кармартен. В его обществе Петр чувствовал себя превосходно и не упускал случая встретиться с адмиралом, испытывавшим такое же желание.

В этих долгих (в том числе, конечно, застольных) беседах возникла тема русско-английских торговых отношений, в первую очередь торговли табаком. Разумеется, обсуждение ее в такой атмосфере принципиально отличалось от официальных просьб, протокольно изложенных

английскими послами в Гааге в октябре 1696 г. Это резко повышало шансы на другую, положительную реакцию со стороны Петра.

Существует мнение, будто Кармартен преследовал собственную выгоду [1, с.379]. Задумывал ли он какие-то аферы или хлопотал о законном подряде на торговлю табаком – пусть выясняют биографы адмирала. Нас в данном случае интересуют мотивы Петра. А они просты. Поскольку курение в России дело решенное, то надо думать о поставках хороших сортов «никоцианской травы» на приемлемых условиях. Если это хочет взять на себя столь услужливый Кармартен, почему бы не оказать ему такую услугу в знак дружбы. В каком-то смысле, это была месть голландцам за их отказ от продажи оружия и за их надменное поведение в тех ситуациях, когда русским послам приходилось почти унижаться, предлагая Гааге торговые преференции в обмен на военные поставки.

В письмах, задержанных непогодой, царь приказывал послам составить русско-английский табачный договор по всем правилам международных документов такого рода. Любопытно, что от Лефорта, Головина и Возницына требовалось вскрыть пакет с проектом договора не раньше, чем они осушат «три кубка» вина «немалой меры» [5, с.697, 702–703]. Историкам, вероятно, еще долго придется выяснять причину этой странной просьбы.

Строить гипотезы в отношении логики некоторых царских поступков – занятие неблагодарное. Государь, возможно, рассуждал так. Послы будут шокированы таким внезапным поворотом: еще совсем недавно они отвергли официальное предложение английской стороны (кстати, сославшись на то, что подобными вопросами занимается не царь, а специальное ведомство в Москве), и вдруг эта «сугубо ведомственная проблема» в мгновение ока улаживается с человеком (Кармартеном), которого она совершенно не касается служебно. Возникало еще одно конфузное обстоятельство: договор надлежало подписать от имени Великого посольства, а если так, то почему до этого оно утверждало об отсутствии у него соответствующих полномочий? С точки зрения дипломатических приличий, послы попадали в неловкое положение. Чтобы смягчить их шок, Петр, очевидно, решил подать эту неожиданную новость «под наркозом».

Однако послы были до того счастливы получением посланий от живого и здорового государя, что готовы были подписать любой договор, не вникая в его суть. Об этом говорят их ответные письма, полные радости и благодарности к Всевышнему. Нужды в том, чтобы принимать что-либо «для храбрости» не было никакой. Но послы, с готовностью исполнив наказ Петра, доложили ему, что с «Ивашкой Хмельницким» учинили такой бой, «какого невозможно больше быть, со многим выкликанием: "виват"».

Ликовали, конечно, не по поводу договора, хотя Возницын на радостях явно переусердствовал, назвав контракт, в одном случае, «счастливым и богатым», в другом – «прибыльным и пожиточным делом» [5, с.697, 701]. Впрочем, сделка действительно принесла определенную пользу для казны, чего нельзя сказать о здоровье русского народа.

Конечно, все послы аккуратно докладывали Петру о продвижении процедуры заключения русско-английского табачного договора. Тут догошнее всех был Прокопий Возницын, озабоченный соблюдением буквы и духа российского законодательства. Он тщательно сверял все разноязычные редакции трактата, чтобы исключить из текстов какие-либо ловушки, «прибавления» или «убавления» [4, с.1185–1189].

Еще один королевский сюрприз

Желающим знать «всю правду» о пребывании Петра в Англии никто не мешает обратиться к источникам, описывающим некоторые сюжеты в весьма нелестных тонах. Вильгельм III, к примеру, не любил посещать царя в русском посольстве.

Слишком уж отличались его дух, внутреннее, не всегда опрятное, убранство, заведенный порядок дня от всего того, к чему привык король, обитавший в изысканной и чопорной дворцовой обстановке.

Но это не закрывало его глаза на куда более значительные вещи. Не мог быть «дикарем», сколько его так ни называй и сколько ни чурайся его грубости, правитель, ринувшийся в Европу с жадной страстью познания всего, чего еще нет в России и что сделает ее величайшей державой. Не мог быть «дикарем» человек, которого нельзя было оттащить от сложных механизмов, пока он не добирался до последней шестеренки и не схватывал принцип работы всего агрегата. Не мог быть «дикарем» фанатик познания, который помчался смотреть Гринвичскую обсерваторию, несмотря на снег, дождь, град и «великий ветер» [9, с.7].

Вильгельм осознавал это каким-то потаенным инстинктом, свойственным прозорливым политикам. Иначе никто не заставил бы его обхаживать Петра как личность, гарантировавшую себе место в истории.

Король знал, что гостеприимство в отношении Петра не будет настоящим королевским без изюминок, способных ублажить русского царя. Ясно было и то, что бесконечной чередой банкетов и экскурсий тут не обойтись. Требовалось нечто особенное, под стать бегущей по волнам яхте-красавице, подаренной Вильгельмом. Не стоит исключать в короле какого-то детского стремления поразить своего гостя. Устроить

это было нетрудно, учитывая, что всепоглощающая страсть Петра к морю уже стала в Европе притчей во языцех. Идея напрашивалась сама собой.

Вильгельм пригласил царя посетить Портсмут – главную военно-морскую гавань Англии, где базировались корабли-исполины, имевшие на борту от 80 до 100 пушек и обслуживавшиеся экипажами в 700 человек. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы привести Петра, никогда ранее не видавшего столь грозной силы, в восторженное расположение духа. Сколько мыслей, чувств, эмоций испытал он, осматривая один корабль за другим, залезая в трюмы, подмечая наметанным глазом то, что тогда олицетворяло чудеса техники! Оказывается, существуют более впечатляющие вещи, чем голландский китобойный флот, в свое время так восхитивший царя.

23 марта капитаны кораблей устроили в честь Петра знатную пирушку, во время которой царь допытывал одного из них о премудростях кузнечного дела. Видимо, во время изучения конструкции судов государь обратил внимание на некоторые «английские» особенности металлических узлов корабля, придававших ему повышенную прочность.

Мы не станем описывать подробности поездки в Портсмут и уподобляться историкам, со скрупулезностью официанта подсчитавшим, сколько по пути было съедено и выпито царской свитой [7, с.77; 8, с.18–19]. Язвительно смаковать эти детали, конечно, дело вкуса. Но возникает впечатление, что в данном случае столь панорамная гастрономическая картина была развернута с одной целью – потешиться над склонностью русских к застольным излишествам, как будто раблезианским аппетитом в Европе никто, кроме русских, не страдал и как будто эта сторона повседневной жизни имеет чрезвычайное историческое значение.

Но главное было впереди. 24 марта Петру показали очень правдоподобную имитацию крупного морского сражения с участием двенадцати крупных военных кораблей. Грохот пушек, четкость перестроений, обходные маневры и многие другие, блестяще продемонстрированные элементы искусства морского боя. Захлестнувший Петра восторг от этого зрелища даже породил легенду о том, будто государь сказал Митчеллу, что предпочел бы быть английским адмиралом, чем русским царем [1, с.396].

Поверить в восторг Петра так же легко, как и усомниться в соответствующем, ничем не подтвержденном предании. В биографиях великих людей подобные домыслы – обычное дело.

Вне сомнений одно. Прием, оказанный Петру в Портсмуте, оставил у него неизгладимое впечатление, пополнившее копилку монарших размышлений об острейшей необходимости преодолеть технологическое

отставание России. Ничто не могло отвлечь царя от этих размышлений. Грохот стопушечных приветственных салютов [9, с.8–9] лишь глубже погружал его в мысли о будущем России.

Покинув Портсмут 25 марта (при салюте из 51 пушки), Петр возвращался в Дефтфорд другим путем, чтобы посетить два королевских замка – в Виндзоре и Хэмптон-Корте. Это были изумительные по красоте, величию, затейливости стиля дворцы, окруженные шедеврами парковой культуры и многочисленными террасами, откуда открывался сказочный вид на Темзу. Они навсегда остались в памяти Петра. И хотя похвала царя была лаконичной (каждый дворец «зело изряден») [2, с.63–64; 9, с.10–11], его подлинные впечатления от увиденного спустя время воплотились в восхитительных дворцовых комплексах Петербурга.

(Окончание следует)

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т.2. 703 с.
2. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 г., сочиненный бароном Гизеном // Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Т.3. С.1–493.
3. Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений: в 16 т. СПб., 1865. Т.13. 378 с.
4. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т.8. 1416 стб.
5. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.1. 975 с.
6. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Издал В.Герье. СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1873. 406 с.
7. Фирсов Н. Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне // Древняя и новая Россия. 1877. Т.3. №9. С.75–77.
8. Шубинский С.Н. Петр I в Дерптфодде // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. 5-е изд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. С.12–26.
9. Юрнал 206-го года // Юрнaлы и Камер-фурьерские журналы. СПб., 1853. С.1–41.
10. Burnet G. Bishop Burnet's History of His own Time. L., 1753. Vol.3.

Кирилл Киржа

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО- СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

УДК
394.912; 94(367)

В феврале 2018 г. Россия и Сербия отметили 180-летие установления официальных дипломатических отношений. К этой дате был приурочен очередной визит в Белград 21–22 февраля с.г. главы МИД России С.В.Лаврова.

Героическое общее прошлое позволяет нашим странам с уверенностью смотреть в будущее. Обзорно отраженные в настоящей статье исторические факты являются лишь некоторыми иллюстрациями крепкой дружбы между двумя нашими народами, в основе которой – не только общие славянские корни, но и какая-то поразительная схожесть исторических судеб, обуславливающая понимание интересов друг друга. Публикация работы видится своевременной в условиях нынешней опасной турбулентности в международных отношениях, проявлениями которой являются откровенный шантаж и голословные обвинения в адрес Москвы, а также агрессивные нападки на те страны, которые, несмотря на беспрецедентное на них давление, все же имеют смелость и мудрость сохранять с Россией дружественные отношения, прошедшие проверку временем.

In February 2018 Russia and Serbia celebrate 180th anniversary of establishment of official diplomatic relations. Glorious common past helps our countries to look with confidence into the future. The historical facts being separately mentioned in the current review are just symbolic examples of our tough friendship whose ground are not only common Slavic roots but a profound understanding of the interests. The publication of this work seems to be up to date in conditions of a new round of allegations against Moscow and the frequent criticism towards Belgrade.

Ключевые слова: Россия; Сербия; 180-летие официальных дипломатических отношений; февраль 2018 г.; ЕС; общеславянские корни; критика; Москва; Белград.

Key words: Russia; Serbia; 180th anniversary of official diplomatic relations; February 2018; EU; the Slavic roots; criticism; Moscow; Belgrade.

E-mail: kirkv89@yandex.ru.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

*Пусть слова звучат иначе,
Чем колокольный чистый звон...
Я Русь люблю, а это значит,
Что я и в Сербию влюблен!*
Б.Филатов, «Сербия и Русь», 2011 г.

В 1838 г. в Сербском княжестве, которое в ту пору находилось в вассальной зависимости от Османской империи, в условиях перманентных антироссийских интриг со стороны прозападной партии при княжеском дворе было открыто консульство России¹. От этого события принято отсчитывать официальную историю двусторонних дипотношений.

Уникальный характер российско-сербским связям придает не только очевидная этнокультурная близость, но и какое-то подчас мистическое, поистине родственное сходство исторических судеб двух народов, обусловившее высокую степень взаимопонимания между ними. Даже в период кризисов в двусторонних отношениях сербы никогда не выступали против России с недружественными действиями, русские же всегда с пониманием относились к устремлениям сербов, были готовы оказать им любую возможную помощь сначала в восстановлении суверенитета в период османского владычества, а впоследствии и в государственном строительстве. В XX веке две мировые войны стали страшными испытаниями

Милош Обренович
(1780–1860) –
князь Сербии
в 1817–1839
и 1858–1860 гг.

¹ Ряд специалистов-международников делают в связи с этим резонное уточнение на основе разделения понятий «дипломатические» и «консульские» отношения. По их мнению, в 2018 г. можно говорить о двух юбилеях: 180-летию консульских отношений и 140-летию дипломатических отношений между Россией и Сербией, поскольку в 1838 г. в Сербском княжестве было открыто российское консульство, которое в организационном смысле подчинялось Посольству Российской империи в Стамбуле, ибо Турция, как известно, продолжала сохранять свой суверенитет над Сербией, даровав ей лишь автономные права. Полноценное же российское посольство в Белграде было открыто после международно-правового признания независимости Сербии по итогам Берлинского конгресса 1878 г. В рамках настоящего исследования автор намеренно уходит от подобного разделения, полагая, что сам факт появления в Белграде постоянного российского представителя является той исторической точкой отсчета, от которой стоит исчислять историю двусторонних официальных дипломатических контактов.

для наших народов, которые они, как и положено родственникам, преодолели сообща.

В качестве главного внешнеполитического приоритета официальный Белград сегодня называет вступление в ЕС. Бесспорно, вся история сербов связана с Европой, которая может гордиться сербским вкладом в формирование своего цивилизационного наследия. Несомненны и теснейшие экономические связи Сербии со странами ЕС, на которые приходится более 80% ее внешнеторгового оборота. Хотя бы только поэтому имевшие место в недавнем прошлом попытки изолировать, отгородить Сербию, находящуюся в центре Европы, «от Европы ЕС» путем введения санкций, ставших столь излюбленным в последние десятилетия наказанием за иную точку зрения, бессмысленны и бесперспективны по своей сути.

Сегодня, однако, из некоторых западных центров силы в адрес Белграда участилась критика за дружбу с Россией. Навязываются некие, казалось бы, уже отжившие формулы времен «холодной войны», искусственно нагнетаются страсти по ряду актуальных внешнеполитических сюжетов. Причем из раза в раз сербов ставят перед выбором «или–или». Настойчиво продвигается мысль о необходимости «критически пересмотреть» отношения с Россией. При этом, как некое досадное недоразумение, предлагается забыть все несправедливости, совершенные Западом против сербов в недавнем прошлом. Пока Белграду успешно удастся маневрировать в столь непростых условиях, сохраняя свою честь и достоинство.

В связи с этим видится целесообразным напомнить сегодня о некоторых исторических фактах, обусловивших дружественный характер российско-сербских отношений. Думается, что это позволит еще раз убедиться в том, что русофобия – товар, который плохо продается в Сербии.

**Россия и Сербия – дружба
сквозь века**

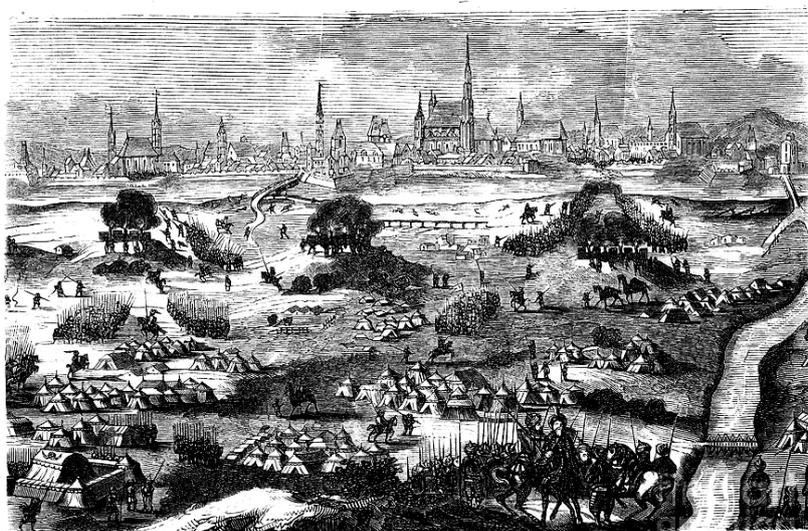
После Косовской битвы в 1389 г. обескровленной Сербии пришлось признать вассальную зависимость от Турции, с падением же Сербской деспотовины в 1459 г. произошло

фактическое присоединение сербских земель к Османской империи. Благодаря высокой пассионарности на протяжении последующих полутора столетий турки расширяли границы своих завоеваний, приводя в трепет рядового европейского обывателя. Учитывая географический ареал проживания, в этот процесс завоеваний сербы были вовлечены

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

напрямую и перманентно. Европейские страны, только недавно вышедшие из периода феодальной раздробленности, находясь на ранних стадиях формирования национальных государств, не могли оказать туркам существенного сопротивления.

Турецкая экспансия в Европе, как известно, была остановлена только в последней четверти XVII в. по результатам войны 1683–1699 гг. и легендарной второй осады Вены².

Das Lägerlager vor Wien im Jahre 1683.

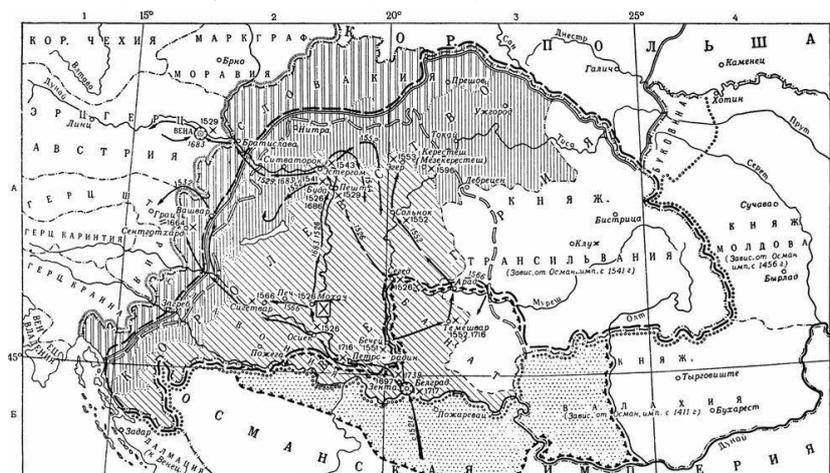
Осада Вены 1683 г.

Прямым следствием спада пассионарности турецкого этноса стал рост помещичьего гнета на территории Османской империи. На сербов – участников всех без исключения антитурецких коалиций – турки обрушили волну репрессий. Соседи-австрийцы, оказавшись перед необходимостью получить живительную передышку после многолетней войны, оставили сербов почти на два десятилетия на милость и немилость османов [1]. Русское царство – единственное независимое государство того времени – не имело возможности оказать военную поддержку сер-

² В историографии под «первой осадой Вены» подразумеваются события 1529 г., когда в результате покорения Венгрии по итогам битвы при Мохаче (1526 г.) турецкими войсками были созданы предпосылки для стремительного продвижения в глубь Европы. Захвата столицы австрийских земель, однако, так и не произошло.

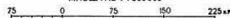
бам, будучи связанным войной со Швецией за выход на просторы Балтики. Невозможность войны на два фронта показал и неудачный для России Прутский поход Петра I в 1711 г.

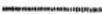
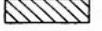
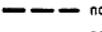
Изменения границ между Османской и Австрийской империями в Сербии в конце XVI—начале XVIII вв.

АВСТРО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVI-XVIII вв.

МАСШТАБ 1:7500000

- Границы государств в начале XVI в.
- Восточная граница Священной Римской империи
- Разгром венгеро-чешских войск у Мохача (1526 г.)
- Территория, удержанная Габсбургами по Стамбульскому договору 1533 г.
- ТЕРРИТОРИИ, ОТОШЕДШИЕ ПО АДРИАНОПОЛЬСКОМУ ДОГОВОРУ 1547 г.
- к империи Габсбургов
- к Османской империи
- Граница турецких захватов по Вашварскому договору 1664 г.
- Граница максимальных турецких захватов к 1683 г.
- ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРИОБРЕТЕНИЙ АВСТРИИ
- по Карловицкому договору 1699 г.
- по Пожаревацкому договору 1718 г.
- Территория, возвращенная Османской империи по Белградскому договору 1739 г.
- Граница между Османской империей и империей Габсбургов в 1791 г.
- Основные направления завоевательных походов турецких войск (с годами)
- 1739 X 1717 Места и годы основных осад и битв

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

В период с 1716 по 1718 гг. Австрийская империя успешно вела войну с Турцией, которая окончилась подписанием Пожаревацкого мира 21 июля 1718 г. Австрия получила часть Сербии к югу от рек Савва и Дунай (вместе с Белградом). Сербь в ту пору еще возлагали на Вену надежды на восстановление утраченной государственности. Однако напрасно. В рамках реализации своего имперского проекта освобожденные от турок сербские земли Австрия под названием «Военная Комендатура Королевства Сербии» (Militärkommandatur des Königreichs Serbien) присоединяет к Империи, а к титулу австрийского императора добавляется титул «Сербского Короля». В дальнейшем австрийцы поделили Сербию на 15 дистриктов, Белград получил особый статус с двумя муниципалитетами, немецким и сербским.

Такое положение сохранялось до следующей войны с турками (известной в историографии как «Война за польское наследство» 1735–1739 гг.), когда в результате тяжелого поражения австрийской армии в битве под Гроцкой (22 июля 1739 г.) Австрия потеряла все территории южнее Саввы и Дуная. О гарантиях безопасности сербам на последовавших затем сепаратных (к слову, за спиной России) мирных переговорах не было сказано ни слова. Австрия снова оставила сербов на произвол судьбы.

Открытое нежелание австрийцев поддерживать устремления сербов по восстановлению независимости стало глубоким разочарованием для последних. Однако в народном эпосе продолжала сохраняться память о средневековом сербском независимом государстве.

Естественным образом единоверная Россия оставалась единственной страной, к которой сербы могли обратиться за помощью и чьим внешнеполитическим и военным успехам над турками они радовались как своим собственным.

После заключения 10 июня 1774 года Кючук-Кайнарджийского мира Россия получила право покровительства над православными народами Османской империи (ст.7)³. С этого момента в сербском

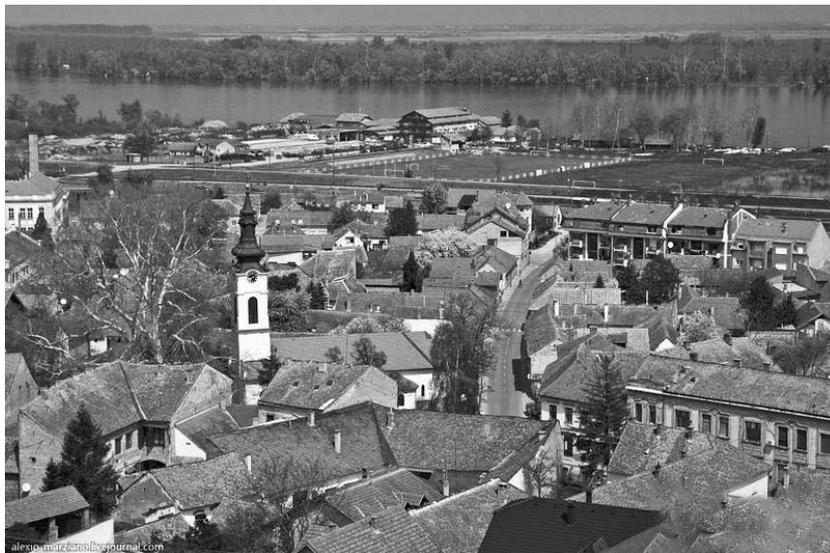
---

³ «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оною, равным образом дозволяет министрам российского императорского двора...делать представления и обещает принимать оные в уважение, яко чинимые доверенной особой соседственной и искренно дружественной державы» [7].

массовом сознании за Россией прочно закрепился образ единственного защитника православных христиан, той самой «матушки России», к которой в трудную минуту всегда можно обратиться за помощью.

Необходимо отметить, что надежда сербов на русскую помощь в восстановлении государственности еще со времен турецкого завоевания исходила от представителей православного духовенства – об этом свидетельствуют многочисленные обращения сербских митрополитов в адрес Ивана III, Василия III и Ивана IV (Грозного) за помощью в антитурецкой борьбе, сохранившиеся в архивах Посольского приказа. В начале XIX в. эти обращения получили оформление в виде четкой политической программы. Так, в Меморандуме карловицкого митрополита Стефана Стратимировича, поданном российскому императору Александру I в 1804 г., была высказана идея об установлении протектората России над Сербией. Примечательно, что на место правителя Сербии предлагалось пригласить «одного из великих князей российских» [5, с.21]. Намерение С.Стратимировича состояло в том, чтобы убедить императора расширить российский протекторат на «единую и автономную Сербию», заменив, таким образом, знаменитый «греческий проект» Екатерины II, который в течение длительного времени оставался официальной политикой России в регионе. С.Стратимирович пытался донести до Александра I идею о том, что сербы – единственная нация на Балканах, которая «любит русских и хочет быть с ними союзником» и которая «никогда не предаст интересы России и династии Романовых». Карловицкий митрополит подчеркивал, что «русские могли бы иметь большее преимущество в балканской политике с обновленным сербским государством», чем «с новой Византийской империей и непостоянными греками». С.Стратимирович утверждал, что восстановление сербского государства под протекторатом России является основным условием для реализации политики России на Балканах – достижения главной стратегической цели по установлению политического и экономического контроля над большей частью акватории Черного моря. Это бы, в свою очередь, стало предпосылкой для создания «плотины от расширения австрийского, германского и католического, то есть западного, влияния на российскую сферу интересов Босфора и Дарданелл» [5, с.28–31].

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

Панорама г.Сремски Карловцы (Сербия),
где в 1698–1699 прошел международный конгресс, по итогам которого был заключен
Карловицкий мир между Османской империей и Австрией и ее союзниками

С началом наполеоновских войн в Европе российский император Александр I не пошел на обострение ситуации в регионе, поддержав тем не менее военно и финансово лидера Первого сербского восстания Георгия (Джордже) Петровича (1762–1817)⁴.

Не в последнюю очередь именно защитой сербов было обусловлено начало в 1806 г. очередной русско-турецкой войны. В отличие от австрийцев, подписывая 16 мая 1812 г. в Бухаресте мир с турками, представитель России, главнокомандующий русскими войсками и будущий победитель Наполеона М.И.Кутузов, добился включения в мирный договор статьи 8, которая,

Георгий (Джордже)
Петрович, Карагеоргий.
Вождь Первого
сербского восстания

⁴ В массовом сербском народном сознании, да и в историографии, за Джордже Петровичем закрепилось турецкое прозвище – Карагеоргий («Черный Георгий»), которое дало имя и династии его потомков – Карагеоргиевичи.

по признанию «реформатора сербского языка», активного участника антитурецкой борьбы В.Караджича, обеспечила «сербам свободу и восстановление государственности» [4]. В дальнейшем, благодаря успехам российской дипломатии, от турецкого султана были получены письменные гарантии в виде еще несколько хатт-и-шерифов⁵ (в 1829–1830 и 1833 гг.), в которых провозглашалась автономия Сербского княжества. Это открыло путь к обретению им при поддержке России подлинной независимости по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К сожалению, не всегда удачные кадровые решения при назначении царских представителей ко двору сербского князя, а также виртуозные дипломатические комбинации западных держав, обеспокоенных явным усилением позиций России на Балканах, привели к существенному снижению здесь к началу 1840-х гг. российского политического влияния и не в последнюю очередь к печальному поражению в Крымской войне 1853–1856 гг. Лишь только в последней четверти XIX столетия, после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и блестящих усилий дипломатии канцлера А.М.Горчакова, часть утраченных позиций Петербургу удалось восстановить.

Россия и Сербия: XX век

Испытания, которые принес бурный XX век, открыли новый этап в российско-сербских отношениях. По печальной традиции снова, в ходе двух мировых войн, «проверку на

прочность» получило вековое военное братство наших народов.

До сих пор в народной памяти сербов сохранились воспоминания о героическом сопротивлении своих воинов, зажатых в кольцо неприятельских армий, в годы Первой мировой войны. В отличие от Второй мировой войны, период которой стал одновременно и периодом внутреннего идеологического конфликта, гражданской войны в Югославии, в оценках событий Первой мировой идеологических споров в сербском обществе куда меньше. Пожалуй, сложно найти иную страну в Европе, где бы России были так же искренне благодарны за оказанную тогда поддержку. И действительно, русская помощь сербам в годы Первой мировой не носила формальный характер, сам факт вступления нашей

---

⁵ Дипломатический термин для обозначения официального документа авторства турецкого султана.

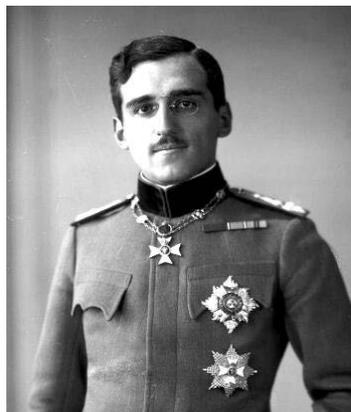
О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

страны в войну был не в последнюю очередь обусловлен защитой подвергшихся австрийской агрессии сербов. Регент Александр Карагеоргиевич⁶ в ответ на поддержку императора Николая II еще в сентябре 1914 г. написал следующие ставшие широко известными эмоциональные строки: «Тяжелые времена не могут не подтвердить глубокую связь Сербии и Святой Славянской России, и чувства святой благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будут храниться как священные в сердцах всех сербов» [6]. Эти слова сербского, а затем югославского короля прошли проверку временем: после революционных событий в 1917–1918 гг. в России Югославия дала приют десяткам тысяч русских эмигрантов, которые взамен внесли неоценимый вклад в интеллектуальное и техническое развитие своей новой родины.

В годы Второй мировой войны Красная армия, поддержанная силами Народно-освободительной армии Югославии под командованием И.Тито, освободила большую часть Сербии. В ходе Белградской военной операции, в которой бои проходили буквально за каждый дом югославской столицы, были созданы благоприятные условия для освобождения оставшихся под гитлеровским ярмом стран и народов Европы. За заслуги в освобождении Югославии 22 иностранца были награждены югославским орденом Народного героя, из них 16 – красноармейцы. Улицы Белграда сегодня в благодарность носят имена советских военачальников-освободителей Югославии – маршала Ф.И.Толбухина, генерал-лейтенанта В.И.Жданова.

Орден Народного героя Югославии

Александр Карагеоргиевич, король Югославии (1921–1934)

⁶ В дальнейшем югославский король Александр I Карагеоргиевич (1921–1934).

Справа: Советские и югославские солдаты в боях с гитлеровцами на улицах Белграда

Слева: Советский и югославский флаги на крыше здания Почты Югославии. Напротив – здание освобожденной Скупщины (парламента) Югославии

Справа: Фронтное братство. Счастливые советские и югославские военнослужащие отмечают освобождение Белграда

Слева: 19 октября 1944 г. в ожесточенных боях освобожден центр Белграда. На заднем фоне – Палата Албания, самое высокое в то время здание югославской столицы

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

Малоизвестный, но примечательный факт: не Красная армия, а западные союзники с 20 октября 1943 г. по 18 сентября 1944 г. без особой тактической необходимости бомбили десятки городов и сел в Сербии и Черногории. Загадка – почему они, оттачивая мастерство, «бомбовым ковром» засыпали сербские города, откроется позднее, когда они эту практику станут применять при чудовищных бомбардировках немецкого Дрездена 13–15 февраля 1945 г.

Россия и Сербия сегодня

Как полагал еще древнегреческий историк Ксенофонт, история развивается по спирали и события склонны повторяться. После австрийского ультиматума Сербии в июле 1914 года последовал ультиматум С.Милошевичу в марте 1999 г. в Рамбуйе, а затем бомбардировки Союзной республики Югославии (СРЮ). Думается, что тогда сербам и русским преподали страшный, но важный урок новых принципов международных отношений. Сегодня мы уже хорошо с ними знакомы, подготовлены к любым сценариям и понимаем, как нужно действовать.

В современной Европе сложно найти страну, где бы к русским относились с той же теплотой и любовью, как в Сербии. Здесь продолжают свято чтить память погибших русских воинов вне зависимости от изменений официальной государственной идеологии. В Белграде находится один из крупнейших русских военных некрополей в Европе, который содержится в должной чистоте и порядке. В ноябре 2014 г. в центре сербской столицы, напротив резиденции Президента Сербии, в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а также Патриарха Сербского Ириния был открыт памятник российскому императору Николаю II – единственный памятник этому венценосному мученику в Европе.

Памятник российскому императору Николаю II в центре Белграда (скульпторы А.Ковальчук, Г.Правоторов)

Российско-сербские отношения на современном этапе могут служить примером для тех, кто искренне заинтересован в развитии сотрудничества с нашей страной. Стабильно растут показатели товарооборота (по данным Федеральной таможенной службы России – почти 1,8 млрд. долл. США по итогам 2017 г.), исключительно высокого уровня достигло политическое взаимодействие – контакты на высшем и высоком уровнях проходят с завидной регулярностью. Москва признательна высшему руководству Сербии за последовательную позицию по ряду принципиальных для нас внешнеполитических проблем. Со своей стороны, Россия всегда поддерживала и будет поддерживать усилия Белграда по отстаиванию суверенитета и территориальной целостности Сербии, сохранению региональной безопасности на Балканах и поддержанию мира в Европе, чему активно будет способствовать динамично развивающееся сегодня военно-техническое сотрудничество между нашими странами. Москва и Белград также объединяют усилия по противодействию новым глобальным вызовам и угрозам, а также созданию условий для достойной жизни людей.

180-летие установления официальных дипломатических отношений видится нам лишь как этап многовековой дружбы между народами России и Сербии. Но, как и каждый юбилей, эта дата позволяет подвести некоторые промежуточные (весьма позитивные) итоги и наметить планы на будущее для развития «неисчерпаемого потенциала российско-сербского партнерства» [2], о чем президенты двух стран в весьма доверительной атмосфере говорили в ходе состоявшихся 19 декабря 2017 г. в Москве переговоров. 8–9 мая сего года Президент Сербии А.Вучич представлял свою страну на торжественном параде на Красной площади по случаю празднования 73-й годовщины Великой Победы. На ноябрь сего года намечен и официальный визит Президента России В.В.Путина в Белград для участия в совместных масштабных траурных мероприятиях, посвященных столетию окончания Первой мировой войны.

Библиографический список

Монографии:

1. Дубровин Н.Ф. Сербский вопрос в царствование Александра I // Русский вестник. 1863. Т.46. №7–8. С.115, 116. Ср.: Внешняя политика России XIX – начала XX в. Сер.1. Т.III. М., 1964. Д. №192. С.478, 479.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЙ ДРУЖБЫ

2. Лавров С.В., Дачич И. «Россия и Сербия – 180 лет дружбы, доверия, сотрудничества» // «Российская газета», сербская ежедневная газета «Политика», 21.02.2018 г.

3. Димић Ж. Велики бечки рат и Карловачки мир 1683–1699, Београд: Верзалпресс, 1999. 327 с.

4. Караджич В. Милош Обреновић, князь Сербии или грађа за историју нашег времена. Будим, 1828.

5. Попов Ч. Источно питање и српска револуција 1804–1918, Београд: Српска књижевна задруга, 2008. 667 с.

Сборники документов:

6. Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Москва, 1974–1995.

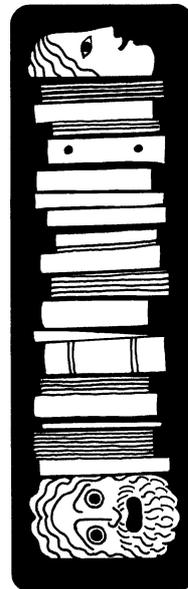
7. Под стягом России: Сборник архивных документов. Москва, «Русская книга», 1992.

Революция есть догнивание
старого режима. И нет спасения
ни в том, что начало гнить,
ни в том, что довершило гниение.

Н.А.Бердяев

Если не смеяться над двадцатым
веком, то надо застрелиться.
Но долго смеяться над ним нельзя.
Скорее взвоешь от горя.

Эрих Мария Ремарк

Татьяна Филиппова

**ОЛЕГОВ ЩИТ
В РЕВОЛЮЦИОННОМ
«ИНТЕРЬЕРЕ»**

**ОБРАЗЫ ВОСТОКА
В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ
1917–1918 ГОДОВ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК

94(47) “1917–1918”

391(47)084.3

На основе фронтального анализа комплектов российских сатирических журналов за 1917–1918 годы в статье исследуется формирование и изменение образов Востока («внутреннего» и «внешнего») в общественном мнении и печати России эпохи революции и начала гражданской войны. Автор демонстрирует амбивалентное отношение российских журналистов-сатириков к образу Турции (вражда/сочувствие) как объекту сатиры. Контекстом подобного отношения выступает обший военный, политический и геополитический фон эпохи – крах прежних имперских режимов в результате мировой войны и революций.

On the basis of analysis of the Russian satirical journals complex of 1917–1918 the article deals with the research of the formation and change of the images of the Orient in Russian public opinion and press in the period of Great Revolution and the beginning of the Civil War. The author proves the ambivalent attitude of Russian satirical journalists to the image of Turkey (hatred/empathy) as a satirical object. The context of such an attitude is common military, political and geopolitical situation of the epoch – the crash of old imperial regimes as a result of the Great War and revolutions.

Ключевые слова: революция 1917 года; гражданская война в России; сатирическая печать; «Новый Сатирикон»; общественное мнение; образы Востока; Турция в Первой мировой войне; Кавказский фронт.

Key words: revolution of the 1917; Civil War in Russia; satirical press; «Novy Satiricon» public opinion; images of the Orient; Turkey in the First World War; Caucasian front.

E-mail: filipova2006@yandex.ru.

Фронтальный анализ комплектов отечественных сатирических журналов за 1917–1918 годов, отложившихся в российских и зарубежных хранилищах, свидетельствует: события Великой российской революции имели в глазах тогдашних сатириков – журналистов, писателей, художников-карикатуристов и поэтов – свое «восточное измерение». При этом «векторы» этого «измерения» имели два направления – «внешнее» и «внутреннее». И если образы «внешнего» Востока центрировались, главным образом, темой «турка» и Турции как открытого противника военного времени (и в гораздо меньшей степени – образами Японии и Китая), то обобщенный «Восток» – в негативно-метафорической трактовке представлял как символ «азиатчины», окрасившей своей архаикой политическую культуру общества, переживавшего революционный кризис.

Отметим: русская сатирическая журналистика эпохи Великой российской революции как историко-документальный источник – явление уникальное для отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее профессиональных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Забияка», «Кривое зеркало», «Пулемет» и др.) она прочитывается как своеобразная «летопись» революционных событий, ироничная до сарказма «автобиография» российского общества эпохи небывалых перемен.

Этот сегмент историко-культурного наследия – по сравнению с другими документальными свидетельствами того времени – все еще ждет своего комплексного, углубленного изучения. В особенности визуальные источники – карикатура и сатирический рисунок, воссоздающие для современного читателя наиболее яркую, гротескно заостренную версию революционных событий 1917–1918 годов. Подступы к исследованию образов тех или иных «врагов» и «политических соперников», унаследованные российской сатирой из эпохи Первой мировой войны, были намечены автором в ряде недавних работ [1; 2; 15]; в данной публикации прослеживается их развитие в ходе «красной смуты»¹.

---

¹ Месяцы между февралем и октябрём 1917-го – по контрасту с прежней эпохой – дают настоящий взрыв свободы журналистского самовыражения. С принятием 27 апреля 1917 года Закона о печати издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. Появляются (увы, ненадолго) и новые, яркие сатирические журна-

Начнем с того, что подчеркнем, *чего не было* в тогдашней русской журнальной сатире и что выгодно отличало ее от многочисленных образцов иностранной сатиры военного времени. В абсолютном большинстве своих работ отечественным авторам был чужд националистический подход в продвижении образа Врага. Как правило, противник («турок») представлял в работах сатириков враждебным не по «крови» и «происхождению», а по недостойному воина поведению в бою, из-за жестокого отношения к пленным, раненым, мирным жителям. Столь же чуждым для сатириков этого круга изданий было глумление над верой неприятеля. Религиозная тема, священные символы чужой религии никогда не становились объектом критики и насмешки.

Впрочем, революционные события 1917–1918 годов в России существенно изменили основной ракурс взгляда российских сатириков на Турцию и «турка» как объект интереса и критики². Общим фоном здесь отныне становятся события внутри собственной страны, где военное ожесточение и экономический кризис все активнее провоцировали политические раздоры, социальную вражду и настроения экстремизма. Образ «турка» лишь на время (зима 1917 года) отойдет на второй план в общем репертуаре объектов сатирического интереса, чтобы на короткое, но эпохальное время (весна 1917 – лето 1918 годов) вновь появиться на страницах сатирических изданий старой России, с трудом сумевших уцелеть в неблагоприятных (мягко говоря) обстоятельствах «красной смуты». Актуальным контекстом для временного возрождения этого исчезающего образа вражды/сочувствия станет крах старых имперских режимов Европы и Азии в ходе Великой войны, часто трактуемой как «война наций и империй».

Меж тем на фоне февральско-мартовских событий начала 1917 года позиционное затишье на Кавказском фронте сменилось Месопотамским наступлением генерала Юденича. Прекращение наступления и отстранение генерала от командования войсками Кавказского фронта (из-за конфликта с Временным правительством) существенно изменили здесь

лы, среди которых своей остротой и задором особо выделялся «Пугач». С лета 1918 года жесткий курс новой власти приводит к исчезновению и самого предмета данного исследования – сатирической журналистики старой России.

² См. начало данной темы в статье [16].

ОЛЕГОВ ЩИТ В РЕВОЛЮЦИОННОМ «ИНТЕРЬЕРЕ»

всю картину военных действий. А заодно – и расклад политических сил, спутывая карты и противникам, и союзникам России. Новый главнокомандующий М.А.Пржевальский переходит к тактике обороны. Одновременно изменяются и тематические приоритеты отечественной сатиры. Главным мотивом становится предощущение общности судеб отживших свой век империй, близящийся и, как показала история, схожий финал старых режимов.

В одном из весенних номеров журнала «Бич» 1917 года, когда судьба Дома Романовых была уже predeterminedена временем, находим примечательный рисунок. На символическом корабле, готовом уйти в историческое небытие, собралась толпа «бывших» – монархов, среди которых, наряду с Николаем II, выделяется своей феской с полумесяцем дряхлый турок – бледная тень правителей некогда грозного Дома Османов. Все они только и ждут, когда по трапу на корабль поднимется сам Вильгельм Гогенцоллерн [3]...

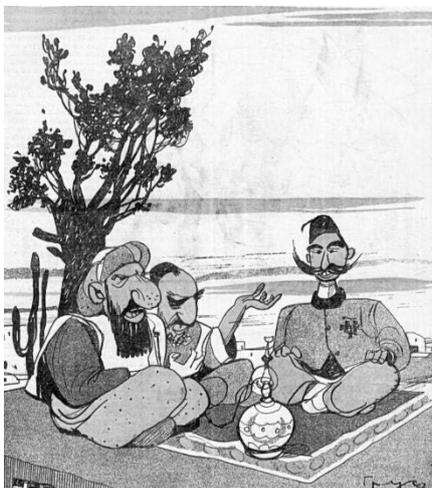
Не менее знаковой воспринимается и карикатура под названием «Четвертый партнер» в одном из мартовских номеров «Нового Сатирикона». В ней средствами сатиры подводится драматический итог эпохе старых режимов, сгоревших (или догорающих) в пламени Первой мировой. Троица «бывших» – персидский шах, турецкий султан и португальский король – со злорадными усмешками встречает появление «нового партнера» – Николая Романова. В одной руке он жестом попрошайки держит корону, а в другой – у него жалкий чемоданчик да

Новый Сатирикон
1917 г. №11. С.4.

поводок, на котором отставной российский самодержец ведет горько рыдающего ощипанного двуглавого орла без крыльев [6]...

Тогда же, весной и летом 1917 года, на фоне дискуссий в российской печати о возможности заключения мира сатирики обращаются к теме предполагаемой реакции противников России на перспективу переговоров о перемирии. В этом смысле Турция видится главным кандидатом на первоочередной выход из войны. Понятно, что препятствием к этому была позиция «заклятого друга» турок – Германии. В «Новом Сатириконе» находим примечательную карикатуру: трое турок за кальяном

Новый Сатирикон
1917 г. №23. С.9.

(лишь один из них – военный) уныло обсуждают актуальную политическую ситуацию:

«Магомет: – Противно читать о русских... Столько времени говорят о сепаратном мире, спорят, волнуются... Противно прямо...

– Еще бы не противно...

– Конечно. Предложи нам – да разве бы мы разговаривать стали? В три дня подписали бы...» [7]

Как отклик на волнения в Стамбуле по причине углубления внутреннего кризиса в стране журнал публикует сатирический рисунок с изображением экзеку-

ции – порки с «законодательным» подтекстом, что возвращает нас на новом витке развития темы к сюжетам о «правопорядке», установленном репрессивным младотурецким режимом в своей стране [16, с.41]. На карикатуре под названием «Единственное утешение» видим, как палач увещевает свою орущую жертву:

«– Молчи, негодяй, я секу тебя по приговору многолюднейшего собрания правоверных Стамбула...

– Бей. Но у меня все-таки есть единственное утешение, что резолюция прошла незначительным большинством голосов...» [8]

Публикация сатирического рассказа-фельетона «История Олегова щита» (автор – ведущий сотрудник издания, писатель Аркадий Бухов) в одном из последних номеров журнала «Новый Сатирик» символическим образом подводила итог вековым грезам российских властей о завоевании Константинополя и «водружении креста на Святую Софию». «Финалистские» настроения этого сатирического текста имели двойной смысл, констатируя, во-первых, исчезновение, по сути, к концу Первой мировой войны и началу Великой революции в России образа «турка» в роли многовекового геополитического противника России на мировой арене, и, во-вторых, полный провал прежних режимов (будь то российское самодержавие или Временное правительство) эффективно вести свой внешнеполитический курс. «Либеральное имперство» кадетов в «восточном ракурсе» их недолгой государственной политики с горечью трактовалось новосатириконовцами как один из признаков роковой неспособности решать как внешние, так и внутренние проблемы страны, переживавшей острейший революционный кризис.

Этот текст представляется столь афористичным и знаковым для сатирической трактовки отечественной идейно-политической традиции восприятия «восточного вопроса», что заслуживает развернутой публикации:

«Пока у Олега не было щита, не было и заботы о том, куда бы его прибить. Но судьба играет человеком и в одно несчастное древнеславянское утро Олег, сам того не замечая, к глубокому унынию ближайших родственников, очутился со щитом.

– Братцы, – виновато сказал он, разведя руками, – что же это? Что же это? Что я теперь с ним делать буду?

А щит лежал одиноко и сурово, как вещественное доказательство славянской силы и могущества, и требовал, чтобы его прибили к подходящему месту.

– Прибей, – настаивали родственники.

– И прибью, – согласился Олег.

На семейном совете стали совместно придумывать место. Олег долго упрасивал, чтобы его отпустили недели на две прибывать щит в одну соседнюю деревушку на сваях, где жила одна интересная славянка с большими национальными скифскими задатками.

– Прибью и приеду, – уговаривал Олег. – Еще римляне говорили: без щита или совсем не надо. И никому от него, проклятого, беспокойства не будет. Щит не собака – с гвоздя не сорвется.

Быть может, родственники и согласились бы на это, тем более, что щитишко был обыкновенный, облупленный и никто на него не зарился, но среди них оказался один пьяный богатырь, который решительно потребовал, чтобы щит был прибит к воротам Царьграда.

До прибытия варягов славяне природным умом не отличались и спорить с пьяным человеком было некому.

– Город как город и ворота хорошие, – согласились родственники, – всякому щиту лестно.

Хорошо еще, что в то время не было Парижа, иначе Олегу пришлось бы со щитом и с заграничным паспортом ехать туда прибывать щит к воротам, а Пушкин волей-неволей должен был бы написать:

Вот едет в экспрессе Олег наш в Париж,

С ним щит в небольшом чемодане...

Но народ тогда был нетребовательный, и на Царьграде все помирились.

– Нашли дело... – проворчал Олег. – Пристроили мальчика... Езди теперь со щитом, прибывай его...

С этого момента задачей, и притом неотложной, каждого славянина сделалось прибывание к царьградским воротам Олегова щита.

Турки быстро примирились с этим решением и, перестраивая и украшая царьградские ворота, всегда оставляли одно место пустым. Иностранцы очень удивлялись.

– Что это у вас кирпича либо известки не хватило, что ли?

– Не полагается сюда ничего. Здесь русские прибывать щит будут.

– Когда еще?

– Их дело когда, а прибить – прибьют. Настойчивый народ. О них даже в учебниках сказано: глаза у них голубые, волосы русые и характер – упрямый. Решили прибить – и кончено.

И действительно, не было ни одной власти в России, которая бы не стояла с гвоздем в зубах, с молотком в одной руке и со щитом в другой, готовая сразу начать забивать его. Для тех славян, которые не могли непосредственно принимать в этом участие, во всех увеселительных местах были выставлены турки, сохранившиеся еще до сих пор: за три копейки можно было бить турка по голове, а стрелка показывает, сколько пудов весит удар. Это был один из самых простейших видов русского устремления на Ближний Восток.

Поняв, наконец, что славянское желание насчет щита и ворот непреодолимо, как флюс, европейские дипломаты решили прийти России на помощь. Русского посла в Царьграде поселили около самых ворот, чтобы он по утрам мог непосредственно на месте вымерять большим арши-

ном необходимое место на воротах, а сами, покорно вздохнув, занялись организацией торговли, проведением дорог и вооружением Турции.

– Ну как со щитом-то? – изредка спрашивали они у русского дипломата. – Меряете?

– Через две недели всему конец, – радостно отзывался тот, – только пыль с него стряхнуть осталось... Не извольте беспокоиться, если молотком стучать будем.

– Будьте любезны. Может, помочь прикажете?

И помогали приколачивать Олегов щит европейцы образцово. Едва только прямые наследники Олега пошевеливали веселым щитом, как европейские дипломаты всячески старались успокоить турок, чтобы они не волновались. Им дарили броненосцы, инструкторов, оружие, устраивали займы. И странно – чем больше их успокаивали такими подарками, тем труднее становилось прибить щит.

Славянская пресса, у которой от прадедов не осталось ни голубых глаз, ни русых волос, а одно только упрямство, уже начинала подумывать о том, не лучше ли будет, если турки сами принесут свои ворота и у нас, на месте, прибьют их к щиту.

Турки упорно не несли ворот.

– Восточная лень, – определяла славянская пресса. – Персы – те бойчее. Им дай семь рублей и Станислава, они тебе все свои плоскогорья и возвышенности в Тамбовскую губернию принесут.

Наконец в самое последнее время заботу о щите взял на себя Милюков. Это был самый упрямый славянин последнего столетия, и ежегодно он уезжал по делам в Царьград, чтобы привыкнуть к тамошним воротам.

Турки пели незамысловатую песенку – "Как у наших у ворот..." – и молчали. Милюков же пил и спал на щите, пока наконец в один прекрасный день, проснувшись, не почувствовал себя вне закона.

– Всеу законы писати, если их не исполняти, – правильно понял Милюков и уехал на юг. Эта поездка даже самыми нетактичными газетами не была названа увеселительной.

А по улицам уже бежали газетчики и радостно делились со славянами очередной новостью.

– Последние известия... Телеграмма Карахана – уступлен туркам Кардахан...

Славяне принимали это известие двояко. Одни уверяли, что по отчету Карахана уступлен Кардахан, другие, наоборот, утверждали, что известие прислал Кардахан, а уступлен Карахан. Никто по этому поводу не выражал ни горя, ни радости.

Щит остался неприбитым» [9].

Концентрация сатирических символов и многозначительных метафор в трагикомическом восприятии войны, мира и отношений с государствами-соседями-противниками достигала тогда особой «густоты», как это, впрочем, и типично для эпохи революций, когда уже ничто не слишком. На обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона» (июнь 1918 года), когда Брест-литовское перемирие уже вывело Россию из войны империалистической и ввергло ее в войну гражданскую, находим последний рисунок, в котором присутствует образ «турка» в сатирической журналистике той эпохи. Огромный «германец» запихивает в свой мешок народы мира – жертвы его агрессивных устремлений. Рядом с ним тощий турок, поглядывая на союзника снизу вверх, тоже пытается костлявыми ручками запихнуть народы своей расползающейся державы обратно в свой мешок. А где-то внизу, у их

Новый Сатирикон
1918. №12. Обложка.

ног, бравый красноармеец отстреливает несчастных «мешочников», борясь с «контрреволюцией и саботажем». Подпись под карикатурой язвительна, поясняя, что новая российская власть воюет с собственным народом, отказавшись от борьбы с настоящим злом – внешним противником: «Маленькие мешочники, с которыми власть воюет, и БОЛЬШИЕ МЕШОЧНИКИ, с которыми власть не воюет» [10].

В целом же образ Турции к концу войны становится все менее значимым как образ актуального врага, часто

служба лишь поводом для внутренней рефлексии на российские темы. Черты старости, дряхлости, изнурения, нагнетающиеся в образе турка в ту пору, конечно же, отражают не только (и не столько) «изношенность» османского могущества, окончательно разрушенного в боях Великой войны. За этими символами видится, на наш взгляд, *возраст вражды*, связавшей когда-то судьбы двух государств и народов, но вражды дряхлеющей, изживающей себя на фоне понимания общности внутренних проблем.

Военно-политические обстоятельства этой журнальной рефлексии на тему Турции и «турка» были трагичны для обоих участников кровавых событий на Кавказском фронте. «В марте 1918 года остатки русской и ее наследницы армянской армии окончательно покинули турецкую землю, – писал в своих воспоминаниях полковник русской армии А.К.Шнеур. – Все усилия и победы в тяжелой войне были сразу сведены к нулю. Обесиленная, разбитая русскими, Турция сама протягивала руку мира, поднялась, как больная после тяжелой болезни, и, спотыкаясь, еле переставляя ноги, поплелась к границе...»³

Нагнетание и преодоление «языка вражды» в отношении «турка» и Турции, волнообразно происходившее в русской журнальной сатире начала XX века, в ходе революционных событий 1917–1918 годов перейдет в стадию размывания этого образа как культурного факта и как воплощения традиционных символов «Врага с Востока». Советский этап «переиздания» соответствующих образов, подогретый бурными послереволюционными событиями в Закавказье, будет иметь свои особенности и векторы развития. Но в своем эмигрантском «зазеркалье» российская культурная традиция восприятия реального турка переживет примечательную эволюцию – от ненависти к взаимности, переходящей в симпатию⁴.

Этот феномен можно объяснить общими для двух народов проблемами срыва модернизации, общими бедами из-за расцвета «агрессивных

---

³ Цит. по [11].

⁴ Одно из объяснений этого феномена давал итальянский наблюдатель П.Пагануцци, отмечавший тот факт, что русская армия препятствовала «эксцессам» ответной мести – расправ армян с турками, а сами «русские гуманно и справедливо относились к пленным, раненым и местному турецкому населению» [11].

национализм», губительными социальными катастрофами военного времени, политическим эгоизмом союзников и т.д. [4; 12; 13; 14; 17]... А можно обратиться и к очень личному восприятию современником этого русско-турецкого парадокса – своего рода посттравматической взаимной симпатии русских и турок, случившейся в послевоенном Стамбуле, так и не ставшем Константинополем. На какое-то время в совместной истории соседей-соперников остались лишь «два больных человека», как описывал их Василий Шульгин: «Турция, давно заболевшая, и Россия, недавно тяжело занемогшая...»⁵ Сами же «реальные» турки, проигравшие войну, стали своего рода друзьями по несчастью.

Исследованные материалы убедительно свидетельствуют: сатира как способ освоения и усвоения опыта Мировой войны и Революции 1917 года дает ключ к постижению жестокой реальности эпохи, приоткрывая загадки внутреннего мира творческой личности перед лицом небывалых испытаний. Созданные сатириками образы Востока проясняют истоки стереотипов и мифов, подчас бытующих в общественной мысли и массовых представлениях. В этом смысле произведения отечественных сатириков восстанавливает для нас часть *автобиографии* России в период величайшего кризиса в ее истории, демонстрируя яркие образцы жанровых поисков и ценный опыт внутри- и внешнеполитической аналитики в «восточном» направлении.

Библиографический список

1. Баратов П.Н., Филиппова Т.А. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI. 2014.
2. Филиппова Т.А. «Большой человек» в эпоху войн и революций». Образ Турции в русской журнальной сатире. 1914–1918. М. – СПб. Центр гуманитарных инициатив. 2016.
3. Бич, 1917. №23. С.11.
4. Иванов С.М. Россия и Турция (Общее и особенности развития в эпоху средневековья и Новое время). Ч.2 [Электронный ресурс] // Проект "Звуковая энциклопедия". URL: <http://window.edu.ru/resource/480/38480>. Дата последнего посещения 10.02.2016.
5. Из дневника Василия Шульгина // Родина. 1998. № 5–6. С.128.
6. Новый Сатирикон, 1917. №11. С.4.
7. Новый Сатирикон, 1917. №23. С.9.

---

⁵ Цит. по [5].

ОЛЕГОВ ЩИТ В РЕВОЛЮЦИОННОМ «ИНТЕРЬЕРЕ»

---

8. Новый Сатирикон. 1917. №24. С.12.
9. Новый Сатирикон. 1918. №6. С.2–3.
10. Новый Сатирикон. 1918. №12. Обложка.
11. Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. №8–9. С.96.
12. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993.
13. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990.
14. Россия, Запад и мусульманский Восток в Новое время. СПб., 1994.
15. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI. 2012.
16. Филиппова Т.А. «Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирикон» // «Восточный архив», 2014, №1(29). С.40–46.
17. Шеремет В.И. Война и бизнес. М., 1996.

Наши авторы

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог, почетный член Биохимического общества, член Американского геронтологического общества, историк, публицист

Медведев Рой Александрович

кандидат педагогических наук, историк, писатель

Максимычев Игорь Федорович

доктор политических наук, посланник в отставке, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Солдатенко Валерий Федорович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф.Кураса Национальной Академии Наук Украины (НАНУ), член-корреспондент НАН Украины

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории международных отношений Института всеобщей истории РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Киржа Кирилл Викторович

атташе Посольства России в Черногории

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН и Института российской истории РАН

Our authors

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society, historian, publicist

Medvedev Roy Aleksandrovich

Ph. D., pedagogical sciences, historian, writer

Maksimychyev Igor' Phedorovich

D.Sci. in political sciences, the Chief researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Soldatenko Valerii Fedorovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Scholar of the Institute of Political and Ethnonational Studies Research named after I.F.Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine, corresponding member of NAS of Ukraine

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern Russian History, Moscow State Regional University, head specialist of the "Centre Documentary Publications", the Russian State Archive of Socio-Political History

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D., historian, Research Fellow at Center for the History of international relations of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Kirzha Kirill Viktorovich

Attache of the Russian Embassy in Montenegro

Filippova Tat'ana Aleksandrovna

Ph.D., Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of RAS and the Institute of Russian History of RAS

*Памяти
Исаака Соломоновича
Розенталя (1929–2018)*

Доктор исторических наук, академик РАН, он с момента создания редакционного совета нашего журнала был его бессменным членом. Ему мы обязаны привлечением многих серьезных авторов. Его внутренние рецензии на рассматриваемые к публикации статьи всегда отличались глубиной анализа, четкостью оценок и огромной доброжелательностью, даже если сопровождалась суровой критикой.

Круг научных интересов Исаака Соломоновича

был чрезвычайно широк: от духовных запросов рабочих России после революции 1905–1907 годов и создания профессиональных союзов до истории российского либерализма, российской культуры, социально-политической истории страны в целом в XX веке. Особое место занимают его энциклопедические статьи, всегда отличавшиеся ярко окрашенной авторской индивидуальностью. Их фирменным знаком был точный выбор фактов, событий, убедительность их интерпретаций и личностных характеристик. Это объясняет, почему крупнейшие энциклопедические издания последнего времени неизменно привлекали его в качестве автора.

Каждое из его исследований отличалось оригинальностью постановки проблем. Среди его монографий, в частности, «Провокатор Роман Малиновский: судьба и время» (1996); «Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг.» (2004); «"И вот общественное мнение!" Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII

– начало XX вв.» (2007); «Н.Валентинов и другие. XX век глазами современников» (2015).

Проблемы и темы, поднятые в этих книгах, развивались в нашем журнале. Недаром некоторые из читателей шутили, что каждая публикация И.С.Розенталя воспринималась ими как знак качества журнала.

Первая статья Исаака Соломоновича появилась у нас в 1998 году. Последние две – в двух номерах журнала за нынешний год – он писал и редактировал уже в больнице. Продолжая работу буквально до последних минут. Вообще на последние годы приходится пик его творческой активности. И особое место среди публикаций этих лет занимают необыкновенно искренние автобиографические эссе под общим названием «За синей птицей» (2012). Перед нами проходит вся жизнь Исаака Соломоновича с радостями и горестями, родными, близкими и друзьями, жизнь страны, которую он любил и которой гордился, несмотря на все невзгоды и сложности, что выпали на его долю.

Авторитет Исаака Соломоновича Розенталя был безусловен, ибо он обладал, как говорят музыканты, абсолютным слухом и, вместе с тем, уважительной терпимостью по отношению к тем, кто от рождения лишен этого дара настолько, что и понять этого самостоятельно просто не в состоянии.

Нам будет очень не хватать его.

*Друзья,
Редколлегия,
Редакционный совет*

**Публикации Исаака Розенталя
в журнале «Россия XXI»**

1998

1. Старые прогнозы	№3
2. Исторический источник и «виртуальная реальность»	№9

2002

3. Звездный час Григория Алексинского	№4

2006

4. Рано или поздно? Заметки на полях известных страниц истории	№1
5. О царской охранке и «ведомственной» истории	№6

2007

6. Прогрессист Голицын и его дневник	№4

2008

7. Музей и время	№1
8. Общественность в досоветской России. Что дает ее изучение?	№3
9. Валентинов и его время	№6

2009

10. Николай II и Государственная дума – новое слово?	№6

2012

11. Русское зарубежье, еврейский вопрос... (20-е – 40-е годы XX века)	№1

2015

12. Вокруг одного письма. Еще об интеллигенции
накануне Февраля 1917-го №5

2017

13. «Браво, "старый" Вольский!»
Письма А.В.Руманова Н.Валентинову (В.Вольскому).
1947–1960 годы №1

2018

14. О некоторых тенденциях осмысления Первой
мировой войны, революции и большевизма
современниками (начало) №3
15. О некоторых тенденциях осмысления Первой
мировой войны, революции и большевизма
современниками (окончание) №4

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс П8643 – по объединенному каталогу «Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Подписка на электронную версию журнала оформляется через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно заказать с доставкой по всей России или купить в книжном интернет-магазине «Русская деревня». тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 2 адресам:

- ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2018.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 20.10.2018. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 ¾ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

5. 2018 september-october

Geopolitics and International Policy Issues

Zhores Medvedev, Roy Medvedev

Russia as the New Center of Geopolitical and Economic
Integration _____ **6**

Igor' Maksimychev

Will Europe Withstand Pressure?
Instability Insistently Knocks on the EU Door _____ **20**

Pages of History

Valerii Soldatenko

«In my mind, a lot will now depend on your actions... Yours,
Plekhanov».
Cases of Georgy Pyatakov's and Georgy Plekhanov's
Political Positions' Consilience _____ **44**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Valeriy Zhuravlev

Rational History and Emotional History:
Ways to Integration _____ **76**

Labels and Myths

Ol'ga Zaichenko

Refuge from Fears and Projection of Hopes.
Image of Russia as an element
of the conservative «style of thinking»
in Germany in the second quarter
of the XIX century _____ **100**

Russia in the World

Vladimir Degoev

«To Find Out More about Their State of
Things». England through
Peter the Great`s Eyes _____ **126**

Kirill Kirzha

On the Historic Framework of the Russian-
Serbian Friendship _____ **152**

Topical Archive

Tat'ana Filippova

Prince Oleg's Shield in the Revolutionary
«Interior».
Image of the Orient in Russian Journal
Satire of 1917–1918 _____ **168**

РОССИЯ XXI